

КОРОНОВАННАЯ
ДЕМОКРАТИЯ
ФРАНЦИЯ И РЕФОРМЫ
НАПОЛЕОНА III В 1860° ГОДЫ

✻ МАРИЯ УВАРОВА ✻

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Мария Уварова

Коронованная демократия

Франция
и реформы Наполеона III
в 1860-е гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

МОСКВА · 2014

УДК 94(44).07

ББК 63.3(4)5

У18

Уварова, М.

У18 **Коронованная демократия. Франция и реформы Наполеона III в 1860-е гг. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 256 с.**

ISBN 978-5-93255-391-6

Книга посвящена одному из самых драматичных эпизодов истории Франции — либеральным реформам в период империи Наполеона III. Несмотря на важность их роли в истории страны, эти события были слабо изучены историками. Задача автора — проследить, каким образом авторитарная форма власти пошла на уступки демократии и адаптировала ее принципы. А также проанализировать ту особенность политического строя, которая была создана в ходе этих реформ.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей Франции, политических режимов, общественной мысли и социальной историей.

УДК 94(44).07

ББК 63.3(4)5

© М. Уварова, 2014

© Издательство Института Гайдара, 2014

ISBN 978-5-93255-391-6

Содержание

От автора · 9

Предисловие · 11

Либеральная идея и политическая традиция
Франции · 11

«Либеральная империя» в отражении архивов
и исторических исследований · 25

Глава I. Оппозиция на пути к власти · 40

1. Десять лет стабильности · 40

2. Кризис и новые либералы · 82

Глава II. Эмиль Оливье — теоретик
«либеральной империи» · 102

1. Свобода и порядок · 103

2. Преобразования в институтах власти · 118

3. Гражданские свободы · 130

Глава III. Реформы: от идей к реальности · 140

1. Реформы государственного аппарата
и парламента · 140

2. Свобода прессы и собраний · 161

3. Рабочий вопрос · 181

4. Конституция 1870 г. · 197

5. Итоги: выборы 1869 г. и плебисцит 1870 г. · 202

Заключение · 230

Источники · 247

Библиография · 248

**Идите во главе идей
вашего века — эти идеи вас
увлекут и вас поддержат,
идите против них — они
вас сметут.**

Наполеон III

От автора

Когда-то эта книга задумывалась как попытка пролить свет на личность, судьбу и политическую деятельность последнего императора Франции Наполеона III, над фигурой которого до сих пор не до конца поднят занавес тайны и вокруг которого не утихают баталии историков. Этот человек и связанная с ним эпоха прошли путь от «Наполеона Малого» до «социалиста на престоле» — трудно удержаться от соблазна проследить, каким образом и почему оценка его правления совершала подобные кульбиты. Сила воли или сила обстоятельств — что делало таких правителей и их время? Признаться, мы не уверены, что найдем ответ на этот вопрос — как в данной книге, так и на более просторном исследовательском поле. Относительно Наполеона III историки предпочитали, как правило, роль биографов, выводили на передний план мысль и направляющую руку правителя. Нас же интересуют мысли и дела тех, кем он правил. Потому мы и решаемся наблюдать то, каким образом воля личности и воля обстоятельств встретились, вступили сперва в борьбу, затем в диалог и, наконец, дали жизнь одной недолгой, но невероятной форме общественной жизни. Именно на этой форме сосредоточено наше внимание. Эпоха реформ, когда пошатнувшееся здание монархии начало искать опору не в военной славе или дипломатических интригах, но в демократии. Другое дело — к лицу ли демократии корона и мантия.

Я выражаю благодарность тем, кто в той или иной степени и на разных этапах принял участие в реализации замысла этой книги. Прежде всего, это мой научный руководитель Елена Ивановна Федосова (МГУ), направлявшая в течение нескольких лет процесс моего исследования и помогавшая в конкретизации темы и методов работы с источниками. Среди моих учителей также профессор Александр Васильевич Ревякин (МГИМО), профессор Алла Сергеевна Намазова (Институт всеобщей истории РАН) и Андрей Юрьевич Смирнов (МГУ), делившиеся со мной своим опытом и корректировавшие мою работу. Эта книга увидела свет благодаря издателю Валериану Валериановичу Анашвили, проявившему интерес к проекту, взявшему на себя его практическое осуществление и сделавшему важные редакторские замечания. Мои французские коллеги, профессор Эрик Ансо (Университет Париж-1) и профессор Мари-Пьер Рэй (Университет Тулузы), оказали помощь в работе с архивными источниками во Франции, предоставили ценные методологические советы и библиографическую информацию. Вдохновляли и стимулировали процесс исследования мои друзья и коллеги — Александр Артемьев (МГУ), Иван Болдырев (Университет Гумбольдта, Берлин), Егор Гаврилов (Университет Sciences Po, Париж), Татьяна Левина (НИУ ВШЭ), Арсений Хитров (НИУ ВШЭ), Мария Юдсон (МГЛУ). Наконец, спасибо моим родителям и моему мужу Ивану, чья заинтересованность, критика и вера помогли мне преодолеть все затруднения на пути исследователя и повествователя.

Предисловие

Либеральная идея и политическая традиция Франции

СВОБОДА. Это слово, которым мы так беспечно перебрасываемся сегодня, которое так прочно вошло в нашу повседневную речь, что стало едва ли не затасканным предметом обихода. В самом деле, садясь за руль автомобиля, мы даже не задумываемся о том, как еще столетие назад подобный способ передвижения потряс общество. Таков же был и путь понятия «свобода». Двести лет назад вокруг него разгорались войны, оно рушило человеческие судьбы, сметало одни государства и создавало новые; оно перекроило, перевернуло Западный мир не менее, чем весь научно-технологический прогресс. Франция — вот страна, где свободе выпали наиболее суровые испытания и которая восславилась ее громче чем все ее соседи; где именем свободы были совершены безумства, подвиги, созданы шедевры искусства, и где ее же именем, согласно последним словам Манон Ролан перед эшафотом¹, были совершены самые чудовищные преступления.

1. Манон Жанна Ролан де Ла Платьер, известная как мадам Ролан, хозяйка парижского литературного салона в 1770 — 1780-е гг., горячая сторонница революции, была казнена в 1793 г. по обвинению в связях с роялистскими заговорщиками.

Изучение трудных путей становления французской свободы — задача амбициозная и чересчур обширная для данного исследования. Ведь в нем мы намерены ограничиться небольшими временными рамками и осветить всего лишь один из наиболее острых эпизодов испытаний, выпавших на долю свободы. Отметим ключевой момент: идея свободы и формы ее воплощения во Франции — процесс, безусловно, эволюционный, и сама идея свободы имела свойство гибко изменяться в соответствии с конкретными социально-политическими условиями.

В интересующий нас период — Новое время в Западной Европе — решающую роль в становлении идейной базы понятия «свобода» сыграла Англия. Можно сказать, она стала первым и главным экспортером на континент не только достижений промышленного переворота и научных открытий, но и наиболее передовых на то время идей². Английская революция середины — второй половины XVII в. не только нанесла сокрушительный удар по абсолютизму королевской власти, продемонстрировав торжество принципа народного суверенитета (посредством представительного парламентского правления); она прокатилась эхом по Европе — не в форме аналогичных социальных потрясений, но в виде новой системы ценностей, совершивших вторую интеллектуальную революцию после Ренессанса³. Идеи представительного правления, ограничения власти монарха, торже-

2. См.: Европейский либерализм в Новое время: Теория и практика. М., 1995.

3. См.: *Берман Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994; о моделях и кризисах английского и французского абсолютизма см.: *Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010.

ства гражданских прав и суверенитета нации нашли отражение в трактатах «отца» европейского Просвещения и либерализма Джона Локка⁴; позднее они распространились на другие европейские государства, в которых вопрос о взаимодействии власти и общества был поставлен не менее остро, но где система органов власти не была столь «демократичной», как в Англии, и требовала, с точки зрения мыслителей, глубоких преобразований. Таким образом идея о гражданско-правовом государстве составила основу европейского Просвещения.

Во Франции судьба идей о гражданской свободе сложилась, пожалуй, наиболее драматично. Прежде всего, в этой стране сказывался сильный разрыв между формой правления и интеллектуальной жизнью. Франция в своем общественно-политическом развитии сильно отставала от Англии, до конца XVIII в. находясь в рамках абсолютизма с сохранением древнейших феодальных порядков в политической и экономической жизни, в то время как Англия уже вступила на путь парламентаризма и промышленной революции. Поэтому, если английские мыслители скорее рассуждали в рамках уже сложившейся системы общественных отношений, то французские коллеги проектировали будущее — идеальное государство, которое должно было прийти на смену абсолютизму. «Фантастичность» такого мышления была впоследствии использована деятелями революции 1789 г. — то было величайшее их заблуждение, ибо ни один из просветителей не допускал революционного сценария смены власти⁵.

4. См.: *Локк Дж.* Два трактата о правлении // *Локк Дж.* Сочинения. М.: Мысль, 1988. Т. 3.

5. См.: *Олар А.* Политическая история французской революции. СПб., 1902.

Соседство высоких идеалов свободы, равенства и народного суверенитета с революционным террором и превращением принципа гражданской свободы в почти тоталитарную диктатуру явило собой нездоровую картину, ставшую кошмаром для нескольких поколений французов. Такое положение впоследствии, уже по завершении революции, в эпоху империи Наполеона Бонапарта и Реставрации, заставило мыслителей серьезно задуматься над вопросом о пределах свободы, о степени контроля государства над гражданской свободой, о форме правления, которая бы обеспечила свободу снизу, порядок сверху и согласие между всеми слоями общества⁶. В поисках компромисса между свободой и порядком возникло либеральное идейное течение, принципом которого стало взаимодействие свободы личности и гражданских прав. На тот момент оно (в лице Бенжамена Констана, Жермены де Сталь, Франсуа Рене де Шатобриана, Алексиса де Токвиля, Франсуа Гизо и др.) наиболее ярко отразило поиск Францией своего пути. В отличие от просветителей французские либералы первой половины XIX в. не были «фантастами»: они мыслили в рамках установившейся в стране системы отношений гражданина и власти — конституционной монархии. Конституционная Хартия 1814 г. и ее более либеральная редакция 1830 г. представлялись им идеальным лекарством от двух губительных болезней: абсолютизма власти и революционности народных масс.

Политические события XIX в. во Франции подтвердили и предсказали слова либералов: это эпоха беспрецедентного для страны поиска идеальной

6. См.: *Фюре Ф.* Постигание французской революции. СПб., 1998; *Генифе П.* Французская революция и террор // Французский ежегодник. 2000.

формы правления. С 1800 по 1871 г. страна переживает три революции и шесть вариантов политического режима: бонапартистская империя, почти абсолютистская реставрация Бурбонов, конституционная монархия Орлеанов, Вторая республика, Вторая бонапартистская империя и Третья республика. Вторая империя 1851–1871 гг. стала в истории страны периодом, максимально сконцентрировавшим все ее прошлые опыты, чаяния и противоречия ее путей. Бонапартизм середины XIX в., как и бонапартизм Наполеона I, отразил ту точку невозврата, в которой находилось французское общество: нельзя допустить ни революции, ни монархии, нужно строить новую систему, основанную на примирении всех социальных сил. Как никогда более громко в тот период заявили о себе все общественные группы. У них наконец-то появился свой голос, ибо один из уроков революции, усвоенный французской правящей элитой, состоял в необходимости учреждения представительного органа при монархе. В той или иной форме, с большими или меньшими ограничениями, но режимы Реставрации и Июльской монархии были парламентскими. Различные политические силы наконец получили легальную возможность высказаться, политическая жизнь ушла с улицы и интеллектуальных салонов в палату народных представителей. Соответственно и политические доктрины получили возможность развиваться, эволюционировать в согласии с изменениями условий социальной жизни и общественных настроений. Они, в отличие от Просвещения, стали более социальными, более реалистичными⁷.

7. См.: Федосова Е. И. Либералы у власти // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001.

Просвещение созревало в замках и салонах, либерализм — в палате депутатов.

Все это отразилось и на специфике развития либерализма в эпоху Второй империи. Сложилась особая система взглядов, которая, будучи основанной на традиционных ценностях либерализма начала XIX в., в то же время сделала попытку адаптировать их к новым социально-политическим условиям. Опять же новый либерализм был связан с новой формацией политической жизни страны — приходом к власти Наполеона III, принявшего французское общество смятенным, усталым и почти отчаявшимся после революции 1848 г. Именно в ту пору либеральные идеи и власть вступают в тесное и продуктивное взаимодействие, нацелившись на преобразование всех сфер жизни общества. Результатом этого сотрудничества стали реформы 1860-х гг., воплотившие новые либеральные идеи.

Новый французский либерализм развивался параллельно новой наполеоновской идее. Она как никогда ярко отразила парадоксы исторического пути Франции и политического сознания французов. С 1789 г. страну потрясала навязчивая идея свободы, постоянно сдерживаемая страхом превращения ее в революционный террор⁸. 1793 г. прочно вошел в генетическую память нации. Санкюлоты-идеалисты продержались у власти недолго — переворот 9 термидора и последовавшие за ним Директория, Консульство и Империя доказали, что победу в ходе революции одержало все же «третье сословие» — буржуазия, свободная от сословных предрассудков, образованная, деятельная и прагматически мыслящая часть нации. Во многом именно

8. См.: *Фюре Ф.* Постигение французской революции. СПб., 1998.

ее идеологией стал либерализм — компромисс свободы и порядка, социальной гармонии и индивидуальной свободы. Век либерализма стал для Франции синонимом века буржуазии⁹.

Вплоть до 1830-х гг. либералы представляли собой оппозицию: сперва они обрушивались с критикой на режим Первой империи и «узурпатора» Бонапарта, позднее возмущались абсолютистскими поползновениями Карла X при Реставрации. И только июльская революция 1830 г. и восшествие на престол Луи-Филиппа Орлеанского привели либералов не только в парламент, но и к власти. Самим своим существованием Июльская монархия была обязана либералам во главе с Адольфом Тьером — не столько великим мыслителем, сколько расчетливым и умным политиком, понимавшим, что возвращение старого порядка и принципа божественного права короля отныне немислимы и приведут к новой гражданской войне. «Король-буржуа» Луи-Филипп в итоге предал чаяния своей социальной базы: сперва отказавшись провести избирательную реформу и снизить имущественный ценз для права голоса, затем совершив еще более роковую ошибку: невнимание к растущему рабочему движению, которое готово было нанести удар прежде всего по буржуазии. Последовавшая революция 1848 г. грозила закончиться социалистической республикой с невнятными иллюзорными целями, без яркого общенационального лидера, без объединяющей нацию идеи¹⁰. Французское общество было еще слишком молодо для полного самоуправления и тем более для диктатуры про-

9. См.: Федосова Е. И. Либералы у власти // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001.

10. См.: Furet F. La Révolution 1814–1880. Paris, 1988.

летариата. Как человеку в определенный период роста нужны родители, воспитатели и учителя, так и французское общество нуждалось в направляющей руке. На тот момент оно было подростком, подглядывавшим за жизнью взрослых и отчаянно бунтующим против родителей. В данной ситуации от «родителей» нации требовалась осторожность и глубокое понимание ситуации. Таким «отцом» стал первый президент Второй республики (и первый в истории Франции президент, избранный всеобщим народным голосованием) Луи Бонапарт. Совершив переворот 2 декабря 1851 г. и провозгласив себя императором Наполеоном III, своим воцарением не просто утолил свои личные амбиции и чаяния своих сторонников — он принес нации долгожданную передышку и программу, нацеленную на сплочение и стабилизацию общества. Обещано было всем — и буржуазии, и крестьянам, и рабочим. А затем — самое важное — выполнено.

Целевой группой Луи Бонапарта была буржуазия, но, в отличие от Луи-Филиппа, он понимал, что благополучие этой группы и соблюдение ее интересов не будут прочными без поддержки всех социальных слоев¹¹. Для каждого из них будущим императором был заготовлен «поощрительный приз». Луи Бонапарт видел, что отныне движущей силой нации является средний класс — разные подгруппы буржуазии, от адвокатов, врачей и владельцев лавок до крупных финансистов, дававших ссуды королям. Этот класс он спас от угрозы социалистического переворота 1848 г. Спас активной экономической программой — впервые во Франции была полноценно введена политика экономического либера-

11. См.: *Смирнов А. Ю.* Империя Наполеона III. М.: Эксмо, 2003.

лизма, идеи Адама Смита и Тюрго и «невидимой руки рынка» в противовес традиционному французскому протекционизму в духе Кольбера (из-за которого французская экономика не могла осуществить план «догнать и перегнать Англию» в течение полутора веков)¹². Спас он и крестьянство, которое как всегда больше всего страдает от революции, от нерешенных экономических проблем и стремится только к стабильности, к отсутствию роста налогов (что имело место в дни революции — именно по этой причине крестьянство отвернулось от нее, не говоря уже о том, что в 1790-х гг. основные очаги роялистского сопротивления Конвенту возникали именно среди крестьян) и возможности свободно обрабатывать свою землю и реализовывать ее продукт. Ведь революция 1848 г., нацеленная на социалистический переворот, полностью игнорировала проблемы деревни, в то время как крестьянство во Франции все еще оставалось самым многочисленным классом. Была у Луи Бонапарта и программа (хотя и не сразу приведенная в исполнение), касавшаяся материального положения, условий труда и прав рабочих: под влиянием трудов социалистов (Сен-Симон, Оуэн, Бланки) и того же Смита император понимал, что невнимание к материальным и политическим проблемам пролетариата грозит его режиму падением¹³. Наконец, всем сословиям император даровал главный «подарок» — всеобщее избирательное право и право референдума, ценнейшее, пожалуй, из наследий революции 1848 г. Какова бы ни была форма власти, но право граждан высказывать свое мнение о ней

12. *Anceau E.* Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Tallandier, 2008. P. 134.

13. Там же.

должно быть сохранено — это девиз нового времени, та норма общественной жизни, которой опасно пренебречь, особенно на волне недавно прокатившихся по Европе демократических революций, в ходе которых даже Пруссия, оплот консерватизма и абсолютизма, снизошла до конституции. Наполеон III, опираясь на изучение трудов передовых мыслителей современности и на собственные наблюдения и анализ ситуации, прекрасно осознал сложившееся положение.

Столь быстрые смены режимов в стране могли сбить с толку приверженцев традиционных идей — таких, как либералы. Своеобразная смесь консерватизма и романтизма и неумение гибко реагировать на изменения в общественной жизни помешали либералам стать во главе революции 1848 г. и провести ее по более мягкому буржуазно-реформистскому сценарию¹⁴. Действительно перед нацией в итоге революции встала дилемма: либо социалистическая республика, либо новый диктатор на троне. Как воспринял эти перемены либерализм? Либералы-доктринеры эпохи Реставрации (во главе с Гизо) ушли во внутреннюю эмиграцию, меж собой осудив «выскачку и узурпатора». Более активно продолжали действовать их младшие коллеги — «орлеанисты» во главе с Тьером, негодовавшие не столько против узурпатора, сколько по поводу цензуры в прессе и запрета свободы собраний, а также сокращения политического плюрализма: в первые годы правления император запретил республиканские и социалистические общества, мотивировав это необходимостью умиротворить пыл общественных настроений. Фактически все оппозиционные силы были

14. *Jardin A. Histoire du libéralisme politique. Paris, 1987. P. 301.*

вытеснены с политической арены, правда, с оговоркой: в первые годы Империи либеральная партия, дискредитировавшая себя правительствами периода Июльской монархии и беспомощностью в дни революции, была крайне непопулярна среди избирателей; общество, жаждавшее стабильности и прогресса одновременно, доверилось бонапартистам.

Тем временем подрастало новое поколение либералов, которые, усвоив уроки 1848 г., избавившись от рыцарских иллюзий своих старших коллег и присмотревшись к бонапартистской доктрине, сошлись на том, что на данный момент эта форма правления для страны идеальна, но ее нужно уравновесить расширением гражданских свобод. Дискуссионным вопросом для этих либералов, как и для их предшественников, было соотношение свободы и порядка в обществе. Порядок — это авторитет императора и его образ «отца нации» (последнее было умышленно заимствовано из английского принципа монархического правления), помогающие спасти общество от революции. Но свободу новые либералы понимали уже более широко, чем их предшественники; их занимал не только вопрос о форме правления и степени ограничения власти монарха, но и более острые вопросы — гражданские свободы, положение разных классов, в том числе и рабочего. Либерализм, таким образом, на удивление динамично изменился в связи с новой реальностью. Принципы этого «социального» либерализма выразил один из виднейших деятелей Второй империи и один из основателей новой либеральной партии Эмиль Оливье. Новый либерализм представляет наибольший интерес как первая для Франции попытка (и одна из первых в Европе) соединить традиционные либеральные доктрины и новые социалистические идеи.

Изначально критика авторитарного порядка исходила от нескольких деятелей либерального течения (так называемые *Le Cinq* — «пятеро», ибо поначалу их действительно было лишь пятеро), которым удалось пройти в парламент (Законодательный корпус) на выборах 1857 г. Во главе этих «вольнодумцев» стоял молодой депутат Эмиль Оливье. Оппозиция настаивала на том, что основой благополучия империи должен стать не авторитарный порядок, но свобода: за десятилетие (1850-е гг.) общество успокоилось, теперь же пришло время укрепить стабильность свободой¹⁵. Эта идея выразила сущность предполагаемых реформ.

Либералам удалось донести свои идеи до власти и заручиться поддержкой императора. Необходимость реформ назревала в связи с новой реальностью, которая диктовала бонапартистской власти свои условия: после революции 1848 г. на политическую арену благодаря всеобщему избирательному праву вышли новые социальные группы. Политические права обрело крестьянство, именно этот класс оказал основную поддержку Наполеону III на плебисците при его приходе к власти. Начинают обретать самостоятельность рабочий класс и мелкая буржуазия, составлявшие основу республиканской партии. С их требованиями уже приходилось считаться ради сохранения порядка в государстве¹⁶. Эти группы начинают формировать свои политические объединения, основанные на совершенно новых видах идеологии: республиканской, из которой произросла социалистическая, которая, в свою очередь, отчасти восприняла коммунистические

15. *Ollivier E.* L'Empire libéral. Paris, 1899–1912. Vol. 9. P. 242.

16. См.: *Plessis A.* De la fête impériale au mur des fédérés. 1852–1871. Paris, 1979.

идеи; появляется первое международное объединение рабочего класса — Первый интернационал, одна из крупнейших секций которого была создана во Франции. Поэтому расстановка политических сил в начале 1860-х гг. не была столь однозначной: помимо либералов, недовольство авторитарным режимом выражали и республиканцы, возглавляемые яркими фигурами. — Леоном Гамбеттом, Анри Рошфором, Жюлем Фавром, Жюлем Симоном и др. Положение республиканцев на политическом фронте было гораздо тяжелее, чем либералов: они не были представлены в парламенте, их печатные издания подвергались преследованиям со стороны цензоров либо выходили только за границей, они никоим образом не соглашались, в отличие от либералов, идти на сотрудничество с императором — они требовали радикальных перемен, устранения бонапартистского режима.

Период реформ 1860-х гг., получивший среди современников название «либеральная империя», ознаменован социально-политическим компромиссом, когда власть впервые после десятилетия авторитарного режима протянула руку оппозиции. Поэтому наибольший интерес представляет изучение изменений, произошедших в либеральной мысли в связи с новыми социально-политическими условиями эпохи Второй империи, и отражения нового либерализма в реформах 1860-х гг.

Наиболее полноценное представление об этом течении дают произведения либеральных деятелей, прежде всего Э. Оливье. Круг проблем, охваченный Оливье и его соратниками, достаточно широк: он включает в себя взгляды на авторитарный режим, на принцип парламентаризма, отношение к революции и понятию «свобода», взгляды на политические права гражданина, социально-экономиче-

ские воззрения. Представляют интерес и взгляды на реформы политических противников либералов — республиканцев и бонапартистов; они помогут обратить внимание на те положения либеральной программы, которые их оппоненты считали наиболее спорными. Все перечисленное предоставляет возможность изучить то, как либерализм смог адаптироваться к новой реальности, в какой степени он сохранил свои традиционные ценности и каким образом в нем нашли отражение события и новые идеи середины XIX в. Важно понять, насколько либеральные идеи стали передовыми для своей эпохи, ознаменовали ли они новый этап развития институтов гражданского общества во Франции или же остались всего лишь умозрительными концепциями.

Вторая часть данного исследования будет посвящена практической истории проведения реформ. Здесь необходимо проследить борьбу власти и оппозиции в ходе реформ, трансформацию их принципов и степень взаимных уступок. Эта часть ставит ряд вопросов и задач. Чьи интересы возобладали при проведении реформ — власти или ее оппонентов? Насколько оказалась осуществима либеральная программа, оправдала ли она свои требования и достигла ли цели? Как отразились результаты реформ на либеральном течении, сохранило ли оно независимость или стало новой официальной идеологией империи? Каковы были его отношения с оппонентами — республиканцами и бонапартистами? Как в итоге на политику либералов откликнулись разные социальные группы?

Признаться, было непросто свести задачи исследования к этим вполне конкретным вопросам. Вторая империя — это самый сложный узор из факторов, закономерностей и событий, сцепленных

друг с другом. Это почти не вспаханное историками поле. Здесь постоянно возникает искушение охватить все сферы жизни страны в этот период — от бурного индустриального развития до осмеянной выставки ранних импрессионистов в «Салоне отверженных». Однако, преодолевая это искушение, мы сосредоточимся на недолгом, но решающем для Франции периоде реформ: ведь именно его либо вовсе обошли историки, либо он получил среди них вызывающе противоречивую оценку. И в связи с последним уже возникает вполне закономерное искушение — разобраться в событиях этого периода, вывести в свет неизвестное и привести к единому знаменателю разрозненные части. Тем более что нам стал доступен ключ к разрешению многих споров — обширный архивный материал. Задержимся ненадолго на этом пункте.

«Либеральная империя» в отражении архивов и исторических исследований

Одна из ключевых проблем, благодаря которой возрастает интерес к эпохе Второй империи, — это ее слабая изученность историками, главным образом отечественными. Причем без внимания оставалась основа исследования — архивные материалы. Или же они проходили односторонний отбор и трактовку исключительно в идеологических рамках советского периода: необходимо было представить Вторую империю как лицемерный «буржуазный реформизм», противоречащий цели пролетарской революции, как эпоху диктатуры и репрессий, надолго ввергнувшую Францию в своего рода «застой». Между тем нами был исследован

относящийся к периоду «либеральной империи» архивный материал и на этой основе можно сделать более глубокие и разносторонние заключения о либеральном течении того времени, о характере бонапартистского режима, о реформах. Большинство этих документов, хранящихся в Национальных архивах Франции в Париже, не были ранее исследованы и представляются отечественному научному сообществу впервые. Солидная архивная база заставляет задуматься о переоценке деятельности либералов периода Второй империи, о новом взгляде на всю эту эпоху и политическую фигуру Наполеона III. Исследование архивов преподносит нам Вторую империю, и особенно ее последнее десятилетие, как период невероятной политической активности различных общественных сил, как поле жаркой битвы идей; создается образ великого перерождения сознания французов и французского общества, рвущегося к прогрессу, гражданской справедливости, к самоуправлению и созиданию. Это, безусловно, перечеркивает традиционный в советской историографии образ Франции времен Второй империи как подрастающего буржуазно-империалистического хищника, раздавившего остатки свободы для своего народа ради личной выгоды самодура-императора.

Документальный материал, относящийся к исследуемому нами периоду, весьма многообразен. Его можно разделить на три группы. Это прежде всего личные фонды политических деятелей Второй империи и личный архив Наполеона III. А также парламентские дебаты и выступления депутатов в Законодательном корпусе, опубликованные в официальных правительственных журналах «*Journal officiel*» и «*Le Moniteur universel*». Третий источник — это периодические издания бонапар-

тистского, либерального и республиканского направлений.

В личных архивах политических деятелей, депутатов и министров собраны разнообразные документы: их переписка с соратниками или с императором, их записки и мемуары, тексты парламентских выступлений, брошюры, листовки, газетные вырезки. А также богатый статистический материал, касающийся предвыборных кампаний, личные впечатления от встреч с избирателями, листовки с предвыборными программами, отчеты префектов и полиции о массовых собраниях и демонстрациях¹⁷. Эти материалы содержатся в фондах деятелей различных политических партий и направлений — и бонапартистов, и либералов, и республиканцев¹⁸, и тех, чья деятельность пришлась на времена Июльской монархии и которые в эпоху Второй империи оставались лишь наблюдателями, размышлявшими над текущими событиями¹⁹.

Другая категория источников этой группы — мемуары современников. Наиболее ценным для данной работы стали мемуары идеолога либеральных реформ Эмиля Оливье «Либеральная империя»²⁰. Они представляют собой фундаментальный труд, охватывающий эпоху в ее идеологическом, политическом и социальном аспектах. Это история либерального течения эпохи Второй империи. Это также и история преобразований конца 1860-х гг.,

17. Archives Nationales. Fonds Rouher. 45 AP 1-19. Fonds Persigny. 44 AP-16. Fonds Crémieux. 369 AP-1-3.

18. Archives Nationales. Fonds Simon. 87 AP-1-20. Fonds Favre. 244 AP-1. Fonds Rochefort. 48 AP-1. Fonds Delescluzes. 494 AP-1.

19. Archives Nationales. Fonds Guizot. 42 AP-299; Fonds Barrot. 271 AP-3-39.

20. *Ollivier E.* L'Empire libéral. Paris, 1899-1912. Vol. 1-12.

изложенная творцом этих реформ и одним из руководителей процесса их осуществления. Оливье охватывает почти весь период империи начиная с 1857 г., когда он был избран депутатом в Законодательный корпус. Однако основное внимание уделено им либеральным реформам, их подготовке и проведению. Оливье не упускает столь важных подробностей, как полемика в парламенте между различными течениями; его собственные выступления; беседы автора с императором и его окружением; суждения о личности Наполеона III, о виднейших деятелях того времени, о своих соратниках и оппонентах. Наибольшую ценность представляют собой мысли Оливье относительно принципов построения «либеральной империи», на основании которых можно судить об эволюции либерализма в новую эпоху. Это произведение рисует столь яркую картину идейно-политической жизни Второй империи, что вполне, на наш взгляд, может быть сопоставимо с «Замогильными записками» Шатобриана в плане глубины анализа, размышлений об эпохе и ее деятелях и мастерства, с которым автор вплетает собственную судьбу в судьбу страны. Подобно «Запискам» «Либеральная империя» — это многоплановый идейный и социальный портрет эпохи и история эволюции ценностей французского либерала второй половины XIX в. Другое дело, что Оливье, конечно, не обладал литературным гением Шатобриана; он отразил свою жизнь и свои идеи не как приключения байронического скитальца, а как прагматическую и логически упорядоченную систему.

Ценность данного произведения также, бесспорно, в том, как Оливье изображает Наполеона III, своего главного оппонента, а затем союзника. Опять же здесь трудно избежать аналогии с Ша-

тобрианом: в свое время этот аристократ, сперва с ужасом и презрением воспринявший «выскачку» и узурпатора Бонапарта, все же воздал должное его военному гению, гибкости его ума, таланту администратора и его виртуозности как политического манипулятора. Восприятие Наполеона III Оливье поразительно схоже. Вплоть до того, что Оливье готов простить Луи Бонапарту узурпацию власти ввиду его величайших заслуг перед нацией и выдающихся личных качеств — таких, как сочетание твердости воли и умения вести диалог с оппозицией. Подобная характеристика, данная Оливье, заставляет историка пересмотреть традиционное отношение его коллег к императору. Хотя, конечно же, Оливье был в немалой степени пристрастным летописцем — все-таки своей успешной политической карьерой он обязан Наполеону III.

Другое произведение Э. Оливье, «Демократия и свобода»²¹, представляет собой сборник его речей и мыслей, проектов по поводу того или иного преобразования в империи с конца 1850-х гг. до 1867 г., когда правительство окончательно приняло курс на реформы. Здесь также представлены парламентские дебаты и, что весьма важно, обращения Оливье к избирателям в период предвыборной кампании 1863 г., благодаря чему мы можем судить об отражении в либеральных идеях острых социальных проблем.

Произведения Оливье дополняют работы его соратников по либеральному течению. Собственно, в них отражены те же идеи и программы, они представляют собой тот же теоретический аспект реформ. На их основании достаточно легко про-

21. *Ollivier E. Démocratie et leberté. Paris, 1867.*

чертить основную линию либеральной стратегии, выделить пункты либеральной программы и наиболее острые вопросы, волновавшие либеральные умы в 1860-е гг.²².

Проведение реформ и, что наиболее важно, альтернативный взгляд на них, их анализ, размышления об иных вариантах путей развития Франции того периода ярко отражены в мемуарах консервативных деятелей, сторонников реакционной политики, бонапартистов. Консервативная сторона настроена критически по отношению к либеральным идеям, однако вместе с тем в их работах прослеживается разносторонний и гибкий подход к проблеме реформ в соответствии с доктриной «либеральной империи». Среди них стоит отметить герцога де Персиньи (настоящее имя — Виктор Фиален, друг и соратник Луи Бонапарта со времен его юности, человек незнатного происхождения — сын офицера великой армии Бонапарта, также страстно верящий в вечность наполеоновской идеи и при Второй империи занимавший, благодаря таланту организатора бонапартистской пропаганды и личной преданности императору, ключевые государственные посты), бывшего председателя Государственного совета и затем сенатора Кантэн-Бошара, дипломата графа де Мони, известного журналиста, издателя и депутата Адольфа Гранье де Кассаньяка²³.

22. *Thiers A.* Discours sur la politique intérieure. Paris, 1864; *Thiers A.* Discours sur les libertés politiques. Paris, 1865; *Darimon A.* Histoire d'un parti. Paris, 1887; *Darimon A.* Les irréconciliables sous l'Empire. Paris, 1888; *Claveau A.* Souvenirs politiques et parlementaires d'un témoin (1865–1870). Paris, 1913; *Du Camp M.* Souvenirs d'un demi-siècle. Paris, 1949.

23. *Duc de Persigny.* Mémoires. Paris, 1896; *Quentin-Bauchart.* Etudes et souvenirs sur la Deuxième République et le Second Empire. Paris, 1902. Vol. 2; *Comte de Maugny.* Souvenirs du Second Em-

Третью точку зрения на либеральные реформы представляют мемуары республиканской оппозиции, среди которой наиболее ценным источником являются письма и речи Леона Гамбетта²⁴ — известного адвоката, защищавшего оппозиционных журналистов, в том числе Рошфора и Делеклюза, депутата-республиканца, избранного в Законодательный корпус от Марселя в 1869 г.

Архивы Бонапартов²⁵, точнее, та их часть, которая принадлежит семье Наполеона III, содержат записки императора и его переписку с родственниками и различными политическими деятелями начиная с 1840-х гг. (еще до его президентства в период Второй республики) до его смерти в Лондоне в 1873 г. Благодаря письмам мы получаем представление о теоретических воззрениях императора на социальное, экономическое и политическое устройство общества, оформившихся задолго до его прихода к власти. Письма, относящиеся к периоду реформ, содержат важнейшие для данного исследования планы императора относительно практического воплощения идей реформ, его мнение о результатах этих реформ, советы, которые он давал своим сподвижникам, как либералам, так и бонапартистам. Во многих письмах отражена острая полемика между императором, бонапартистами и либералами по поводу реформ. Наполеон III предстает перед нами не только правителем, но и мыслителем: даже после падения империи

pire. Paris, 1881; *Granier de Cassagnac A.* Souvenirs du Second Empire. Paris, 1881. Vol. 2.

24. *Gambetta L.* Discours et plaidoyers politiques. Paris, 1881. Vol. 1; *Gambetta L.* Lettres. Paris, 1938. См. также: *Allain-Targé H.* La République sous l'Empire. Paris, 1939.

25. Archives Nationales. Archives Bonaparte. 400 AP-44, 52, 54.

в 1871 г. он, находясь в изгнании в Англии, размышлял о прошлом и возможном будущем Франции, пытался пересмотреть свои достижения и проанализировать ошибки.

Парламентские дебаты²⁶ являются наиболее ярким и достоверным отражением борьбы политических сил и мнений, развернувшейся в конце 1860-х гг. по вопросу о способах проведения и общих целях либеральных реформ. Мы получаем представление о программах и позициях деятелей либеральной оппозиции и бонапартистов в самом начале эпохи реформ, затем можем проследить претерпела ли эта программа изменения в последующие годы и как различные политические группы восприняли результаты реформ.

Яркую картину общественно-политической жизни Второй империи рисуют периодические издания, как те, которые начали свое существование еще в предыдущую эпоху, так и те, которые появились в период реформ. Ситуация в прессе в эпоху Второй империи была непростой: безопасно чувствовали себя только проправительственные издания, либеральные журналы находились под контролем цензоров и вынуждены были придерживаться умеренных или нейтральных воззрений, республиканская пресса издавалась за границей или находилась на полулегальном положении. Несмотря на это в период реформ пресса проявила невероятную активность, публикуя различные мнения, дискуссии и анализ текущей ситуации; высказывались как известные политики и мыслители, так и журналисты. Пресса отразила разностороннее видение острейших социально-политических вопросов конца

26. Journal officiel. 1869—1870; Rapports du gouvernement avec Le Moniteur. 1867—1870.

1860-х гг. Периодические издания содержат также и немало фактического материала — данных о результатах выборов и плебисцита, об экономической ситуации в стране. Это главным образом издания либерального или либерально-консервативного направления, начавшие существование еще в эпохи Реставрации и Июльской монархии («L'Opinion nationale», «L'Avenir national», «Le Siècle», «Le Temps», «Revue des deux mondes», «L'Illustration», «Le Gaulois», «Le Progrès», «L'Illustration»), а также республиканская пресса — скандально известный «La Lanterne» (его главным редактором и основным автором был Анри Рошфор, долгое время вынужденный жить в эмиграции из-за активного участия в республиканских выступлениях. Журнал отличился острой сатирой на бонапартистское правительство и реформы, преподнесенной живым и доступным массовому читателю языком) и социалистический журнал «Le Reveil», издававшийся Шарлем Делеклюзом в Швейцарии, поскольку он был запрещен во Франции даже в период реформ как «красная угроза».

Одна из ключевых проблем в исследовании Второй империи в целом и либеральных реформ в частности — это историография. Либеральная мысль того времени до сих пор не рассматривалась историками как самостоятельное идейное течение. Такой подход представляется необоснованным, поскольку либеральные деятели того времени оставили после себя многотомные труды, в которых изложили свои воззрения. Что касается истории проведения и результатов реформ, то историография либо вовсе пренебрегала этой проблемой, либо отражала ее достаточно поверхностно.

Прежде всего вызывает недоумение невнимание историков к периоду Второй империи и к Напо-

леону III или оценка его как исключительно деспотического правителя, не сделавшего никаких прогрессивных шагов в истории страны. Это тема отдельной и более масштабной и глубокой работы. Сейчас же только следует отметить, что он и его время были либо незаслуженно забыты, либо подверглись неадекватному толкованию. В частности, серьезные сомнения вызывает отрицание того факта, что в эпоху Второй империи французская либеральная мысль продолжила жить и развиваться; а также убежденность многих исследователей в том, что период «либеральной империи» прошел для страны бесследно и никоим образом не изменил политические и социальные институты Франции. Во многом причиной такой оценки стала непродолжительность периода реформ (менее трех лет) и поспешность их проведения, а также то, что на пике реализации либеральной программы Франция потерпела поражение в войне с Пруссией, что привело к падению бонапартистской власти и формированию режима республики. Этот взгляд весьма механистичен: во-первых, богатейший документальный материал, относящийся именно к периоду реформ, явно указывает на их продуктивность и серьезное значение в жизни общества; во-вторых, революция, произошедшая во Франции в 1871 г., не сопоставима по масштабам и глубине с революцией 1789 г. — она не ставила своей целью радикальную ликвидацию прежних порядков, речь шла лишь о замене конституционной монархии на конституционное президентство. Эта революция всего лишь «снесла верхушку», мало коснувшись ствола и корней, ибо демократические институты во Франции были на то время весьма прочны благодаря почти вековой работе. Свой вклад в строительство этих институтов внесла и эпоха Наполеона III.

Советская историография практически игнорировала этот период, оценивая его как «социальную демагогию» в интересах правящей бонапартистской группы (здесь очевидно влияние работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», в которой на первый план выступает критика бонапартистского режима с социалистических позиций)²⁷. Новейшая же отечественная историография, несмотря на свободу мысли и более многоплановый анализ, также оставила без внимания и либеральную идею, и политические процессы той эпохи²⁸.

Французская историография, обратившаяся к исследованию Второй империи с конца XIX в., также не избежала некоторых заблуждений. Дело в том, что на протяжении более чем столетие французская историческая мысль создала достаточно мощную и влиятельную республиканскую традицию, опирающуюся на фундаментальные демократические ценности французской республики (расцвет этой школы как раз и пришелся на времена Третьей и Четвертой республик) и рассматривавшую Вторую империю и бонапартизм довольно однобоко, исключительно как форму власти — военную диктатуру Наполеона III в узко-классовых интересах буржуа-

27. См. Желубовская Э. Л. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1957; История Франции / под ред. А. З. Манфреда. М.: АН СССР, 1972. Т. 2; Дразнина Я. И. Современные буржуазные историки о Наполеоне III и Второй империи // Новая и новейшая история. 1964. № 2.

28. Французский либерализм в прошлом и настоящем / под ред. В. П. Смирнова. М., 2001; Европейский либерализм в новое время: Теория и практика. М., 1995; Либерализм Запада. XVII—XIX вв. М., 1995; Смирнов А. Ю. Империя Наполеона III. М.: Эксмо, 2003.

зии (ярчайшими ее представителями стали Таксиль Делор и Шарль Сеньобос²⁹). Далекое не столь известны и признаны историки, рассматривавшие Вторую империю как комплекс социальных, экономических и политических преобразований, ставших серьезным шагом на пути прогресса французского общества и его институтов³⁰. Идеологизированность и «левизна» отчасти роднили французскую историографию с советской³¹.

В середине — второй половине XX в. ситуация изменилась в связи с растущей популярностью идей школы Анналов, основанной М. Блоком и Л. Февром, заложившей основы многомерной истории в противовес прежнему убеждению в том, что история может быть исключительно политической и повествовательной. Подход историков к анализу проблемы стал более широким — на первый план выходят социальная, культурная, экономическая история. Именно в это время историки обращаются к масштабному анализу эпохи Второй империи в различных ее аспектах — социальном, идейно-политическом, экономическом, ее начинают определять как часть эпохи «новой Франции», как важную веху в завершении во Франции промышленной революции и социального прогресса³².

29. *Delord T. Histoire du Second Empire. Paris, 1869–1875. Vol. 3–7; Seignobos Ch. Histoire de la France contemporaine. Paris, 1921. См. также: Duclos J. De Napoléon III à de Gaulle. Paris, 1964.*

30. *Prevost-Paradol L. La France nouvelle. Paris, 1868; De la Gorce P. Histoire du Second Empire. Paris, 1904–1908. Vol. 5, 6; Du Bousquet B. Un grand méconnu. Napoléon III. Paris, 1905.*

31. Подробный анализ французской историографии, посвященной Второй империи, представлен в: *Campbell Stuart L. The Second Empire Revisited. A study in French historiography. New Brunswick: Rutgers University Press, 1978.*

32. *Furet F. La Revolution 1814–1880. Paris, 1988; Plessis A. De la fête*

Это направление упрочилось и развилось в 1990—2000-е гг. не без содействия крупнейшего во Франции и в Европе специалиста по истории обеих Империй — Жана Тюлара. В это время возобладал полностью «реабилитационный» подход к истории Второй империи и личности Наполеона III — возрастает интерес к императору как мыслителю, появляются работы, анализирующие его теоретические воззрения в разные периоды жизни³³. Развитие данной тенденции вылилось в создание на базе крупнейших научно-исследовательских центров Франции «Общества друзей Наполеона III» («Les Amis de Napoléon III»)³⁴, объединившего как профессиональных историков, так и любителей и меценатов, интересующихся различными аспектами жизни Второй империи. Не без участия «Общества» автору данной книги удалось в свое время установить контакты с современными французскими исследо-

impériale au mur des fédérés. 1852–1871. Paris, 1979; *Tudesq A.* La démocratie en France depuis 1815. Paris, 1971; *Dansette A.* Naissance de la France moderne. Le Second Empire. Paris, 1976; *Rosanvallon P.* L'Etat en France de 1789 à nos jours. Le Seuil, 1990; *Rosanvallon P.* Le Sacre du citoyen. Histoire du suffrage universel en France. Gallimard, 1992; *Girard L.* Les élections de 1869. Paris, 1960; *Girard L.* Les libéraux Français. 1814–1875. Paris, 1985; *Girard L.* Napoléon III. Paris, 1986; *Jardin A.* Histoire du libéralisme politique. Paris, 1987; *Boilet G.* La doctrine sociale de Napoléon III. Paris, 1969.

33. *Tulard J.* Pourquoi réhabiliter le Second Empire? Paris, 1997; Dictionnaire du Second Empire. Sous la direction de J. Tulard. Paris, 1995; *Boia L.* Napoléon III, le mal-aimé. Editions Les Belles Lettres, 2007; *Dufreigne J.-P.* Napoléon III: Un empereur qui rêvait. Paris, 2007; *Milza P.* Napoléon III. Paris, 2004; *Anceau E.* La France de 1848 à 1870. Entre l'ordre et le mouvement. Paris, 2002; *Sagnes J.* Napoléon III, le parcours d'un saint-simonien. Paris, 2008; *Anceau E.* Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Tallandier, 2008.

34. См. <http://www.napoleontrois.fr>.

вателями Второй империи и ознакомиться с их работами.

Отдельно следует отметить англоамериканскую историографию Второй империи и, в частности, интересующего нас периода. Во многом именно она предвосхитила тот комплексный подход к проблеме, который наметился во французской историографии с 1990-х гг. Она, в отличие от французской историографии, была независима от политических идеологий. Исследования британских и американских историков изначально рассматривали историю Второй империи не как «историю одного преступления», но как период активной политической жизни, социального и индустриального прогресса³⁵.

-
35. *Gooch G. P.* The Second Empire. London: Longmans, 1960; *Napoleon III — Man of Destiny. Enlightened Statesman or Proto-Fascist?* / Ed. B. D. Gooch. N.Y.: Holt, 1963; *Campbell Stuart L.* The Second Empire Revisited: A Study in French Historiography. New Brunswick: Rutgers University Press, 1978; *Bury J. P. T.* Napoleon III and the Second Empire. London: The English Universities Press, 1964; *Corley T. A. B.* Democratic Despot: a Life of Napoleon III. London: Barrie & Rockliff, 1961; *Thody Ph.* French caesarism from Napoléon III to de Gaulle. London, 1989; *Kulstein D.* Napoléon III and the working class. The California State College, 1969; *Zeldin T. E.* Ollivier and the liberal empire of Napoléon III. Oxford, 1963. *McMillan J. F.* Napoleon III. London; New York: Longman, 1991; *Simpson F. A.* The Rise of Louis Napoleon. London: Murray, 1909; *Simpson F. A.* Louis Napoleon and the recovery of France 1848–1856. Westport: Greenwood Press, 1975; *Smith W.* Napoleon III. Paris: Hachette, 1982; *Zeldin T.* The Political System of Napoleon III. London: Macmillan, 1958; *Horvath-Peterson S.* Victor Duruy and French Education: Liberal Reform in the Second Empire. Louisiana University Press, 1984; *Isser N.* The Second Empire and the Press: a Study of Government on Inspired Brochures French Policy in their Propaganda Milieu. The Hague, 1974; *Dunham A. L.* The Anglo-French Treaty of commerce of 1860 and the Progress of Industrial Revolution

Поэтому, как мы полагаем, знакомство с современной зарубежной историографией Второй империи является важнейшим шагом к разрушению многолетнего молчания, сомнений и черных легенд, окружавших Наполеона III и его время. Не говоря уже о том, что это может стать весьма перспективным «мостом» для научного обмена между российскими историками и их зарубежными коллегами, возродить среди отечественного научного сообщества максимально разносторонний интерес к данной эпохе.

in France. Detroit: University of Michigan Press, 1930; Historical Dictionary of the French Second empire 1852-1870 / Ed. W. E. Echard. London: Aldwych Press, 1985.

Оппозиция на пути к власти

1. Десять лет стабильности

ПОЯВЛЕНИЕ и развитие идеи «либеральной империи» и причину, по которой она стала основой реформ, проведенных в 1860-е гг., невозможно объяснить вне политической и экономической обстановки, сложившейся во Франции в это время. Это была эпоха серьезных, глубоких перемен, почти переворота в экономике и общественной жизни. Что же представляла собой Франция в начале 1860-х гг. и почему именно этот период диктовал необходимость преобразований?

В декабре 1848 г. Луи Бонапарт вступил в должность первого в истории Франции президента, избранного всеобщим голосованием, закрепленным в новой конституции Второй республики. Он принял руководство разоренной страной, уставшей от потрясений недавней революции, находящейся на грани гражданской войны, с большими финансовыми долгами, с сомнительной репутацией на международной арене. Президент прекрасно осознавал всю тяжесть ответственности, которую он взял на себя добровольно и к которой он стремился много лет, ибо еще в начале 1830-х гг. молодой Луи Бонапарт начал строить планы будущего переустройства страны. Он не видел себя нигде, кроме политики; более того, он видел себя тем «из-

бранным», кто, подобно его дяде Наполеону I, в самый тяжелый для страны час спасет ее. Луи Бонапарт не просто верил в свое предназначение — он был убежден в нем и прекрасно осознал его. Конечно, в немалой степени он находился под влиянием романтического флера легенды о скромном офицере, вызволившего Францию из революционного пожара и завоевавшем полмира; однако молодой человек прекрасно чувствовал пульс времени, обладал прагматическим и стратегическим мышлением и, главное, твердой уверенностью в эффективности своей программы и хорошо разработанным планом действий. Кроме того, впечатляющей была и просвещенность этого молодого честолюбца: с юных лет он изучал политические и социально-экономические трактаты выдающихся мыслителей Нового времени — от Просвещения (где в числе его кумиров были Руссо и Адам Смит) до современных ему социалистов Сен-Симона, Оуэна и Бланки (более того, с последним Луи Бонапарт неоднократно встречался, беседовал и обменивался идеями о будущем переустройстве Франции, получив от Бланки весьма лестную характеристику). Луи Бонапарт был не просто «начитан» — он умел с пользой переработать, осмыслить усвоенный им материал и на его основе выстроить собственное понимание проблемы.

Путь Луи Бонапарта к президентскому креслу был не легче, чем путь его дяди к трону, на этом пути были совершены многочисленные ошибки — как незначительные, так и почти трагические (дважды, в 1836 и 1840 г., молодой Бонапарт пытался совершить военный переворот и потерпел поражение, что в итоге закончилось заточением его на несколько лет в крепость Гам). Но именно благодаря этим ошибкам Луи Бонапарт к 1848 г. предстал перед

французским обществом опытным, зрелым человеком и политиком с четко выработанной концепцией управления государством, которая при падении Июльской монархии и недолгого социалистического правительства представляла собой незаменимую альтернативу всем программам, пытавшимся вывести страну из кризиса¹. Луи Бонапарт стал «избранным и единственным». Он заявил о себе в весьма подходящий момент: с одной стороны, общество не желало возвращения монархии ни в каком виде — ни под белым знаменем охранителей «старого порядка» Бурбонов, ни под лицемерным триколором конституционалистов Орлеанов; с другой стороны, в этом обществе не было партии или группы, которая могла бы взять на себя роль национального лидера, объединить вокруг себя чаяния всех социальных слоев, провести реформу без террора и разрушения, взять лучшее и от монархии и от социализма. Объединить, примирить свободу и порядок.

Ибо свобода и порядок были двумя главными ценностями, доставшимися Франции от опыта прошлых революций, и они же каждый раз вызывали жестокий раздор между обществом и властью. В 1848 г. даже реакционеры-роялисты понимали, что страна прошла максимальное количество точек невозврата, что право голоса нужно отныне не только зажиточной буржуазии, но и другим группам — средней и мелкой буржуазии, рабочим. В то же время опыт работы демократического и социалистического правительства, принявшего руководство страной в феврале 1848 г., показал, что рабочий класс еще слишком малочисленная и недостаточно хорошо организованная группа населения, и ее

1. *Anceau E. Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Tallandier, 2008. P. 133.*

интересы отнюдь не представляют интересы всей нации. Социалистические реформы грозили взрывом протеста со стороны буржуазии. Было очевидно, что для чистого социализма Франция еще не созрела. Однако едва ли не более, чем социалисты, были дискредитированы и вызывали скепсис у общества либералы, те, что вместе с Ф. Гизо и А. Тьером привели к власти первого в истории Франции истинно конституционного монарха Луи-Филиппа. Именно правительство Гизо несло ответственность за провальную социальную и экономическую политику 1840-х гг., которая и привела к свержению монархии. Либеральная идея с ее осторожным компромиссом, с ее страхом перед «бунтом черни», с ее принципом избирательного ценза, с ее упованием на монархическую власть как на единственно справедливую на тот момент была жалка и беспомощна². Было очевидно, что время традиционных либералов прошло и что необходимы либо изменения в самой либеральной идеологии, либо устранение либералов с политической арены как изжившей себя партии.

В этой обстановке Луи Бонапарт в ходе предвыборной кампании лета-осени 1848 г. предложил обществу совершенно новую программу, в основе которой лежало самое необходимое для страны того периода — социальный мир и удовлетворение чаяний всех классов. Будущий президент обещал: буржуазии — порядок, свободу личности, защиту частной собственности, мир, гражданские свободы; церкви — отсутствие притеснений со стороны светских властей (поскольку социалистическое прави-

2. *Girard L.* Les libéraux Français. 1814–1875. Paris, 1985. P. 219; *Anceau E.* Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Tallandier, 2008. P. 171.

тельство разрабатывало программу, целью которой было строгое подчинение церкви государству); рабочим и крестьянам — отмену введенных после революции дополнительных налогов (знаменитый скандальный 45-процентный подоходный налог для крестьян), создать новые рабочие места, ввести справедливую оплату труда и пособия для рабочих, защитить труд от притеснений капитала; промышленникам кандидат в президенты обещал поощрение производства на основе свободного рынка и внедрения новых технологий, освоения новых отраслей. И, конечно же, сохранение всеобщего избирательного права, провозглашенного республикой в начале революции³.

В течение своего президентства и первого десятилетия империи Луи Бонапарт энергично и последовательно выполнял эти обещания. Собственно, в этой программе и воплотились переосмысленные им идеи великих просветителей и социалистов: торжество гражданских свобод и справедливые отношения между трудом и капиталом, свобода торговли, экономическое процветание как основа благосостояния общества (идея Смита), защита права на труд и благоприятные условия труда и достойную его оплату.

Кроме того, личность и политическая фигура Луи Бонапарта были действительно «солнцем» на сером небосклоне той эпохи, когда немало энергичных и талантливых людей в правительстве и парламенте оказались неспособными к политическому лидерству и эффективному управлению. Луи Бонапарт обладал не только качествами «народного» лидера, он сумел умно и вовремя использовать

3. *Anceau E. Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Tallandier, 2008. P. 171.*

свой образ наследника великого императора, которого Франция до сих пор вспоминает с благодарностью. Младший Бонапарт явился новой звездой в созвездии «спасителей», которые стали едва ли национальной традицией Франции — пусть даже в облике прекрасного мифа или полуфольклорных домыслов, а таких спасителей было несколько (исследование национального «мифа о спасителе» — это, кстати, заслуга Жана Тюлара⁴, крупнейшего на сегодняшний день специалиста по Франции времен обоих Бонапартов, рассматривавшего наполеоновскую легенду сквозь призму национального политического мифотворчества, в котором спасителями выступали Карл Великий и герой эпоса Роланд, Жанна д'Арк, два Наполеона и Шарль де Голль). Так что, если верить Тюлару, в тяжелые для государства минуты на помощь французскому массовому сознанию приходила мистика — полурелигиозная вера в спасителя. Кого «спасали» предшественники Луи Бонапарта? Луи-Филипп был королем финансистов, Ламартин и Блан претендовали на роль защитников интересов среднего класса и рабочих, Луи Бонапарт объявил себя президентом всей французской нации. Он уловил момент, когда стране требовался властный лидер. Как и в 1793 г., общество усомнилось в доверии революционному правительству с его узкой социальной базой и радикальной программой и воззвало к «миротворцу».

Луи Бонапарт, как и его дядя, был детищем революции. Революция каждый раз сметала старый мир и, еще не успев построить новый, привносила в общество хаос и девальвацию ценностей и традиций. Именно в этом хаосе и на обломках прошло-

4. См.: Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о спасителе. М.: Молодая гвардия, 2012.

го, среди поверженных кумиров, делались стремительные и головокружительные карьеры, ломались судьбы, перекраивался мир. Кем был бы Бонапарт-старший, если бы не революция? Даже при самых благоприятных для своей карьеры обстоятельствах он не смог бы определять судьбы своей страны и соседних народов. Между тем революция позволила ему в течение пятнадцати лет держать в страхе всю Европу. Если бы не 1848 г., Луи Бонапарт так и остался бы мечтателем, почивающим на лаврах великого завоевателя. Но революция сделала из мечтателя прагматика, ястреба, вцепившегося в Случай, как в добычу.

Итак, уже к концу 1850-х гг. Франция была одной из ведущих европейских промышленных держав. Большинство исследователей, даже те, кто критически рассматривают внутреннюю политику Наполеона III, отмечают, что в 1850—1860-е гг. Франция пережила стремительный экономический подъем и успешно приняла тенденцию технологического прогресса, а достижения этой эпохи служили Франции в течение многих последующих лет и подготовили рождение «новой Франции»⁵. Император обладал важнейшим для политика качеством — умением соответствовать своему времени и, рассчитывая на будущее, внимательно присматриваться к задачам настоящего. Во второй половине XIX в. Франция вслед за Англией начала входить в так называемый второй этап промышленной революции, заключающийся в переходе на крупное фабричное

5. См.: *Girard L.* Napoléon III. Paris, 1986; *Tudesq A.* La démocratie en France depuis 1815. Paris, 1971; *Du Bousquet B.* Un grand méconnu. Napoléon III. Paris, 1905; *Dufreigne J.-P.* Napoléon III: Un empereur qui rêvait... Paris, 2007. *Prevost-Paradol L.* La France nouvelle. Paris, 1868.

производство, стремительном потоке уже массовых и систематизированных, а не одиночных научно-технических инноваций и в формировании рабочего класса как самостоятельной социальной группы. Задача экономического процветания стала для императора одной из фундаментальных: он понимал, что для упрочения своей власти ему необходимо заручиться поддержкой крупной финансовой и промышленной буржуазии, чье политическое и экономическое влияние значительно упрочилось еще в период Июльской монархии и продолжало расти; и начал он с действий в ее интересах. Одновременно император сознавал, что экономическое развитие страны неизбежно касается всех социальных слоев, от крестьянина до банкира, поэтому его экономическая политика была рассчитана на масштабное, общенациональное возрождение и была многогранной, имела выраженную социальную окраску.

Экономика — наиболее уязвимая сфера жизни в период революций: новые лидеры государства, увлекшись политическим и социальным строительством, как правило, не разрабатывали экономических программ и реформ, оставляя промышленность и деревню на произвол судьбы⁶. Такая участь постигла Францию после событий 1848 г. Приоритет отдавался рабочему вопросу, крупная буржуазия была фактически отстранена от политической жизни, а из деревни просто выжимались последние соки для обеспечения благополучия крупных городов: достаточно вспомнить, какую ненависть у крестьян вызывал введенный правительством Ламартина дополнительный 45-процентный налог. Подобный дисбаланс грозил новой серией соци-

6. См.: *Kulstein D. Napoléon III and the working class. The California State College, 1969.*

альных конфликтов и Луи Бонапарт это прекрасно понимал. Подобно тому как в XVIII в. вершиной мудрости правителя считалось сращивание идей Просвещения с абсолютизмом, так и Наполеон III воплощал своего рода «просвещенную диктатуру», при которой власть руководствуется идеями технического прогресса и экономического процветания.

Еще в начале своего императорского правления Наполеон III определил экономические вопросы как приоритетные для страны и обозначил основные векторы политики в этой области (изложив их в письме председателю Государственного совета Фульду): «необходимо увеличить средства обмена для процветания торговли; ибо без нее промышленность застаивается и сохраняет завышенные цены, препятствующие развитию потребления; без процветающей промышленности, которая развивает капитал, сельское хозяйство остается в зачаточном состоянии. Все это связано с прогрессом социального процветания... Аграрная сфера должна наравне с прочими пользоваться благами кредитов, предоставляющих суммы для осушения, ирригации и распахивания новых земель... Для стимулирования промышленного производства нужно ссудить ему капитал по заниженному тарифу. Одна из первоочередных задач, стоящих перед страной, — обеспечить ее транспортом первой необходимости для помощи промышленности и сельскому хозяйству. Поэтому Министерство общественных работ должно заняться вопросом сооружения путей сообщения, каналов, шоссе и железных дорог, которые должны доставлять топливо и удобрения в те места, где они особенно необходимы»⁷. В этом плане импера-

7. Archives Nationales. Fonds Bonaparte. 400 AP-44. Correspondance avec Fould.

тор показал себя сторонником концепции взаимозависимости благополучия народных масс и экономического, в частности промышленного, прогресса; что позволило ряду исследователей именовать его «Сен-Симоном на троне», ибо, как уже говорилось выше, идеи этого мыслителя оказали сильное влияние на Луи Бонапарта⁸. Если переложить наполеоновские идеи на язык современности, это был проект «государства всеобщего благосостояния». Кроме того, император полагал, что экономическое процветание — залог социальной стабильности и внешнеполитического успеха страны; Франция по-прежнему сильно отставала от своего давнего соперника Англии, европейского экономического лидера, где к тому времени уже завершился промышленный переворот, и задачей Наполеона III было максимальное сокращение разрыва между двумя европейскими титанами.

Современники и исследователи нередко называли Наполеона III «крестьянским императором», ибо на президентских выборах он был беспрецедентно популярен именно у сельского населения. Это вполне объяснимо: крестьянство — наиболее незащищенная и страдающая категория населения в период революций, что стало очевидно и в 1789, и в 1848 г. Правительство, фиксированное на освобождении промышленного труда и правах рабочих, фактически забросило деревню, не оказывая ей никакой помощи, но при этом обложило ее обременительным налогом. Первая мера, заявленная в президентской программе Луи Бонапарта, как раз заключалась в отмене этого налога, что и было сделано. За этим,

8. См.: Plessis A. De la fête impériale au mur des fédérés. Paris, 1979; Anceau E. Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Tallandier, 2008.

уже в период империи, последовало установление выгодных цен на сельскохозяйственную продукцию и снижение таможенных пошлин на ввозимые товары, что способствовало активному обмену в рамках поощряемой императором политики свободной торговли — уже к середине 1860-х гг. импорт и экспорт аграрной продукции почти сравнялись: 3153 млн франков составлял импорт, 3075 млн — экспорт⁹. Важнейшей мерой по развитию и модернизации крестьянского хозяйства стало внедрение технологических инноваций, машин, облегчавших полевые работы, сбор урожая и обработку продукции. Кроме того, для крестьян были открыты специальные банковские кредиты с низкими процентными ставками (что давало возможность как для перехода от поденного труда к фермерскому хозяйству, так и для сельского предпринимательства), а на сельскохозяйственных рабочих распространялись благотворительные учреждения — кассы взаимопомощи: их доход к 1863 г. составил более 3 млн франков по сравнению с 2 млн в 1852 г.¹⁰. Технологические достижения и прибыльность аграрной торговли несколько поднимают экономическое благосостояние деревни, однако процесс становления сельских предпринимателей идет очень медленно — деревня сохраняет традиционный уклад производства, господствуют мелкие надомные ремесленники с несколькими подмастерьями. Столь же медленно происходит и «раскрестьянивание» деревни — небольшое число сельских жителей уходит на заработки в города и сливается с городским пролетариатом. Сельское население империи остается доминирующей

9. См. *Boilet G. La doctrine sociale de Napoléon III*. Paris, 1969.

10. Archives Nationales. Fonds Rouher. Exposé de la situation de l'Empire. 1863. 45 AP-1.

щим, хотя его процент постепенно снижается — с 72 в 1856 г. до 69% в 1866 г. В конце 1860-х гг. 51% населения страны продолжает жить исключительно доходами от сельскохозяйственного производства¹¹. Исследователи признают, что промышленная революция во Франции второй половины XIX в. слабо затронула аграрную сферу и даже внедрение в деревню технических новшеств не позволяет говорить об «аграрной революции». Сельское хозяйство оставалось архаичным по формам кооперации и производства, неохотно воспринимая сотрудничество с промышленным капиталом¹². Кроме того, многие нововведения касались не только сельскохозяйственного оборудования, но и применения удобрений, техники освоения и обработки почвы и новых земель; последнее препятствовало сокращению сельского населения и, наоборот, расширяло посевные площади и возможности существовать на средства, полученные от аграрного производства. Относительная стабильность и благоприятные условия для ведения сельского хозяйства к началу 1860-х гг. удерживали деревню в ее традиционных рамках и препятствовали ее упадку. И все же французская деревня оставалась зависимой от природных факторов: она пережила несколько серьезных неурожаев (1853, 1855, 1861, 1867).

Несмотря на правительственную программу внедрения в деревню новой техники и предоставления кредитов крестьянам, сельское производство оставалось примитивным, передовую технику чаще приобретали крупные и средние собственники,

11. Там же.

12. *Delord T.* Histoire du Second Empire. Paris, 1869–1875; *Prevost-Paradol L.* La France nouvelle. Paris, 1868; *Girard L.* Napoléon III. Paris, 1986.

они же получали более 70% кредитов от специально учрежденных аграрных банков «Crédit foncier» и «Crédit agricole»¹³. В то же время сокращается сельская пауперизация: наиболее бедные крестьяне имеют возможность наниматься на работу к более зажиточным, учитывая постоянный рост заработной платы сельского рабочего параллельно с ростом цен на аграрную продукцию — с 1,25 франков в 1851 г. до 2,25 франков к середине 1860-х гг.¹⁴. Но подобное положение вело и к социальному расслоению деревни, к упрочению прослойки мелких зажиточных хозяев, нанимавших на работу бедняков; внедрялся в деревню и городской опыт буржуазии — возможность жить на ренту от сбережений, помещенных в банк под высокий процент. Тем не менее, в первое десятилетие империи средний крестьянин жил пусть архаично, но стабильно и благополучно благодаря политике государства по поддержанию высоких и постоянно растущих экспортных цен на аграрную продукцию, формировался тот самый «средний класс» крестьянства, который обеспечивал наиболее твердую поддержку императору: «крестьянин был далек от политики и готов был поддержать правительство, гарантировавшее ему процветание, и таким образом становился фактором, обеспечивающим стабильность режима»¹⁵.

Одним из экономических достижений правления Наполеона III был масштаб строительства железных дорог. Можно сказать, это была настоящая

13. Plessis A. De la fête impériale au mur des fédérés. 1852–1871. Paris, 1979. P. 144.

14. Ibid. P. 147.

15. Ibid. P. 148.

транспортная революция. Железнодорожная сеть, покрывшая всю Францию и связавшая ее с соседними европейскими государствами, росла стремительно — если в 1860 г. протяженность железных дорог составляла 9430 км, то к началу 1870 г. — 17640 км¹⁶. Их строительство помогло решить проблему безработицы за счет привлечения значительного количества рабочей силы, а также способствовало развитию внутренней и внешней торговли, не говоря уже об уверенном выходе Франции на практически равные позиции с европейскими технологическими лидерами. Документы парламентских дебатов 1860-х гг. свидетельствуют о том, что на большинстве заседаний вопрос о строительстве железных дорог и развитии транспорта был наиболее животрепещущим и наиболее обсуждаемым депутатами и правительством: состояние системы коммуникаций мыслилось как показатель экономического прогресса страны¹⁷. Для контроля за состоянием железных и шоссейных дорог в департаментах создавались специальные комиссии при префектах: они состояли из депутатов местных советов, представителей городской администрации, владельцев местных предприятий и крупных предпринимателей, инвестировавших в строительство дорог; их целью были надзор за состоянием дорог, разработка проектов по улучшению и строительству новых дорог, контроль за сбором и распределением дорожных налогов¹⁸.

16. Journal officiel. 2 Janvier 1870.

17. См. Journal officiel. 1867–1870; Archives Nationales. Fonds Rouher; Archives Nationales. Fonds Persigny.

18. Archives Nationales. Fonds Rouher. Exposé de la situation de l'Empire. 1863. 45 AP-1.

Параллельно с транспортными коммуникациями расширялись масштабы телеграфного сообщения, как внутреннего, так и международного. В 1862 г. был более чем вдвое снижен налог на телеграммы внутри страны, строительство телеграфных линий шло в колониях — Алжире, Сенегале, Кохинхине (Южный Вьетнам), что значительно облегчало работу военного и морского министерств¹⁹.

Франция уступала Англии по темпам промышленного роста и объему производства, однако лишь ненамного отставала по темпу внедрения новейших технологических изобретений. В конце 1860-х гг. Франция уже обладала паровыми машинами, развивавшими в пять раз больше мощности, чем в начале 1850-х гг. Пароходы начинают вытеснять парусные суда, что опять же упрощает и ускоряет торговый обмен с заморскими партнерами. Шло стремительное развитие новых отраслей — угольной и металлургической промышленности (знаменитые заводы Крезо в Бургундии); так, производство угля возросло с 1852 по 1869 г. в три раза²⁰. В южных и центральных регионах появились новые для промышленного облика Франции шахтерские городки и поселки, до этого считавшиеся отличительной чертой английской индустриальной революции. В 1862 г. Франция блеснула новейшими технологическими достижениями в области тяжелой промышленности и аграрной индустрии на Всемирной промышленной выставке; с этого времени она регулярно принимала участие в подобных выставках и мирового, и европейского масштаба.

19. Archives Nationales. Fonds Rouher. Exposé de la situation de l'Empire. 1863. 45 AP-1.

20. Journal Officiel. 2 Janvier 1870.

Важнейшим пунктом экономической программы Наполеона III был отказ от политики протекционизма, традиционной для Франции со времен второй половины XVII в., когда такие меры были введены как максимально эффективные на тот момент согласно идеям министра финансов Людовика XIV Ж.-Б. Кольбера. «Кольбертизм» Франции традиционно противостоял «невидимой руке рынка» Англии. Подобная политика в свое время была рассчитана на укрепление абсолютизма французских монархов, выражавшегося, в частности, и в строгом государственном регулировании. Канун революции 1789 г. был отмечен требованиями со стороны буржуазии отмены такого принципа — очевидно, что протекционизм был выгоден исключительно короне и сильно ущемлял экономическую свободу промышленников и торговцев. В середине XIX в. такая политика была тем более неадекватна, если принять во внимание возросшее политическое и экономическое влияние буржуазии²¹; тем не менее элементы кольбертизма и государственного вмешательства сохранялись во Франции вплоть до падения монархии Орлеанов. Наполеон III вновь как нельзя более точно оценил ситуацию: он понял, что подлинным удовлетворением чаяний французской буржуазии будет прежде всего введение свободы торговли. Буржуазия — это новая реальность и новая власть в государстве, одна из опор процветания как экономики и общества, так и самого бонапартистского режима.

Итак, впервые в своей истории Франция вступила на путь свободного рынка, отказавшись от чти-

21. См.: *Dunham A. L. The Anglo-French Treaty of Commerce of 1860 and the Progress of the Industrial Revolution in France. Detroit: University of Michigan Press, 1930.*

мых традиций и приняв наиболее прагматические и адекватные общей экономической ситуации меры: свобода рынка в представлениях императора, мыслителей и буржуазии того времени означала путь прогресса. Напомним, что Луи Бонапарт являлся преданным поклонником идей Адама Смита — не только в отношении свободы торговли, но и в отношении взаимосвязи развитого капитала и развитого, обеспеченного и «счастливого» рабочего класса. Начать следовало с капитала, ускорив его оборот и приносимую прибыль. Для разработки новой экономической программы император привлекает ряд специалистов — как практиков-промышленников и банкиров, так и теоретиков — экономических мыслителей. Наиболее выдающимся среди них был Мишель Шевалье, прославившийся своими экономическими трудами о свободе рынка для Франции еще в эпоху Июльской монархии. Энергичный деятель и талантливый мыслитель, Шевалье вскоре получил пост сенатора и возглавил комиссию по разработке новых торговых соглашений, самое важное из которых было подписано с Англией в 1860 г. Соглашение вошло в историю как договор Кобдена–Шевалье о свободе торговли и снижении взаимных таможенных пошлин. Предприниматель Ричард Кобден, представлявший английскую сторону, был (вместе со своим не менее известным коллегой Джоном Брайтом, с которым они боролись за отмену «хлебных законов» и стояли у истоков основания новой либеральной партии Англии) одним из давних соратников Шевалье, благодаря которому шел активный обмен идеями и опытом между двумя государствами. Это была одна из самых значительных вех истории Франции Нового времени — «второй государственный переворот», как часто отзывались о договоре современники. Действительно,

договор серьезно увеличил товарооборот Франции, который также получил дополнительный стимул в виде развитой сети железных дорог. (Заметим, что деятельность Шевалье и его идеи — еще одна золотая жила для исследователя: экономическая мысль Второй империи и ее связь с промышленным переворотом, как раз представленная Шевалье, явилась не менее значимой вехой для своей эпохи, чем «школа физиократов» Тюрго и Кенэ в XVIII в.)²²

Подлинный расцвет переживает банковское дело — правительство поощряло рост кредитных учреждений (которые были рассчитаны на широкие массы — от промышленников до рабочих), крупных банков (стоит вспомнить влиятельнейших банкиров Шнейдера, братьев Перейр, Лессепса и Перье); огромные состояния наживаются благодаря биржевым играм и спекуляциям. Это были рискованные, однодневные игры, нацеленные на сотворение «денег из воздуха», подчас приносившие в карманы больший доход, нежели реальный сектор экономики. Биржевые спекуляции Франции того времени можно сравнить разве только с американским необузданным финансовым бумом до обвала 1929 г. Деньги, нажитые путем подобных операций, редко вкладывались в развитие промышленности. Одновременно правительство проводит политику поощрения и все большей либерализации акционерных обществ: так, в 1863 г. был принят закон, согласно которому общества, чей капитал не превышал 20 млн франков, освобождались от предваритель-

22. Наиболее глубокий анализ деятельности Шевалье и истории индустриального развития Франции во второй половине XIX в. представлен в: *Dunham A. L. The Anglo-French Treaty of Commerce of 1860 and the Progress of the Industrial Revolution in France.* Detroit: University of Michigan Press, 1930.

ной регистрации правительством, а в 1867 г. ограничения объема капитала вовсе были сняты — это давало практически полную свободу предпринимателям.

При мощной правительственной поддержке создаются несколько крупных банков, чья цель — предоставлять финансовую помощь молодым промышленным предприятиям (приоритетными были угольная, солевая и металлургическая промышленность и железнодорожные компании), а также открывать доступные кредиты для средних слоев. Огромной и наиболее влиятельной структурой был «Crédit mobilier», ставший хозяином практически всех железных дорог Франции, предоставлявший займы железнодорожным компаниям Австрии, России и Испании, финансирующий разработки месторождений полезных ископаемых в нескольких государствах Европы, контролировавший крупнейшие сделки с недвижимостью, финансировавший заокеанские экспедиции и развитие инфраструктуры в колониях. Одной из фундаментальных идей Наполеона III было «всеобщее избирательное право капиталов»²³ — доступ к банковскому кредиту каждого гражданина вне зависимости от социального слоя, ибо равноправие политическое неразрывно должно быть связано с равноправием экономическим. Но в реальной жизни все складывалось иначе — далеко не каждый мог выплатить высокие процентные ставки по кредитам, они были доступны в основном для крупной буржуазии. Оформляется и расширяется целая социальная прослойка рантье, те, кто благодаря играм на бирже и выгодным процентам с банковских вкладов может позволить себе жить только на ренту. Тем не менее экономи-

23. Girard L. Napoléon III. Paris, 1986. P. 55.

ка Франции была все еще уязвима для негативных воздействий: «финансовые пирамиды» и благоприятные условия внешнего обмена зависят и от ситуации на более стабильных мировых рынках, и от дипломатии в отношении европейских соседей.

И все же при Наполеоне III буржуазия добивается главного: свободы предпринимательской деятельности, возможности легкого дохода и относительной стабильности и поощрения со стороны государства. Некоторым современникам подобная политика представлялась значительным социально-экономическим достижением; как отмечал один из лидеров либералов Эмиль Оливье, «бонапартистский переворот осуждала лишь кучка стариков; зато его последствия дали стране преимущество в промышленности, торговле, банках, предоставили новые места рабочим, ликвидировали беспорядок и установили безопасность»²⁴. Один из современников и горячих сторонников реформ 1860-х гг., публицист Максим дю Кам, характеризовал первое десятилетие империи как период капиталистической эйфории: «внезапно буржуазия теряет страх перед большими цифрами, долгосрочными планами и зависящими от них финансовыми обязательствами. Возбужденная возможностью создавать и желанием выигрывать, охваченная лихорадочной спекуляцией, она бросается в авантюры без уверенности в завтрашнем дне — после нескольких лет беспорядков, когда приходилось просчитывать и угадывать наперед. Дух предпринимательства восторжествовал во всех сферах общества...»²⁵. Безусловно, подобная картина была радужной в глазах обеспеченных слоев

24. Archives Nationales. Fonds Bonaparte. 400 AP-44. Correspondance avec Ollivier.

25. *Du Camp M.* Souvenirs d'un demi-siècle. Paris, 1949. P. 31.

общества, почувствовавших свободу экономической деятельности и легкий путь к обогащению; но для крестьян и рабочих ситуация мало изменилась.

Мелкое кустарное сельское производство не выдерживает натиска крупной промышленности, тем более поддерживаемых государством отраслей: все большее количество сельских рабочих начинает переселяться в города. Это ведет не только к концентрации и дальнейшему становлению класса пролетариата, но и к установлению региональной специализации в тяжелой промышленности, а также в традиционных аграрной и текстильной отраслях. Мастерские в деревнях и маленьких городах распадаются под влиянием развития новых технологий: на смену устаревшим инструментам приходит новейшее механизированное оборудование, которое приобретают крупные промышленники и таким образом переманивают к себе бывших ремесленников. Однако процесс сосредоточения в городах текстильной отрасли идет значительно медленнее, чем аналогичные процессы в тяжелой и добывающей промышленности: так, в середине 1860-х гг. ремесленный сектор все еще производит 70% текстильной продукции²⁶. Таким образом, очевидно, что государство предпочло бросить основные силы на развитие новых отраслей (таких, как добыча и обработка железа и угля), тех гигантов, которые не только принесли ощутимую прибыль, но и создадут новую Францию, одну из передовых экономических держав Европы.

Тем не менее своим бурным развитием тяжелая промышленность была обязана скорее технологическим новациям, поддержке крупнейших банков

26. Plessis A. De la fête impériale au mur des fédérés. Paris, 1979. P. 125.

и быстрому обороту капиталов и товара, чем концентрации в ней рабочей силы: так, к 1865 г. в новых отраслях было занято в общей сложности 15% всей рабочей силы, а в старых отраслях (текстильной, кожевенной, пищевой, строительной, деревообрабатывающей) — около 80%²⁷. Разрыв между модернизацией и архаизмом в индустриальной сфере все еще оставался существенным. В немалой степени такое положение обуславливало структуру общественного мышления и отношения к авторитарному режиму: сельское население было слабо затронуто крупным капиталом, новейшей техникой и оставалось далеким от политических веяний эпохи, сохраняло консерватизм мышления и уклада и стремление к стабильности, таким образом обеспечив собой достаточно надежный лагерь поддержки режима Наполеона III; напротив, в городах, в индустриальных центрах, концентрировались передовые силы общества (новые политические группы — республиканцы, социалисты; общественные деятели, студенты, литераторы, инженеры, преподаватели, издатели и журналисты — иными словами, те профессии, что сейчас входят в понятие среднего класса или «креативного класса»), оформлялся рабочий класс со своими специфическими требованиями, процессы переосмысления и критики существующей власти шли динамичнее, глубоко укоренялись новейшие социально-экономические и политические идеи и тенденции.

Социальная политика Второй империи в первое ее десятилетие была противоречивой не столько по методам, сколько по результатам. Наполеон III изначально твердо отстаивал позицию «предотвраще-

27. *Kulstein D. Napoléon III and the working class. The California State College, 1969. P. 101.*

ния революции путем удовлетворения интересов народа»²⁸. Неоднократно в беседах с приближенными он именовал себя «социалистом»²⁹, неоднократно историки характеризовали его правление как «социализм на троне», «воплощенный социальный прогресс», основываясь на его обширной, амбициозной и передовой социальной программе³⁰. Безусловно, для той эпохи внимание к острым общественным, классовым проблемам со стороны монарха было прорывом и чрезвычайно смелым шагом. В личных письмах императора много раз встречаются утверждения о том, что опора его правления — народные массы, и цель этого правления — благо и богатство народа. Конечно, популистские прагматичные соображения не были ему чужды: наученный печальным опытом Июльской монархии, Луи Бонапарт сознавал, что без поддержки народа ни один режим не будет прочным. Но в то же время император настаивал не только на «насыщении» народа, но и обращал внимание на необходимость его духовной зрелости и ее зависимости от материального благополучия: «нам необходим народ мудрый, сильный, благородный... мы должны посвятить себя борьбе с бедностью» (эти мысли отражены в работе Луи Бонапарта «Искоренение нищеты», написанной им еще в 1840-е гг., когда он находился в эмиграции в Англии)³¹. Наполео-

28. Archives Nationales. Fonds Bonaparte. 400 AP-44. Correspondance avec Persigny.

29. *Du Camp M.* Souvenirs d'un demi-siècle. Paris, 1949. P. 130.

30. См.: *Sagnes J.* Napoléon III, le parcours d'un saint-simonien. Paris, 2008; *Dufreigne J.-P.* Napoléon III: Un empereur qui rêvait... Paris, 2007; *Смирнов А. Ю.* Империя Наполеона III. М.: Эксмо, 2003; *Boon H.* Rêve et réalité dans l'oeuvre économique et sociale de Napoléon III. Paris, 1936.

31. Цит. по: *Ollivier E.* L'Empire libéral. Paris, 1899–1912. Vol. 9. P. 440.

новская доктрина социального благополучия оформилась задолго до его непосредственного прихода к власти; как мы уже упоминали выше, он не скрывал, что сильное влияние на его мировоззрение в этом вопросе оказали социалистические идеи Прудона, Луи Блана и Сен-Симона о взаимосвязи благополучия народа и государства и зависимости этих отношений от экономического и технологического прогресса. Как ни парадоксально, именно эти идеи императора и подобную концепцию взаимосвязи советские историки пренебрежительно именовали «демагогией» и «лабиринтом в интересах буржуазии»³², в то время как К. Маркс в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта»³³ дал пусть язвительный, но блестяще точный и взвешенный анализ политики бонапартизма: страх режима перед революцией принуждает его идти навстречу подданным.

Невозможно отрицать прогрессивность реформ императора, например, в сфере образования: с 1863 г. пост министра образования занимал либерал Виктор Дюруи, энергично взявшийся за претворение новых идей — ведение всеобщего начального образования, ибо принцип всеобщего избирательного права подразумевает наличие грамотного избирателя вне зависимости от социального слоя³⁴.

32. См.: Желубовская Э. Л. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1957; История Франции / под ред. А. З. Манфреда. М.: АН СССР, 1972. Т. 2; Дразнина Я. И. Современные буржуазные историки о Наполеоне III и Второй империи // Новая и новейшая история. 1964. № 2.

33. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 8.

34. См.: Horvath-Peterson S. Victor Duruy and the French Education: Liberal Reform in the Second Empire. Louisiana University Press, 1984.

Так, был принят закон о введении курсов среднего образования для женщин, учреждаемых муниципалитетами городов. Это не только способствовало росту грамотности среди женщин, но увеличило их шансы поступить в средние специальные учебные заведения (обычно женщины осваивали профессии учительниц и сестер милосердия). Министерство образования приняло закон, согласно которому каждая сельская или городская коммуна численностью более 500 человек должна основать внутри себя бесплатную женскую начальную школу. Была создана специальная касса помощи школам в бедных коммунах. Проводились и реформы в среднем и специальном образовании: в связи с потребностями технического прогресса правительство основывает систему учебных заведений для подготовки инженеров, агрономов, финансистов (*Ecole pratique des hautes études*) — это были аналоги современных профессионально-технических училищ. Начали учреждаться и развиваться стипендиальные фонды грантов для поддержки молодых ученых. Стала внедряться практика сращивания в университетах образовательного процесса и научных исследований. Особенно важны были реформы образования для детей рабочих: им предоставлялась возможность посещать занятия в две смены, утром и вечером, учитывая то обстоятельство, что немалая часть этих детей были вынуждены работать на фабрике.

Острейшим для того периода был рабочий вопрос, что неудивительно, ибо промышленное развитие вело к концентрации пролетариата в городах и оформлению его как класса с самостоятельным мышлением и требованиями, с которыми власти уже приходилось считаться. Пролетариат становился все более влиятельной, пусть и немногочисленной силой — к середине 1860-х гг. он составлял

чуть более 6% населения страны. Заботу о благосостоянии рабочего класса Луи Бонапарт считал едва ли не приоритетной для своей политической программы: еще в ранние годы в своей знаменитой брошюре «Искоренение нищеты» (ставшей, кстати, впоследствии манифестом бонапартистов) он отмечал, пусть и во многом повторяя идеи Сен-Симона и Смита, что основа процветания экономики и стабильности государственной системы — благосостояние рабочего класса, его квалифицированность и образованность, достойный уровень жизни. Будущее — за союзом труда и капитала, за своего рода «социальной ответственностью» государства и предприятий, готовых обеспечить рабочему достойные условия труда и право на самоорганизацию в форме профсоюзов или подобных ассоциаций. В итоге к концу своего первого десятилетия империя стала настоящим «государством-благотворительностью»³⁵: было сохранено учрежденное еще в годы революции Министерство общественных работ, чьей целью была борьба с безработицей; под покровительством супруги Наполеона III императрицы Евгении и двоюродного брата императора принца Наполеона была учреждена Комиссия по делам рабочих, принимавшая рабочие делегации, запросы и жалобы рабочих и которая должна была организовать контакт между рабочими и правительством. В 1862 г. был основан специальный банк, предоставлявший кредиты рабочим на низких процентах, а также пособия по болезни и пенсии (последние, правда, выдавались из так называемых касс взаимопомощи — аналогов современных пенсионных накоплений). С начала 1860-х гг. и осо-

35. *Boon H.* Rêve et réalité dans l'oeuvre économique et sociale de Napoléon III. Paris, 1936. P. 149.

бенно после Всемирной промышленной выставки стали поощряться поездки рабочих делегаций за границу для ознакомления с технологическими достижениями более развитых стран и взаимного обмена производственным опытом. Серьезным шагом навстречу рабочим была отмена в 1864 г. так называемого закона Ле Шапелье, принятого еще в 1790 г. и запрещавшего рабочим организовывать коалиции и забастовки. Формально это были благие намерения, воплотившиеся в реальные дела. Столь повышенное внимание к социальным вопросам было беспрецедентным для Франции. Более того, Наполеон III приветствовал образование Первого интернационала, полагая, что подобная организация рабочего класса ведет его к самостоятельности и дисциплине, к политической грамотности³⁶. На вышеперечисленных основаниях ряд исследователей³⁷ полагает, что бонапартистский режим был поистине социально ориентированным и основным объектом его забот был рабочий класс, ибо император понимал, что это — новый, наиболее важный социальный слой, от продуктивности и благополучия которого зависит прочность всего государства. «Благополучие народа зависит от материального прогресса и свободы», — заявлял император еще в начале правления³⁸.

Однако на самом деле положение рабочего класса было далеким от удовлетворительного. Рабочий

36. *Boon H.* Rêve et réalité dans l'oeuvre économique et sociale de Napoléon III. P. 153.

37. См., например, *Kulstein D.* Napoléon III and the working class. 1969; *Girard L.* Napoléon III. Paris, 1986; *Sagnes J.* Napoléon III, le parcours d'un saint-simonien. Paris, 2008.

38. Цит. по: *Plessis A.* De la fête impériale au mur des fédérés. 1852–1871. Paris, 1979. P. 18.

класс все еще не представлял собой однородную социальную группу. Это объяснялось существованием параллельно новых и старых отраслей промышленности. Например, в текстильном производстве нередко рабочие совмещали свой труд на фабрике с трудом крестьянина и оставались привязанными к деревне. Существовали традиционные мелкие городские мастерские, организованные по средневековому принципу, где профессия передавалась по наследству и где работник был квалифицированным, опытным и полноправным хозяином своего имущества и дохода. Но освоение новых отраслей промышленности, новый тип производства вели к тому, что в них привлекали большие массы люмпенизированного населения, как правило, разорившихся крестьян, искавших заработка в крупных городах. Это и был тот самый новый пролетариат, условия жизни которого были наименее благополучными и который представлял для власти потенциальную опасность. Такой рабочий выполнял однообразную, низкоквалифицированную работу у станка, созданного по новейшей технологии, получал фиксированную заработную плату, работал от 12 до 15 часов в день и в большинстве случаев его дохода не хватало на содержание всей семьи, поэтому работали и его жена, и нередко дети. Хотя, согласно исследованиям некоторых историков³⁹, тезис императора об улучшении материального блага рабочих давал практические результаты: в течение двадца-

39. См.: *Boon H.* Rêve et réalité dans l'oeuvre économique et sociale de Napoléon III. Paris, 1936; *Boilet G.* La doctrine sociale de Napoléon III. Paris, 1969; *Kulstein D.* Napoléon III and the working class. The California State College, 1969; *Dunham A. L.* The Anglo-French Treaty of Commerce of 1860 and the Progress of the Industrial Revolution in France. Detroit: University of Michigan Press, 1930.

ти лет империи средняя зарплата рабочего росла в соответствии с инфляцией и повышением прожиточного минимума, но все же редко опережала их. Так, по свидетельству видного деятеля-социалиста той эпохи Жюль Симона, средняя заработная плата рабочего к середине 1860-х гг. составляла 2 франка в день для мужчин и 1,50 франков для женщин при среднем прожиточном минимуме 1 франк в день. Дети рабочих имели возможность посещать дневную и вечернюю школы, но зачастую лишались этого, так как вынуждены были помогать семье и стоять у станка полный рабочий день⁴⁰. Ж. Симон отмечал, что никакие технические новшества не смогли улучшить условия труда рабочих, по-прежнему высоким оставался производственный травматизм, по-прежнему пролетарии обитали в тесных комнатухах или бараках при заводе⁴¹. По свидетельству современников, в частности, уже упоминавшегося нами Мишеля Шевалье, росла пропасть между пролетариатом Парижа и всей страны: столица была наименее люмпенизирована, в ней оставались нетронутыми старые промыслы, перешедшие на новые технологии и расширившие рынки сбыта, что сохраняло традиционного рабочего и существенно улучшало его материальное положение; поэтому парижский рабочий был гораздо шире образован и лучше ориентировался в политической обстановке⁴². Из таких рабочих нередко выходили лидеры республиканской оппозиции. Интернационал и социалистические идеи были делом рабочей элиты, наиболее просвещенных людей. Средний же пролетарий был

40. Archives Nationales. Fonds Simon. 87 AP-11. Correspondance.

41. Ibid.

42. Ibid. 87 AP-2.

сдва грамотен и требования его были примитивны, он не разбирался в тонкостях концепций мыслителей-социалистов и вряд ли даже слышал о Манифесте коммунистической партии. В общей сложности, как полагает Л. Жирар, процесс «обнищания» пролетариата остался в прошлом, но его положение улучшалось медленно или оставалось стабильно тяжелым и требовало огромного внимания со стороны государства⁴³.

Экономический подъем, развитие промышленности и торговли отразился и на жизни городов. Так, в середине 1860-х гг. городское население составило уже 11,5 млн по сравнению с 9 млн в 1851 г. Крупные города, ставшие новыми промышленными центрами, привлекали рабочих из деревни; они же давали возможность профессиональной реализации и быстрого заработка средним слоям и крупной буржуазии. Население Парижа с 1851 по 1869 г. возрастает почти в два раза — до 1,9 млн человек⁴⁴. Город становится не только одним из мировых финансовых центров: отныне это — блестящая столица Европы и в культурном, и в архитектурно-технологическом плане. С 1853 г. префект Парижа барон Осман по поручению императора принимает программу реконструкции столицы. В течение нескольких лет на смену узким средневековым переулкам и приземистым домам города пришли широкие бульвары и проспекты, были возведены новые небывало высокие для тех времен здания; были отреставрированы и открыты для посещения многие средневековые памятники; было построено несколько новых

43. *Girard L.* Napoléon III. Paris, 1986. P. 415.

44. Archives Nationales. Fonds Rouher. Exposé de la situation de l'Empire. 1869. 45 AP-1; Archives Nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. Correspondance avec l'Empereur.

вокзалов, связавших Париж со всей Европой; город был оснащен канализацией и водопроводом согласно новейшим технологиям. (Что, впрочем, не помешало ряду парижских старожилов и представителей творческих профессий назвать его новый облик воплощением буржуазного китча.) Париж обрел тот облик и ту систему коммуникаций, которая действует в нем и по сей день. Париж Наполеона III по претенциозности и роскоши сравним, пожалуй, только с Версалем Людовика XIV; но, в отличие от «короля-солнца», наполеоновская столица должна была стать не личной прихотью государя, а воплощением технического и социального прогресса, городом, созданным для свободной и комфортной жизни его обитателей. Но и за этим скрывался хорошо продуманный популистский шаг: обновленный Париж должен был показать преимущество сильной исполнительной власти монарха перед хаосом демократической революции.

Нельзя не упомянуть, насколько ярко весь колорит и все парадоксы эпохи, а также ее социальные типы, отражены в произведениях Эмиля Золя, летописца Второй империи, показавшего ее в своем многотомном романе-эпопее «Ругон-Маккары» сквозь призму повседневной жизни различных социальных групп: наряду с живущей многовековыми укладами деревней, практически не ощутившей перемен, Париж и виднейшие индустриальные центры являют собой локомотив будущего: биржевые спекулянты, банкиры и торговые центры, железные дороги, шахты, заводы, вызывающая роскошь столицы, развлечения и бурная артистическая жизнь. Депутат-бонапартист Эжен Ругон, финансовый воротила Саккар, директор роскошного парижского дома мод Октав Муре, куртизанка Нана, непознанный художник Клод, лишившиеся работы

шахтеры, честные скромные буржуа семья Шанто и доктор Паскаль — вот лица Второй империи, зеркало, отразившее все политические и социальные перемены эпохи. «Новая Франция», феномен, отраженный в одноименной книге современником Империи публицистом Л. Прево-Парадолем⁴⁵, была, бесспорно, детищем Наполеона III.

Внешнеполитическая программа также составляла важную часть бонапартистской идеи. Внешняя политика Наполеона III в первые 10–15 лет его правления вновь вознесла Францию на высоту могущественной, влиятельной державы на мировой арене. Безусловно, амбиции императора диктовались стремлением к реваншу за прошлые поражения, к возвращению эпохи славы его великого дяди, к признанию империи соседями: ведь престиж Франции сильно пошатнула революция 1848 г., не говоря уже о том, что после унижительных решений Венского конгресса 1815 г. реваншистские настроения в той или иной степени присутствовали среди французской политической элиты. В начале своего правления Наполеон III выдвинул внешнеполитический лозунг: «империя — это мир», подразумевая под этим дружественное сосуществование с другими державами. Кроме того, император был горячим сторонником идеи независимости и самоопределения наций и формирования государств по национальному принципу, чем в немалой степени объяснялось упрочение националистических и шовинистических концепций в самой Франции. Однако реальные действия правительства были далеко не столь миролюбивы, как было заявлено императором.

45. См.: *Prevost-Paradol L. La France nouvelle. Paris, 1868.*

Для подъема национального самосознания и укрепления престижа Франции на международной арене значительную роль сыграла победа в составе антирусской коалиции в Крымской войне 1853–1856 гг. Экспансионистские устремления империи наглядно проявились в колониальных захватах, в упрочении французского господства в Алжире (где в 1850-е гг. велась ожесточенная война с непокорным местным населением) и Индокитае; были установлены прочные дипломатические отношения с Китаем и Японией, туда неоднократно совершались торговые и научные экспедиции. Победы Франции возвысили ее авторитет в глазах европейских монархов; как писал Жюль Симон, «государя, напуганные европейскими революциями 1848 г., отдали честь этому выскочке: когда они увидели его силу, они признали его легитимным»⁴⁶. Собственно, именно к этому и стремился Наполеон III.

Самым смелым проектом наполеоновского правительства стала экспедиция в Мексику 1862–1867 гг. с целью водворения на мексиканском престоле выгодного для Франции монарха (им должен был стать эрцгерцог Максимилиан, брат австрийского императора Франца-Иосифа) и предоставления новых выгод финансовой олигархии. Экспедиция окончилась провалом, в ходе мексиканской революции монархия была уничтожена, Максимилиан — расстрелян, что всколыхнуло недовольство французской буржуазии и общества в целом. Осуждению подвергалась и начатая в 1859 г. Итальянская кампания, предлогом для которой стала помощь Пьемонту в борьбе против Австрии, реальной же целью было получение Савойи и Ниццы в качестве «на-

46. Archives Nationales. Fonds Simon. 87 AP-20.

грады» за помощь. Противники этих войн осуждали их за лицемерие и откровенную жадность, полагая, что истинный престиж империи — в мирном сосуществовании с соседями и проведении прежде всего справедливой социальной политики⁴⁷. Внешнеполитические действия империи ничуть не укрепили ее престиж, наоборот, подорвали его в глазах общественности. Опасным соседом империи становилась Пруссия, чья мощь и агрессия возрастали в войнах за объединение Германии, тем более, что она воспрепятствовала присоединению Францией Люксембурга. Видные политические деятели предупреждали императора об опасности конфликта со столь сильным соседом; более того, резко осуждению подверглись антипруссские настроения бонапартистов как неуважение к правам и свободам немецкого народа, как грубое вмешательство в его внутреннюю политику, как эгоистический, воинствующий шовинизм, противоречащий исходному постулату Наполеона III о поддержке национально-освободительных движений в Европе, о праве каждой нации на свое государство: «Германия... не обязана жертвовать своими интересами в угоду нам и обрекать себя на жалкое существование, чтобы доставить нам радость господства»⁴⁸. Иными словами, результаты внешнеполитических действий Франции накануне реформ были весьма неоднозначными.

Если наполеоновскому правительству удалось добиться значительных успехов в экономике, то ситуация во взаимоотношениях государства и общественных институтов была далеко не столь благопо-

47. *Ollivier E. Démocratie et liberté. Paris, 1867. P. 25–41.*

48. *Ollivier E. L'Empire libéral. Paris, 1899–1912. Vol. 9. P. 181.*

лучной. Прежде всего эти сложности были связаны с характером политического режима Луи Бонапарта. Историки и современники, высоко оценившие экономические, социальные и внешнеполитические достижения Второй империи, тем не менее считают наиболее уязвимым и спорным ее моментом именно внутривластную систему и обеспечение политических свобод граждан⁴⁹.

Наполеон III полагал, что для упрочения своей власти и предотвращения новых беспорядков он может применить только метод своеобразного лавирования: сохранить фундаментальное достижение революции 1848 г. (всеобщее избирательное право), но при жестком контроле за деятельностью представительного органа и общественной жизни и практически неограниченных полномочиях исполнительной власти. Император прекрасно понимал опасное состояние общества в конце 1840-х гг.: набирающий обороты конфликт буржуазии и социалистов, заброшенность и бедственное экономическое положение крестьянства, обремененного налогами и при этом не участвующего в политических событиях. Ни социалистические, ни прежние «орлеанские» либеральные лидеры так и не завоевали доверия широких масс. Такая «свобода» грозила только новыми разочарованиями и бессмысленной жестокостью. Поэтому неудивительно, что произнесенное Луи Бонапартом слово «порядок» произвело в обществе столь магический эффект.

49. См.: *Кареев Н. И.* История Западной Европы в новое время. СПб., 1903. Т. 5; *Delord T.* Histoire du Second Empire. Paris, 1869–1875; *Du Camp M.* Souvenirs d'un demi-siècle. Paris, 1949; *Girard L.* Napoléon III. Paris, 1986; *Plessis A.* De la fête impériale au mur des fédérés. 1852–1871. Paris, 1979; *Tudesq A.* La démocratie en France depuis 1815. Paris, 1971; *Dufreigne J.-P.* Napoléon III: Un empereur qui rêvait... Paris, 2007.

Император был убежден, что «свобода никогда не способствовала основанию прочных политических зданий, она венчает их, когда время их уже упрочило»⁵⁰. В этом и была заключена программа деятельности бонапартистского правительства в первое десятилетие существования империи. Несомненно, император руководствовался одновременно рационалистическими и популистскими ображениями: прошедшая революция необратимо изменила французское общество, задала высокую планку в отношениях с государством, активизировала социальные движения и требовательность гражданина к правителю, который отныне мыслился как подотчетный гражданам. Пойти против интересов общества означало самоубийство власти. По словам императора, «Франция не желает ни возвращения к старому порядку, ни погружения в опасные и сомнительные утопии революции»⁵¹. Луи Бонапарт был избран президентом на демократических выборах подавляющим количеством голосов; его политическая система была поддержана, опять же, народным референдумом в 1852 г. Это укрепило убеждение императора в том, что его власть основана на доверии народа. Чтобы поддержать это доверие и одновременно контроль за общественной жизнью, власть сочла необходимым сохранить в обществе элементы демократии. Поэтому было сохранено всеобщее избирательное право — важнейшее достижение революции. Оставалась в силе Конституция и сохранялись представительные органы. Преамбула Конституции 1852 г. декларировала традиции французской демократии

50. *Грегуар Л.* История Франции в XIX в. М., 1894. Т. 3. С. 563.

51. Цит. по: *Girard L.* Napoléon III. Paris, 1986. P. 39.

в их первоизданном виде — «признание, утверждение и гарантия великих принципов, провозглашенных в 1789 г., которые являются основой публичного права всех французов»⁵². Такая формулировка подчеркивала «народный» характер конституции, отражавшей интересы не какой-либо узкой политической группы, но всей французской нации: равенство всех граждан перед законом, равенство в избирательном праве, неприкосновенность частной собственности, свобода слова⁵³. Император, желая лишний раз укрепить свою социальную базу, ввел в практику систему референдумов (точнее возродил, ибо его дядя также прибегал к ним); до конца своего правления он был убежден, что для власти нет более прочного гаранта, чем народ при прямом к нему обращении: «народ — единственный суверен, которого я признаю»⁵⁴, — заявлял император.

Но в действительности роль вышеназванных институтов оставалась марионеточной, а громкие заявления были лишь декором для легитимации авторитарного и, в сущности, узурпаторского режима. Ведь уступки и реформы в интересах потенциально опасных социальных сил мыслились самим императором всего лишь как «увенчание здания»⁵⁵, основа которого — строгий порядок, сильная исполнительная власть и успокоенное, удовлетворенное, в то же время уstraшенное этой властью общество. Власть в свое первое десятилетие взяла курс на пресечение любых проявлений оппозиционности, что

52. Le Moniteur. 10 Janvier 1852.

53. См.: Plessis A. De la fête impériale au mur des fédérés. 1852–1871. Paris, 1979.

54. Archives Nationales. Fonds Bonaparte. 400 AP-54. Correspondance avec Persigny.

55. Ollivier E. L'Empire libéral. Paris, 1899–1912. Vol. 10. P. 199.

затронуло даже всегда осторожные либеральные идеи, вследствие чего многие из «людей 1848 г.» вынуждены были эмигрировать. В прессе существовала жесткая цензура и прямой контроль правительства путем «специального разрешения» на издание того или иного журнала: «журнал, посвященный политическим и социально-экономическим вопросам, может быть основан только с санкции правительства... журнал может быть закрыт по решению министерства внутренних дел, если оно сочтет его содержание опасным для власти»⁵⁶. В сущности, ограничения были наложены на важнейшие демократические свободы, которые при этом декларировались в Конституции.

Предвыборные собрания и агитация кандидатов оппозиции были запрещены, равно как встречи оппозиционных кандидатов с избирателями. Голос народа не мог быть услышан даже посредством представительных институтов — Законодательного корпуса, который, хотя и избирался всеобщей подачей голосов, не имел законодательной инициативы, она исходила от стоявшего над ним Государственного совета, члены которого назначались императором; парламент имел право только обсуждать представляемые ему готовые законопроекты без внесения в них поправок. Депутаты были лишены права избирать председателя своей палаты, вводился запрет на публикацию отчетов о заседании палаты. Отсутствовала выборность мэров. На парламентских выборах открыто поощрялась поддержка официальных кандидатов — ставленников правительства. По свидетельству современника, республиканца Э. Пеллетана, «министр пе-

56. Archives Nationales. Fonds Rouher. 45 AP-1. La loi sur la presse. 1863.

редает имя кандидата префекту, тот передает его супрефекту, который передает его мэру; мэр передает его начальнику сельской полиции, который распространяет это имя по всей деревне. А сельская коммуна обнаруживает, что депутат, на которого она в своих мечтах возлагала столько надежд, на самом деле — парижский финансист, о существовании которого сельские жители даже не знали»⁵⁷. Министры не были ответственны перед парламентом, им запрещалось совмещать свои полномочия с должностью депутата и баллотироваться на выборах. Многие современники, критически настроенные по отношению к режиму, характеризовали этот период как время безнаказанности бюрократии и попрания политических прав граждан, которым избирательное право предоставлялось лишь в качестве «подаяния»⁵⁸, ибо правительство было занято сооружением «здания». В сущности, единственная полноценно реализуемая свобода, которой обладал французский народ, заключалась в предоставлении ему избирательного права и выражения своего мнения на плебисците. «Когда народ лишен возможности говорить, или говорит настолько тихо, что его голос скорее напоминает молчание, то как можно распознать общественные настроения?», — писал Э. Пеллетан⁵⁹. Формально независимые или оппозиционные кандидатуры

57. Archives Nationales. Fonds Rouher. 45 AP-1. La loi sur la presse. 1863.

58. См.: *De Chambrier J.* Second Empire. Entre l'apogée et le déclin. Paris, 1908. P. 24; *Delord T.* Histoire du Second Empire. Paris, 1869–1875. Vol. 5. P. 18; *Ollivier E.* L'Empire libéral. Paris, 1899–1912. Vol. 9. P. 410.

59. Archives Nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. E. Pelletan. Le Manifeste.

не были запрещены, но во время выборов им чинились многочисленные административные препятствия вплоть до фальсификации результатов выборов; по воспоминанию современника, «префект обладает достаточными полномочиями для того, чтобы подтасовать свободно выраженные мнения в пользу официальных кандидатур. Мэр может осуществлять манипуляции, натравливая друг на друга разные социальные слои, жителей деревни и города, вселяя в буржуа ненависть к рабочему. Судья подливает масло в огонь этого конфликта, пугая народ призраком революции. Священник манипулирует народом, проклиная со своей кафедры свободу мысли. Университетский профессор, которому надлежит быть примером просвещенности и нравственности, клеймит свободу и попирает обязанности честных и свободных граждан»⁶⁰. Как отмечал республиканец Анри Рошфор, «во Франции судом является не правосудие, но месяцы тюремного заключения и тысячи франков штрафа для тех, кто выступает против грабительских налогов, против надзора полиции за прессой, облавы на демонстрантов, против незаконных арестов и расстрелов на улицах в случае неповиновения...»⁶¹. Либерал Эмиль Оливье, признавая успехи Франции в экономической и внешнеполитической областях, тем не менее призывал власть задуматься над политическими свободами: власть дошла до той критической точки, когда жесткие меры и контроль над обществом уже неэффективны и перерастают в тиранию, тем самым дискредитируя монарха⁶².

60. *Le Progrès*. 26 Décembre 1863.

61. *La Lanterne*. No. 55. 1869

62. *Ollivier E. L'Empire libéral*. Paris, 1899–1912. Vol. 9. P. 199.

В итоге в либеральных кругах начала все громче звучать критика бонапартистского режима. Ведь, по сути дела, в первые десять лет многие из них прощали бонапартизму его узурпаторский характер исключительно по причине тех важных экономических, социальных и внешнеполитических достижений, которые действительно имели место и изменили выгодным образом внутреннее и международное положение страны. Еще в начале XIX в. один из патриархов французского либерализма Б. Констан писал: «Во Франции, где революционные бури привели к власти непросвещенный класс и абсолютно обескуражили класс просвещенный, новое вторжение „варваров“ имело тот же результат, но только не столь длительно-го действия, поскольку диспропорции между силами были не столь ощутимы. Человек, возжелавший узурпировать власть в нашем обществе, вынужден на некоторое время сойти с дороги цивилизации. Он опустился до уровня непросвещенных народов, до уровня предшествующих веков — вот куда отбросило его его же превосходство. Не сумев вернуть центр Европы к невежеству и варварству, он повел европейцев в Африку, а затем, для поддержки собственного авторитета, приложил все силы, чтобы заставить отступить Европу»⁶³. Эти слова, адресованные изначально Наполеону I, в глазах либеральной общественности могли быть отнесены и к его наследнику. Ибо ситуации были весьма схожими: глоток свободы революции, а затем шаг далеко назад, к насильственному захвату власти и попранию гражданских свобод.

63. Констан Б. Об узурпации // Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995. С. 209.

Быть может, ситуация сложилась бы не столь критично, если бы Наполеон III воспринял британский вариант «социальной монархии», в которой король является отцом народа и символом нации отнюдь не с помощью рычагов исполнительной власти, а путем торжества закона и народного представительства. К сожалению, этот компромисс был не свойственен французской политической традиции, она так и не сумела ни извлечь уроков из прошлого опыта, ни воспользоваться ценным опытом соседей. Во Франции монарх не может быть символом, он — действующая сила. Именно этим расхождением можно объяснить конфликт монархии и парламента на протяжении всей Реставрации, когда, согласно Хартии, отрицалось божественное обоснование власти монарха и он становился подотчетен народному представительству, но на деле король в той или иной форме пытался вернуть себе все абсолютистские привилегии.

Однако в конце 1850 — начале 1860-х гг. проблема взаимоотношений общества и власти еще не стала столь острой и не угрожала стабильности империи: республиканцы были загнаны в подполье, либералы, как уже было сказано, готовы были оправдать бонапартизм благодаря его эффективным мерам по устранению революционной ситуации. Пока что не существовало серьезных причин для массового недовольства: власть покоилась на экономических достижениях и международном признании, авторитет императора среди народа был высок, конъюнктура для торговли и промышленности была как никогда более благоприятной. Все это до поры до времени компенсировало нерешенность некоторых внутривнутриполитических вопросов.

2. Кризис и новые либералы

Отсутствие гражданских свобод не представлялось бы обществу и политическим деятелям столь роковым, если бы ситуация не была утяжелена экономическим кризисом. Он не был внезапным. В начале 1860-х гг. он начался как циклический мировой кризис, затронувший внутреннюю и внешнюю торговлю всех развитых стран; но в 1865 г. он особенно остро отразился на Франции. Финансовая и банковская сфера, монополизированная крупной буржуазией, пережила обвалы, не выдержав спекулятивных операций, по сути делавших деньги из воздуха, отнюдь не всегда обеспеченные реальной экономикой. Разоряются банки и акционерные общества. Сокращаются обороты внешней торговли; соответственно, снижение доходов предприятий ведет к их разорению и массовым увольнениям рабочих. Темпы инфляции возрастают и опережают рост заработной платы рабочих, и в середине 1860-х гг. Францию потрясают повсеместные забастовки, названные современниками «забастовкой миллиарда». Государство сокращает объем помощи рабочим, ибо основные финансовые ресурсы брошены на спасение банков, предприятий и, конечно же, железнодорожных компаний. Катастрофа затрагивает даже крупнейшее кредитное учреждение империи, казавшееся непотопляемым — «Crédit mobilier», возглавляемый братьями Перейр. От разорения едва удалось спасти Трансатлантическую компанию, еще одно детище Перейр. Сельское хозяйство переживает беспрецедентно низкий за всю историю империи урожай. Многие текстильные предприятия подрывает так называемый хлопковый кризис, связанный с неурожаем хлопка в Аме-

рике, снижением его поставок в Европу. Огромные деньги, вложенные в экспедицию в Мексику, сторают из-за ее провала — поднимается возмущение среди крупных промышленников и финансистов, инвестировавших в эту авантюру и надевавшихся на получение прибыли; резкое осуждение общественности вызывает обострение отношений с Пруссией, которая к тому времени становится серьезным соперником на европейской арене, причем не только политически, но и в промышленной сфере — Германия по темпам экономического роста вскоре займет второе после Англии место в Европе. Франция устала от войн, благополучие империи зависело и от ее внешней политики: «Ваши финансы покоятся на увеличении ваших доходов, а доходы зависят от поддержания мира», — говорил в одной из парламентских речей либерал Адольф Тьер⁶⁴. «За эру чудес империя расплатилась трудностями 1860-х гг., — отмечал он. — Изнанка декора была продемонстрирована обществу, которое отныне стало все более недоверчиво относиться к правительству»⁶⁵. По свидетельству префекта полиции Ж. Пьетри, ситуация в стране действительно становилась угрожающей: «Повсюду наблюдаются оскорбительная критика, недоверие, тревожные настроения... В какую сторону ни посмотреть — всюду ситуация далека от удовлетворительной; массы все еще верны императору, но требуют от него ответа: какие меры он предпримет?»⁶⁶

64. *Thiers A. Discours sur les libertés politiques. Paris, 1865. P. 17.*

65. Цит. по: *Girard L. Napoléon III. Paris, 1986. P. 409.*

66. *Archives Nationales. Fonds Rouher. 45 AP-19. Rapports du préfet de police.*

Экономический и внешнеполитический кризис ведет к подрыву авторитета режима Второй империи: его неуязвимость и мощь впервые поставлены под серьезное сомнение, общественность, как замечает Э.Оливье, «требует от власти исправления ее ошибок и внимания к нуждам народа»⁶⁷. Основные силы государства были брошены на обеспечение экономического могущества страны, но в забвении остались вопросы политических свобод, которые в период кризиса особенно обострились: «Власть установила свободный обмен товарами, но запретила свободный обмен мыслью»⁶⁸, — писал Э.Пеллетан, тем самым обозначая суть проблемы. Картина прояснялась: экономическое процветание и военная мощь — факторы преходящие и быстро меняющиеся, а потому и являющие собой слабые основы для политического режима; истинную устойчивость могут обеспечить только гражданские свободы.

Всесторонняя критика режима стала благоприятной почвой для активизации оппозиционных движений. Пошатнувшееся экономическое и внешнеполитическое благополучие страны обнажает социальные язвы и хрупкость фундамента, на котором зиждилась относительная стабильность предыдущего десятилетия. Теперь это затрагивает интересы всех слоев общества, которое начинает переосмысливать достижения предыдущих лет, выявлять их ошибки и слабые звенья. Франция нуждается в новом базисе для своей внутренней политики, в новых концепциях социальных отношений, в пересмотре принципов взаимодействия власти и обще-

67. *Ollivier E.* L'Empire libéral. Paris, 1899—1912. Vol. 9. P. 200.

68. Archives Nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. E. Pelletan. Le Manifeste.

ства. Назревает необходимость поиска нового пути развития страны. По воспоминаниям современника, бонапартиста Гранье де Кассаньяка, на арену политической борьбы выходит новое поколение, для которого авторитарный режим — атавизм, унижительный пережиток, не имеющий будущего и загоняющий Францию в тупик: «Поищите среди амбициозных молодых людей тех, кто следует консервативному пути — и вы не найдете их. Оппозиция захватывает всех, объединяет всех»⁶⁹. Новые оппозиционеры отнюдь не всегда были политическим деятелями радикального толка; в основном это были просто прогрессивно и свободно мыслящие люди, для которых приоритетным было гражданское общество со всей полнотой его функций, а не принцип авторитета и могущества монарха. Такой принцип мыслился ими как возвращение к идейным основам «старого порядка». Годы революций и смены политических режимов способствовали взрослению и росту самостоятельности французского общества, не говоря уже о все возрастающей активности и роли буржуазии, среднего класса в общественной жизни. Этот класс пережил период стабилизации и обогащения в 1850-е гг.; но финансовое благополучие позволило ему «отдышаться» и задуматься над социально-политическими основами своего существования, и наращивание материального капитала уже не было его главной целью. Авторитарный режим начал восприниматься как несоответствующий потребностям нового общества. Франции, по сути, грозила «революция сытых». Франсуа Гизо, некогда бросивший в лицо республиканцам, обвинявшим правительство Луи-Филиппа в завыв-

69. *Granier de Cassagnac A. Souvenirs du Second Empire. Paris, 1881. P. 317.*

шенном имущественном цензе, фразу «обогащайтесь, и вы станете избирателем», возможно, упустил из виду, что богатый избиратель — это прежде всего просвещенный избиратель, чья воля может свергнуть корону (что и доказал 1848 г.).

Оппозиционные политические силы к тому времени были распределены преимущественно между двумя группами — республиканцами и либералами. Во главе республиканцев стояли яркие лидеры (Л. Гамбетта, Ш. Делеклюз, Ж. Симон, Ж. Ферри, А. Рошфор), но у них не было возможности свободно и вовсе услышание высказаться — их печатные издания подвергались суровой цензуре, их сторонники в основном скрывались за границей. К тому же, в начале 1860-х гг. среди республиканцев образуется и начинает активно действовать группа социалистов, виднейшим из которых становится Шарль Делеклюз, издававший журнал «Le Réveil» — французский рупор идей Первого интернационала. Социалисты, выступавшие в защиту интересов рабочего класса, стали ярким свидетельством глубоких изменений структуры французского общества: на политическую арену вышел новый класс, требующий внимания власти к своим проблемам. Тактика и целевая аудитория республиканцев и либералов в значительной мере отличались: если первые привлекали мелкую городскую буржуазию, ремесленников и рабочих, то вторые отражали чаяния средней и крупной буржуазии и интеллигенции. Тем не менее в начале 1860-х гг. у обеих групп существовала общая твердая политическая платформа: критика политики императора и необходимость проведения реформ институтов гражданского общества.

Либеральная оппозиция на тот момент находилась в более благоприятных условиях, поскольку она не призывала к свержению авторитарного ре-

жима, ее взгляды оставались умеренно-реформистскими, она готова была идти на сотрудничество с властью. Поэтому и возможности ее деятельности были шире. Либералы начали свой политический путь задолго до кризиса: их первая победа — парламентские выборы 1857 г., когда в Законодательный корпус были избраны пятеро депутатов-либералов, так называемая пятерка, «*Le Cinq*». Это были Эмиль Оливье, Альфред Даримон, Жюль Фавр, Жан-Луи Энон и Эрнест Пикар. Наиболее яркой и деятельной фигурой среди либералов был Э. Оливье (1825–1913), которому суждено было сыграть ключевую роль в политических реформах последних лет Второй империи. Сын адвоката из Марселя, во время революции 1848 г. принявшего сторону республиканцев, Оливье начинает карьеру адвоката в Париже, где становится сторонником республиканских идей и приветствует падение монархии Орлеанов. Бонапартистский переворот укрепляет его убеждения, однако позднее он, по его собственному признанию, начинает понимать, что новый император способствовал возрождению Франции в гораздо большей мере, чем старая монархия и республиканское правительство⁷⁰. Поэтому Оливье прощается с идеями восстановления республики и, в сущности, занимает ту же позицию, что и традиционные либералы: монархия согласно Хартии, курс на реформизм. В 1860-е гг. Оливье берет на себя инициативу пропаганды идеи политических реформ и делает все возможное, чтобы власть прислушалась к голосу оппозиции.

Официального программного документа либералов не существовало, однако по их парламент-

70. *Ollivier E. l'Empire libéral. Paris, 1899–1912. Vol. 10. P. 326.*

ским выступлениям мы можем определить их идеи и выдвинутые требования: свобода слова, печати, собраний, предоставление законотворческой инициативы парламенту, введение ответственности министров перед Законодательным корпусом. Эта программа подразумевала возвращение стране основных гражданских свобод, поскольку невнимание к ним таит в себе главную опасность для империи. Э. Оливье подчеркивал, что за десять предыдущих лет власть обеспечила себе стабильную социальную базу, теперь же настало время укрепить эту стабильность свободой: «Управлять страной — это искусство уступать, прислушиваясь к законным требованиям народа. Когда уступки делаются слишком рано, это вызывает чрезмерные волнения... Когда общественное мнение не способно ждать и не готово к первым затруднениям, оно не заслуживает внимания. Но когда уступают слишком поздно, к гневу добавляется презрение. Для империи пришло время уступок»⁷¹. Таким образом, Оливье пытался сделать исконные либеральные ценности — свободу слова, печати, собраний, расширение законотворческих полномочий парламента — фундаментом, который укрепит наполеоновский режим.

В глазах сторонников реформ свобода — это не только «движущая сила, которая в 1789 г. открыла буржуазии дверь и позволила ей взойти к управлению государством», но и «основа социального и технологического прогресса нашего века», — пишет Э. Пеллетан⁷². Экономический кризис мыслился как следствие ущемления политических свобод всех классов: «свобода — основа торговли, дохода,

71. *Ollivier E. l'Empire libéral. Paris, 1899–1912. Vol. 10. P. 322.*

72. *Archives nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. E. Pelletan. Le Manifeste.*

образования и труда, она поддерживает союз рабочего и буржуазии»⁷³. Свобода отныне понималась и как залог внешнеполитической репутации страны: она способствует национальному единству, она поднимает авторитет Франции в глазах европейских соседей и примиряет их, она — символ «цивилизованного» и «гуманного» государства⁷⁴. Ранее миром была империя, теперь же мир — это свобода.

Решающим для либералов стал 1863 г., когда они одержали новую победу на выборах в парламент: им отдано 1 954 000 голосов избирателей, в то время как бонапартистские кандидаты получают 530 800 (для сравнения: в 1857 г. либералы получили 665 000 голосов, бонапартисты — 5 471 000)⁷⁵, что сокращает разрыв между правительством и оппозицией и свидетельствует о нарастании недовольства властью. Оформившиеся требования либералов и понимание ими текущих проблем отражены в предвыборном манифесте Оливье, который выдвинул свою кандидатуру от департамента Вар: «Я призываю вас распрощаться с мрачными воспоминаниями революции и вступить вместе с нами на путь согласия, гуманизма, прогресса, цивилизации и свободы... в наши дни свобода должна трансформироваться, а не повторяться, определяться справедливостью, но не гневом; она должна предпочесть идеи фразам, реальность химерам, частичные улучшения — тотальным реформам; нужно следовать свободе, а не переворотам, прогрессу, а не революциям»⁷⁶. Собственно, в этих словах отражено новое

73. Ibid.

74. *Ollivier E. l'Empire libéral. Paris, 1899–1912. Vol. 10. P. 324.*

75. *L'Opinion nationale. 30 Mai 1863.*

76. *Le Pays. 28 Février 1863.*

понимание свободы либералами, их новая риторика и терминология. В это же время «ветеран» либерального движения Адольф Тьер выступает со своей знаменитой «речью о политических свободах», которую можно считать первым манифестом либеральной оппозиции, предъявленном императору; в этой речи Тьер доказывает, что авторитарный режим изжил себя и обществу необходима новая основа для стабильности и мира — политические свободы. Мы видим, что в 1860-е гг. либералы уже начинают открыто и уверенно говорить о необходимости реформ и становятся пусть немногочисленной, но сплоченной и решительно настроенной политической силой.

В Париже, в отличие от всей страны, беспрецедентную победу одержали республиканцы, за которых проголосовало 63% избирателей и которые получили 17 депутатских мест в парламенте, в то время как либералы получили 15⁷⁷. Начинает оформляться территориальный расклад оппозиционных сил, недовольство режимом проявилось ярче всего в столице: она была наиболее чувствительна к новым политическим веяниям и идеям, лучше ориентировалась в политической ситуации и могла эффективнее формировать и выражать свои требования. Сыграла роль и высокая концентрация в столице рабочих масс, которые стремились туда за более высокой заработной платой и которых привлекали туда более широкие возможности трудоустройства. В столице республиканцы имели намного больше возможностей для агитации, в то время как провинция, преимущественно сельская, оставалась верной консерватив-

77. Le Pays. 28 Février 1863.

ным ценностям порядка и монархии. Для противостояния республиканцам либералы формируют союз с независимыми депутатами — орлеанистами, которых возглавлял Адольф Тьер. Образуется так называемая третья партия, противостоящая и бонапартистам, и республиканцам. Впрочем, в то время традиционный, восходящий еще к Июльской монархии раскол между либералами и республиканцами не был столь драматичным — они стояли на общей прочной платформе: реформах. Так, например, Л. Гамбетта открыто поддержал «пятерку» и Тьера в их требованиях политических свобод.

Успехи оппозиции воодушевили реформаторски настроенных общественных деятелей; итоги выборов расценивались как существенный прорыв и еще одно доказательство скорого крушения старого режима: «однажды блестящая оппозиция “пятерых” заронила уголек свободы в парламент, теперь же она утвердила право французского народа на свободу выбора и дебатов», — пишет Э. Пеллетан в брошюре, посвященной выборам 1863 г.⁷⁸ Другой политик, герцог де Морни, представлявший лагерь бонапартистов, констатирует разделение страны на две противоборствующие партии: «остаются лишь две силы — император и демократия. Силы демократии непрерывно растут, их требования необходимо удовлетворить, если мы не хотим быть сметенными ею»⁷⁹. Растущее влияние оппозиции сказывается даже на убежденных бонапартистах, которые пытаются внушить императору мысль о необходимости преобразований хотя бы ради спасения авторитарной власти (например, сторо-

78. Archives Nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16.

79. Цит. по: *Plessis A. De la fête impériale au mur des fédérés. 1852-1871.* Paris, 1979. P. 210.

ну реформаторов принимает двоюродный брат императора принц Наполеон). Среди депутатов-бонапартистов появляются «диссиденты», которые признают справедливыми и разумными требования либералов и даже готовы идти на союз с ними; они осторожно говорят о реформах как о «мудром прогрессе наших институтов»⁸⁰. В деятельности Законодательного корпуса либеральная оппозиция становится все более требовательной; так, в начале 1864 г. со стороны «третьей партии» исходят предложения поправок к законам об официальных кандидатурах и свободе собраний — впервые оппозиция выступает с инициативой законопроектов, при этом выражая протест против существующей системы: «свобода выборов, важнейшая из политических свобод, не признается и нарушается официальными кандидатурами. Мы требуем отмены этой системы... Закон об общественной безопасности нарушает свободу индивида. Мы требуем отмены этого закона»⁸¹.

На фоне обострившейся политической борьбы яростным противником реформ и сторонником порядка как залога социального мира выступает герцог де Персиньи, сенатор, самый давний и преданный сподвижник Наполеона III, бывший рядом с ним еще в период Второй республики. Он полагал, что сейчас, после всех пережитых революций, идеи истощились и общество обрело покой, новые идеи ему просто не нужны. Нынешнее общество объединяет всех — даже консерваторов, либералов и республиканцев: все борются за одну цель — социальное благосостояние, но вооружившись разными

80. Le Moniteur. 18 Janvier 1866.

81. Archives Nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. Amendement sur le projet de l'adresse.

лозунгами, средствами достижения и подходами⁸². Переписка Персиньи с императором показывает, что в середине 1860-х гг. император оставался верен консервативному курсу, полагал, что общество еще не готово к дарованию ему расширенных свобод и предпочитал сосредоточиться на экономических и международных проблемах, нежели уделять внимание «разным программам, которые пишутся за моей спиной»⁸³. Император полагал, что в настоящее время «нам еще не нужны свободы, нам нужна стабильность... свободы будут тождественны анархии»⁸⁴.

Схожие с Персиньи соображения высказывал Эжен Руэр, председатель Государственного совета и ближайший помощник императора на всем протяжении его правления, полагавший, что империю спасет только порядок, свободы же ее разрушат. Руэр не рассматривал оппозицию как серьезную угрозу, полагая, что союз либералов, орлеанистов и даже республиканцев никогда не будет прочным — у них нет четкой программы и убеждений, кроме ненависти к режиму императора, их недовольство не имеет под собой весомых оснований: «Господин Тьер отрекается от некогда сказанных им слов о том, что любая оппозиция требует невозможного, поскольку невозможное есть лучший аргумент для предъявления правительству именно в силу того, что оно никогда не сделает невозможное», — иронически замечает Руэр⁸⁵.

82. Archives Nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. Correspondance avec l'Empereur.

83. Ibid.

84. Ibid. Réponse de Sa Majesté à l'amendement sur la loi de la presse.

85. Archives Nationales. Fonds Rouher. 45 AP-2. Correspondance avec l'Empereur.

Мнение таких государственных деятелей, как Персиньи и Руэр, иллюстрировала проправительственная пресса, чьей задачей было умиротворить массы и внушить им представление об оппозиции как всего лишь о кучке недовольных, не представляющей угрозы для страны: «противостоять правительству повсюду и по любому поводу — это их система, за которую они ухватились и в рамках которой они проповедают самую нелепую нетерпимость: каждый раз они размахивают своими красными тряпками и требуют уважения к их меньшинству, пытаясь напугать большинство, то есть всю Францию... Кафешантанная оппозиция!», — писал бонапартистский журнал «*Courrier de l'Ouest*»⁸⁶.

Успехи республиканцев на выборах 1863 г. вселили уверенность в рабочие массы, которые были основной группой поддержки этой партии. Так, в 1864 г. 60 парижских рабочих подписывают так называемый Манифест шестидесяти, в котором декларируют свои классовые требования и заявляют о себе как об «особенном социальном классе, нуждающемся в прямом представлении в парламенте»⁸⁷, поскольку на прошедших выборах рабочие так и не смогли выставить собственного кандидата-социалиста. Этот манифест стал еще одним предупреждением правительству и новым шагом на пути оформления пролетариата как самостоятельного класса, вступающего на арену политической борьбы.

Итак, стало очевидным созревание немногочисленной, но решительно настроенной оппозиции с четко сформулированными требованиями. Однако правительство и тем более сам император

86. *Courrier de l'Ouest*. 1 Décembre 1866.

87. *Plessis A.* De la fête impériale au mur des fédérés. 1852–1871. Paris, 1979. P. 132.

в 1863—1866 гг. не прислушивались к ней и не считали ее требования адекватными действительности. Э. Оливье находит такой ситуации простое объяснение: Наполеон III полагал, что страна еще не созрела для фундаментальных перемен⁸⁸. При этом император имел свои собственные взгляды на гражданские свободы и отношения между обществом и государством. Эти взгляды в немалой степени определили его предыдущую и дальнейшую политику, его отношения с оппозицией и саму сущность бонапартистского режима. Политическому мировоззрению императора можно посвятить немалое количество исследований, ибо архивы сохранили для нас великое множество его писем и трудов; здесь мы сжато обрисуем только те из них, которые касаются политических свобод.

Политические идеи Наполеона III оформились еще задолго до установления империи, и, как оказалось позднее, по ряду позиций совпадали со взглядами либералов. Несомненно, во многом эти идеи были продиктованы амбициозными и расчетливыми соображениями молодого Луи Бонапарта на пути к власти: в 1840-е гг. он не скрывал презрения к Июльской монархии, называя правительство Луи-Филиппа «лицемерами под личиной свободы, попирающими права человека» и обвиняя его в отсутствии социальной программы, в «эксплуатации рабочих буржуазией»⁸⁹. Позднее будущий император ловко использовал эти тезисы, представив свой режим и свою программу как противовес тяжелым временам «короля-буржуа», не заботившемся о благе своего народа. Луи Бонапарт ставил сво-

88. *Ollivier E. l'Empire libéral. Paris, 1899—1912. Vol. 10. P. 320.*

89. Цит. по: *Girard L. Napoléon III. Paris, 1986. P. 54.*

ей задачей «восстановить во Франции всю полноту национального суверенитета, которого ее лишили в 1830 г., и позволить ей свободно выбирать правительство, с которым она хотела бы жить»⁹⁰. Это было сутью его пропагандистской кампании на президентских выборах и после переворота 2 декабря, и именно эти принципы обеспечили ему прочное доверие большинства населения.

Луи Бонапарт определил суть своих идей как «примирение прав народа и авторитета монарха для дисциплинирования демократии... моя миссия — не принести свободу, но подготовить ее. Я должен стать монархом, несущим стране цивилизацию»⁹¹. Это подразумевало свободы, контролируемые властью, народный суверенитет, воплощенный впоследствии во всеобщем избирательном праве, а также сильную исполнительную власть и личный авторитет монарха. Император нередко соединял в смысловой цепочке термины «демократия» и «цивилизация», полагая, что в современном ему мире одно невозможно без другого и оба они суть признак самого передового и справедливого государства. «Король-гражданин» — так именовал он себя, стремясь подчеркнуть свой отказ от кастового общества предыдущей эпохи. Само обращение монарха к демократии и провозглашение ее основой политического режима было едва ли не провокационным для французского общества: ведь в годы Реставрации понятие «демократия» было тождественно революции в ее самом зловещем якобинском смысле — именно так его и преподносила ли-

90. Archives Nationales. Fonds Bonaparte. Correspondance de Louis-Napoléon. 400 AP-54.

91. Ibid.

беральная традиция⁹². Луи Бонапарт отождествлял демократию со свободой — политической и личной. В разные периоды своей жизни он повторял, что основой современного общества может быть только свобода человека и гражданина. В течение всех двадцати лет своего правления Наполеон III считал основополагающим для современной ему Франции принцип народного суверенитета и «ответственности монарха за судьбу народа... если народ восстает против главы государства, это означает, что сам правитель виновен и отказался от своего долга перед нацией»⁹³. «Главный закон страны — народный суверенитет, представителем которого я являюсь»⁹⁴, — так видит себя император.

Но Наполеон III делал в данном вопросе оговорку: демократические институты будут идеально функционировать лишь при наличии контроля за ними со стороны государства. «Демократии в рамках одной системы необходим противовес», — писал он в одном из писем Персигни в начале 1860-х гг⁹⁵. Подобная система взаимного уравнивания проявилась в двойственной системе общенациональных выборов: с одной стороны, всеобщее избирательное право и референдум как канал прямой связи между правительством и нацией; с другой — недоверие императора к законодательным полномочиям парламента и представителям народа, которые могут вероломно интерпретиро-

92. См.: Федосова Е. И. Либералы у власти // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001.

93. Цит. по: Girard L. Napoléon III. Paris, 1986. P. 126.

94. Duc de Persigny. Mémoires. Paris, 1896. P. 461.

95. Archives Nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. Correspondance avec l'Empereur.

вать чаяния народа в своих личных целях⁹⁶. Отсюда и ограниченные полномочия Законодательного корпуса. Народ имеет неотъемлемое право высказаться на референдуме, но при этом следует строго контролировать органы периодической печати: они могут начать раздувать вражду к режиму опять же в своих корыстных интересах. Поэтому понятие «народный суверенитет» в глазах Наполеона III подразумевало плебисцит — демократию без посредников, без парламента.

Мировоззрение императора во многом формировалось под влиянием изменений в ситуации в стране. В начале 1850-х гг. он понимал, насколько общество устало от раздоров и неопределенности времен Второй республики и насколько оно нуждается в «пастыре». Император считал, что на то время свободы чрезмерны, не нужны и непонятны простому рабочему или крестьянину, ему необходимо лишь материальное благополучие, наличие работы и государь, гарантирующий ему эти права⁹⁷. Поэтому первые годы империи были посвящены решению социально-экономических проблем. Со временем, полагал император, общество стабилизируется, научится вести спокойный диалог с властью и грамотно формулировать свои требования; тогда настанет время для расширения его свобод — «свободы никогда не будут полезны для необразованного, нищего, угнетенного народа», — полагает император⁹⁸. Поэтому для воспитания правильного понимания свободы в народе

96. Archives Nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. Correspondance avec l'Empereur.

97. Ollivier E. L'Empire libéral. Paris, 1899–1912. Vol. 9. P. 197.

98. Archives Nationales. Fonds Bonaparte. Correspondance de Louis-Napoléon. 400 AP-54.

(то есть свобода никоим образом не должна быть рождественна революции или анархии) необходимо подготовить народ, научить его жить не только в материальном достатке, но и при порядке и уважении к власти. «Свобода — это прогресс и просвещение»⁹⁹, — так понимал ее Наполеон III. Э.Оливье по этому поводу дал очень точное определение: для императора «проблема заключалась не в наличии или отсутствии свобод, но в неумении обращаться с ними»¹⁰⁰. В начале 1860-х гг. император был уверен, что страна еще не готова ко всей полноте гражданских свобод и что истоки социального кризиса нужно искать в экономических проблемах. Именно в этом пункте он разошелся с либеральной оппозицией, полагавшей, что стабильность общества будет подорвана неполноценностью политических свобод.

Наполеон III провозглашает свободу и народный суверенитет основой французского государства. В немалой степени эти заявления были продиктованы переменами в духе времени, в общественном сознании: революция 1848 г. перевернула общество и выявила неизбежную новую реальность и торжество новых ценностей — гражданских свобод. Император внял требованиям эпохи, тенденции развития современных ему общественных институтов и отношений, как политических, так и экономических. Большинство исследователей сходится во мнении о том, что Наполеон III, помимо своих личных соображений, двигался в русле передовых идей о социальном, экономическом и политическом прогрессе, который был невозможен без эле-

99. Ibid.

100. *Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. 6. P. 432.*

ментов демократии в обществе, без широкой социальной программы, без признания ответственности главы государства перед народом¹⁰¹. Гражданское общество перестало быть прерогативой требований одной партии — оно стало общенациональной идеей, духом эпохи. Впоследствии эта мысль уравнивала императора и оппозицию. Однако все перечисленные выше концепции Наполеона III, будучи сформированными задолго до реформ, были нацелены на осуществление в перспективе, именно тогда, когда социальный климат окажется, по его мнению, благоприятным для них, когда они станут востребованы общественностью.

В общей сложности в конце 1860-х гг. во французском обществе можно было обнаружить следующие противоречивые тенденции: сверху — атавизм в виде почти абсолютной монархии, отсылавший ко временам кануна 1789 г.; снизу — постоянно развивающееся общество с опытом обладания гражданскими свободами. Несомненно, авторитарный режим для такого общества стал лишь временной спасительной мерой в период жестокого кризиса. Теперь же, после благополучного десятилетия, общество вспомнило о своих святынях — Декларации прав человека и гражданина, и авторитаризм уже мыслился не как спаситель, но как подстрекатель нового социального потрясения, свергнувший стра-

101. См.: *Du Bousquet B.* Un grand méconnu. Napoléon III. Paris, 1905; *Boilet G.* La doctrine sociale de Napoléon III. Paris, 1969; *Kulstein D.* Napoléon III and the working class. The California State College, 1969; *Tudesq A.-J.* La démocratie en France depuis 1815. Paris, 1971; *Boia L.* Napoléon III, le mal-aimé. Editions Les Belles Lettres, 2007; *Dufreigne J.-P.* Napoléon III: Un empereur qui rêvait... Paris, 2007.

ну в «застой и слабоумие»¹⁰². Общество опережало власть в своем развитии. Оно высказало свои требования и ждало ответа от власти. В самом деле, в рассматриваемый нами период как никогда становился очевидным разрыв между двумя составляющими французского государства: снизу — экономический расцвет, технологический прогресс, стремительные поезда, восстановленный Париж и крайне активная, бурная урбанистическая жизнь, новые направления в искусстве, философии и литературе, дома мод, восхищавшие всю Европу, свободная торговля, строительство, дух креативности и предпринимательства... И над всем этим — тьма власти. И была она уже не над властью тьмы, а над властью Разума.

102. *Ollivier E. l'Empire libéral. Vol. 10. P. 436.*

Эмиль Оливье — теоретик «либеральной империи»

В СЕРЕДИНЕ 60-х гг. XIX в. авторитарный режим Наполеона III столкнулся с еще незначительной по численности, но активной и оформившей свои требования оппозицией, которая начала постепенно пробивать себе дорогу в институты власти и приобретать влияние как среди рядовых избирателей, так и в бонапартистском правительстве. Неизбежность и необходимость перемен становились очевидными. Последнее слово, тем не менее, оставалось за императором: слабость парламентской системы Франции той эпохи не позволяла политическим группировкам играть решающую роль в законотворчестве, каково бы ни было их соотношение с представителями бонапартистов в Законодательном корпусе. Поэтому только император, исполнительная власть, мог дать зеленый свет тому или иному решению, прислушавшись к голосам оппозиции.

К концу 1866 г. либеральная программа реформ была полностью сформулирована сперва в манифесте А. Тьера, затем — в отдельной книге Э. Оливье¹. Эта программа представляла собой основополагающую, теоретическую часть реформ. Ее деталь-

1. См.: *Ollivier E. Démocratie et liberté. Paris, 1867.*

ное рассмотрение позволит ответить на многие вопросы, связанные с судьбой либерального течения в эпоху Второй империи, а также проследить эволюцию либеральной мысли во второй половине XIX в. Подверглись ли переосмыслению традиционные либеральные ценности и в чем заключалось их обновление? Ведь идеи Оливье и его соратников созревали в социально-политических и идеологических условиях, не сравнимых с теми, в которых рождался классический либерализм в начале XIX в. Анализ идей реформаторов поможет разобраться в главной проблеме той эпохи — в соотношении между замыслом реформ и практическим осуществлением этого замысла; в том, насколько либеральные реформы и их реализация властью удовлетворили запросы общества. Важно затронуть и вопрос об изменении смысла понятия «демократия» в сознании либерала 1860-х гг., поскольку, как мы видим из предыдущей главы, этот термин уже стал отражением новой исторической реальности.

Наиболее полноценный материал по данной проблеме нам предоставляет работа Э. Оливье «Либеральная империя», в которой он изложил не только историю проведения реформ, но и свои идеи.

1. Свобода и порядок

Прежде всего, хотелось бы прояснить следующий вопрос: почему в истории общественной мысли Франции Оливье причислен именно к либеральным мыслителям? Первый важный принцип, который роднит Оливье с традицией его предшественников, — это то, что все социальные и политические преобразования он мыслил в рамках конституционно-монархического порядка. Пусть даже эта мо-

нархия была нелегитимной относительно ушедших в небытие Капетингов, тысячелетних властителей Франции, как мы уже говорили, Оливье простил Наполеону III государственный переворот, приняв во внимание его заслуги перед нацией. Второй принцип — это сосредоточение на осмыслении проблемы свободы человека в ее гражданском и личностном аспектах. С этой проблемы и зародился европейский либерализм. Современники Оливье, республиканцы и социалисты, также позиционировали своей ключевой идеей свободу человека, но для первых это подразумевало свержение монархии, для вторых — свободу труда, экономические свободы, регулирование отношений между трудом и капиталом. Либерал же понимает свободу как меру взаимной ответственности гражданина и главы государства, как вопрос об источниках и мере полномочий правителя. Монархия и свобода — вот две фундаментальных ценности либерала. Именно вокруг них и выстраивались идеи Оливье. Монархия олицетворяет порядок, авторитет и традиции; как же примирить ее со свободой?

Эта проблема была основополагающей для французского классического либерализма эпохи Реставрации. Под порядком понимался его гарант — монарх, но не авторитарный, ибо его власть должна быть ограничена конституцией; свобода — это прежде всего свобода личности, выражающаяся в праве на свободу слова, мысли, веры, в неприкосновенности частной собственности. Страх перед призраком революции 1789 г. побуждал либералов обосновать ограничение гражданских свобод введением ценза при избирательной процедуре; отсюда их неприятие идеи всеобщего избирательного права — по их мнению, этой свободой должна обладать прослойка зажиточных граждан, которым досуг и обра-

лованность позволяют размышлять над судьбами нации². Понятие «демократия» для мыслителей начала XIX в. было несовместимо с понятием «либерализм» и отождествлялось с якобинским периодом революции — террором в интересах наиболее необразованной, неимущей, люмпенизированной части общества.

Для Оливье и его современников вопрос о соотношении свободы и порядка в обществе был не менее острым — они задумывались над тем, что должно быть приоритетным в системе бонапартистской авторитарной власти, опирающейся на доверие нации: порядок, воплощаемый монархом, или свобода, которой, по Конституции, обладают граждане? Сможет ли власть императора оставаться столь же авторитетной и устойчивой при расширении политических свобод народа? Тем более что к началу 1860-х гг. кризис власти стал очевиден, ее репрессивные, консервативные меры не справлялись с растущей оппозицией и не отвечали требованиям времени. Оливье пишет о том, что свобода гражданина суть основа «современного цивилизованного, христианского, гуманистического общества»³. При этом подчеркивалась своего рода мессианская роль французской нации: Франция провозгласила гражданские и личные свободы в 1789 г., она — родина этих свобод, она подала пример другим европейским народам, для нее органично, закономерно продолжать развивать и укреплять их; только та нация, где наиглавнейшим принципом организации общества являются свободы индивида в совокуп-

2. Федосова Е. И. Либеральная мысль в период Реставрации // Французский либерализм в прошлом и настоящем / под ред. В. П. Смирнова. М., 2001. С. 82.

3. *Ollivier E. Démocratie et liberté.* Paris, 1867. P. 25.

ности со свободами политическими, заслуживает статуса великой державы. Мысль Оливье продолжил пожелавший остаться анонимным автор журнала «*Revue des deux mondes*» — страна подошла к той критической точке, когда единственным выходом для нее становится путь «просвещенной монархии», соединяющей в себе традиционность и способность адаптироваться к новым явлениям в политической мысли, общественной жизни, для которых первична свобода как движущая сила развития человеческой цивилизации: «Современному обществу необходимы новые пространства для развития без козней и ловушек, и только свобода несет с собой просвещение и доверие... Свобода стоит во главе правосудия, стабильности и согласия, всеобщего благоденствия... Кажется, что правительство и парламент до сих пор не представляют важность значения этого шага для всех просвещенных умов Европы... Неужели их разум погружен в сон, забыв принципы нашей революции и идеи, которые воплотили в жизнь все свободные народы?»⁴. А. Тьер писал: «Может ли нация быть достойна занять место среди цивилизованных держав, если ее основной заботой не является свобода, под которой мы подразумеваем способность защитить своих граждан от правонарушений, предоставить им право самим распоряжаться судьбой нации, право самоуправления — даже если при этом сохраняется монархический режим?»⁵.

Как и его старшие коллеги первой половины XIX в., Оливье понимал свободу как естественное и неотъемлемое право каждого человека; сво-

4. *Revue des deux mondes*. 1 Février 1868.

5. *Thiers A. Discours sur les libertés politiques*. Paris, 1865. P. 6.

бода есть абсолютная ценность, она принадлежит только народу вне зависимости от характера и формы власти, и власть, будь то республика или монархия, обязана уважать эту свободу⁶. Здесь, правда, речь шла скорее об индивидуальной свободе — слова, мысли, вероисповедания, передвижения, частной собственности, то есть о тех ценностях, которые легли в основу классического либерализма. Однако, в отличие от своих предшественников, он уделяет более пристальное внимание свободе политической, которую считает неотъемлемой частью современного ему общества. Оливье полагал, что политическая свобода — это средство наиболее эффективно поддержания социального баланса сил: «Свобода избавляет от двух крайностей анархии — от власти одного и от беспорядочных волнений многих; свобода — это способ разрешить без насилия и утопии сложные проблемы нашего времени; свобода без беспорядков, но порядок без деспотизма»⁷. Фундаментальное право индивида — следить за соблюдением государством его свобод; при этом «права, которые индивид сохраняет и которые не подвластны контролю государства, составляют свободу личную; права, которые индивид использует для контроля над властью, составляют политическую свободу»⁸.

Дополняя мысль Оливье, А. Тьер перечисляет эти свободы, понимая их как краеугольный камень любого современного развитого общества: «Что значит быть свободным? Это, прежде всего, уверенность гражданина в том, что ни одно обвинение, будь оно фальшивым или правдивым, не при-

6. *Ollivier E. L'Empire liberal. Paris, 1899–1912. Vol. II. P. 534.*

7. *Ollivier E. Démocratie et liberté. Paris, 1867. P. 71.*

8. *Ibid. P. 384.*

ведет его к заключению в неприступной крепости на далеком острове. Это право граждан формировать собственное мнение о делах государства, право выражать это мнение, не будучи зависимым от кого-либо кроме правосудия. Это право избирать представителей нации, не будучи ущемленным в своих интересах произволом административных властей... Иметь право обращения к царствующей особе, требовать от правительства отчета обо всех государственных делах и объяснения их сути и своих ошибок...»⁹.

Свобода должна стать связующим звеном между властью и народом, регулировать их отношения, разрешать конфликты. Свобода удовлетворяет все требования и чаяния граждан, ничто не дает индивиду столь твердое ощущение своей безопасности и независимости, как гласность, право общения с государем непосредственно или через представителей-депутатов; массы приходят в ярость, видя, что ими пытаются манипулировать, их принуждают к молчанию, их судьбой распорядится исключительно элита, они лишены права участвовать в политической жизни государства, их мнения вступают в противоречие с решением властей. Такая политика — скорейший путь к социальным потрясениям, что ярко продемонстрировали все прошлые революции во Франции¹⁰.

При этом либералы осторожны: идеальная свобода в их понимании неотделима от порядка. Порядок, самодисциплина граждан, их ответственность перед властью и друг перед другом, их активное участие в политических процессах, их упорный

9. *Thiers A.* Discours sur les libertés politiques. Paris, 1865. P. 13.

10. *Thiers A.* Discours sur la politique intérieure. Paris, 1864. P. 20.

труд по обеспечению стабильности и согласия в их сообществе — вот столпы идеального государства. «Когда в обществе нет порядка, оно переживает постоянные потрясения: волнуется, сомневается, прекращает деятельность... Общество — это рабочий, чья участь — зарабатывать на хлеб своих детей. Прекращая работу, оно погружается в нищету и раздоры...»¹¹. Свобода — это не беспрепятственное движение множества идей, сбивающих с толку граждан и вносящих хаос в общественное мнение, но рациональное устройство социума, баланс и гармония между интересами государя и его подданных, упорядоченное функционирование политических институтов, разумная конкуренция партий и мнений, гласность при верховенстве закона; все это должно повлечь за собой просвещение индивидов, как гражданское, так и нравственное¹². Порядок не должен подавлять свободу — он должен идти рука об руку с нею.

В представлении либералов свобода важна также для поддержания авторитета монархии среди народных масс: монархия без свобод превращается в тиранию. В письмах Наполеону III Оливье неоднократно отмечал, что император должен даровать нации свободы во избежание краха собственной династии и позора своего имени, что образ благородного и сильного государя в данных обстоятельствах предполагает хранителя очага свободы¹³.

В контексте соотношения свободы и порядка либералы апеллируют к монархическому принципу, даже, скорее, к династическому, уповая именно

11. Ibid. P. 8.

12. *Revue des deux mondes*. 1 Janvier 1869.

13. Archives Nationales. Archives Bonaparte. 400 AP-54.

на династию Бонапартов, чье правление связывалось не только с экономическим подъемом и внешнеполитическим успехом, но и с долгожданной социальной стабильностью, достигнутой при помощи сильной власти, опиравшейся на мнение народа (как при первом Бонапарте, так и при его наследнике): «Стабильность вполне совместима с мудрым прогрессом институтов нашего общества. Франция, приверженная династии, которая обеспечила ей порядок, в не меньшей степени практикует свободы, необходимые для ее процветания...»¹⁴. Отмечена и заслуга Наполеона III в поддержании баланса свободы и порядка в обществе: «Наполеон III воцарился как гранитная скала, одновременно препятствие и фильтр, пропускающий сквозь себя только целебные волны. Наполеон должен был стать одновременно воспитателем, покровителем и укротителем демократии, исполнять эту двойную задачу социального прогресса и порядка...»¹⁵. Сколь требовательны ни были либералы в отношении скорейшего дарования обществу свобод, они признавали ведущую роль монархии в регулировании этих свобод, в контроле за их соблюдением. Идеал для Оливье, как и для либералов предыдущего поколения, — наследственная монархия, которая «генетически» передает уважение к традициям и конституционным принципам, охраняя их «сверху» и осторожно преобразуя их «снизу» в соответствии с изменениями общественного климата¹⁶.

Оливье поставил перед собой сложнейшую, противоречивую задачу — спасти сразу и империю,

14. *Darimon A. Histoire d'un parti. Paris, 1887. P. 363.*

15. *Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. 13. P. 121.*

16. *Ibid. P. 297.*

и демократические свободы: империя без свободы погибнет в огне революции, свобода без империи превратится в анархию. Но все-таки принцип сильной власти и монархического режима оставался для либерала решающим: именно благодаря ему свободы будут удерживаться в необходимых границах, именно империя — пастырь народа, и реформы спасали в первую очередь ее: «Либеральный режим — единственное убежище для империи. Как еще следовало поступить среди распущенных революционных страстей?»¹⁷.

Это не означает, что Оливье в принципе отвергал идею республики. Он признавал, что республиканцы и либералы заняли в данный момент общую платформу, борются за одни и те же права и свободы граждан, но на данном этапе различие между этими группами состоит в методе осуществления преобразований: республиканцы требуют свержения монархии любым способом, не исключая революционный, либералы же стоят за реформизм в рамках сохранения монархической системы. Оливье полагал, что французская нация еще не скоро созреет для республики и для успокоения и стабильности эта нация нуждается именно в либерально-монархическом режиме. Идеалом государственного строя на текущий момент Оливье считает конституционную монархию по английскому образцу, которая уже несколько веков обеспечивает свободы без революций. Кстати, именно английскую идею монарха как символа нации Оливье пытался привить на французской почве в своих рассуждениях о необходимости сохранения авторитета императорской династии. При этом Оливье не отрицал

17. *Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. 12. P. 272.*

установление республиканского строя; Оливье допускает республику «мудрую и умеренную, уважающую общественный порядок, то есть традиционные законы, свободную без анархии, дружественную народу без демагогии»¹⁸. Но в реалиях 1860-х гг. это было невозможно, поскольку республиканцы в глазах Оливье и его соратников были непримиримыми радикалами, которые, развязав революцию, дискредитировали бы правительство, показав его слабым защитником нации. Оливье считает, что к середине 1860-х гг. исчезла прежняя угроза — деспотизм, но появилась новая, не менее опасная — революция, на устранение которой и должны быть брошены все силы правительства. В конечном же итоге, как полагает Оливье, в будущем французское общество будет готово к установлению республиканского строя — республика станет неизбежной в связи с эволюцией массового сознания и общественных институтов, и переход этот будет мирным, естественным, а не революционным. Здесь он, умышленно или нет, повторяет мысль Шатобриана, полагавшего, что прогресс европейской цивилизации и развитие общества в итоге приведут Францию к республиканскому строю¹⁹.

Поэтому главная задача либеральных преобразований — обеспечить свободу во избежание революции. Оливье, таким образом, предлагает рецепт обществу, еще не созревшему, как он считал, для установления демократической республики: поскольку гражданские свободы есть естественное и неотъемлемое право всякого индивида, преступно то государство, которое их подавляет; но эти

18. *Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. 12. P. 115.*

19. *Шатобриан Ф. Р. Замогильные записки. С. 581–587.*

свободы вредны, если они предоставляются молодому и неопытному обществу, не знающему всех тонкостей обращения с ними. Поэтому на данном этапе свободы должна контролировать сильная исполнительная власть монарха, одновременно одобренная народом через его представителей в парламенте и путем референдумов. В дальнейшем народ созреет для того, чтобы самостоятельно определять свою судьбу при республиканской форме правления. Тогда и исчезнет необходимость революции: ведь у народа есть легитимное средство выражения своих требований — парламент, свобода слова, собраний, прессы.

В связи с растущей угрозой социального взрыва в 1860-е гг. Оливье обращается к опыту прошлых революций. Примечательно, что он не отрицает идею революции и признает ее необходимость в некоторых случаях. Он отмечает, что «идеальная» революция может исходить только из всеобщего национального недовольства политикой правительства, а не совершаться группой заговорщиков, далеких от понимания реальных нужд народа, вооруженных лишь ненавистью к монархии или конкретному правителю (на примере якобинской диктатуры). Революция должна охватить все социальные слои, и в этом случае есть надежда избежать террора: «Несомненно, революция не происходит без участия народа, но она невозможна и без помощи буржуазии, тем более, если буржуазия ради поддержания завоеваний революции не протягивает руку народному большинству»²⁰. Оливье признает величие и значение завоеваний революции 1789 г. Эта революция провозгласила

20. *Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. II. P. 82.*

фундаментальные права и свободы человека, с которыми теперь не смеет не считаться ни один монарх в цивилизованном государстве и которые свято чтут либералы: «Эти принципы провозгласили, что нация не принадлежит нескольким людям, распоряжающимся ею, как стадом, но что народ, хозяин своей судьбы, сам выбирает тех, кому поручено вести своих подданных»²¹. Таким образом, источник власти монарха — народное доверие, а не сакральные полномочия или «божественное право», как было во Франции при старом порядке. Поэтому Оливье в принципе не отвергает возможность свержения государя-узурпатора народом, если этот государь нарушил принцип народного суверенитета и общественного договора: «Не следует проклинать всякую революцию; она происходит, когда закон становится нестерпимым насилием. В этом случае нация погибнет, если она не свергнет правительство, и революция, таким образом, происходит как очищающая буря, рассеивающая заразу, приносящая ясность... Но любая революция, даже законная, вызывает такое разложение нравов и общественных порядков, что становится виновницей бедствий; никто не должен прибегать к ней, пока легитимное сопротивление не признано невозможным... Вместо того чтобы свергать правительство, нужно стремиться к его улучшению»²². Одно из проявлений моральной катастрофы в ходе революций, считает Оливье, — это уничтожение грани между свободой и безответственностью, когда рухнувший старый режим создает иллюзию освобождения от всех социальных обязательств: «вся-

21. *Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. II. P. 24.*

22. *Ibid. P. 112.*

кая свобода, не сдержанная строгой ответственностью, есть самая тяжелая форма общественного рабства»²³.

Отметим, что консервативная политическая группа, бонапартисты, аналогично осуждали революцию, но при этом не допускали ее возможности; они полагали, что истинный прогресс должен происходить медленно и поступательно, а те, кто стремится его искусственно ускорить, — революционеры, которые на самом деле препятствуют ему, преждевременно разжигая недовольство масс тогда, когда массы не созрели для мирного осуществления своих требований. В итоге неопытность масс используют в своих корыстных целях провокаторы, действующие под личиной народных заступников²⁴. В принципе, по этому вопросу бонапартисты и либералы выступали единодушно — «улучшение» правительства вместо его свержения.

Для Оливье опасность революции состоит в ее последствиях, драматизм которых заключается в разрыве между желаемым и реальным, между методом и теорией; для поддержания своего образа победителей и для объединения нации вокруг своих идей революционные лидеры постоянно вынуждены прибегать к террору: «Если режим рухнет, то победители, будучи не в силах править теми средствами, которыми они пришли к власти, вынуждены противоречить себе, призывать на помощь наихудшие средства, чтобы скрыть свою слабость»²⁵. Опыт истории, по мнению Оли-

23. Ibid. Vol. 6. P. 568.

24. *Quentin-Bauchart*. Etudes et souvenirs sur la Deuxième République et le Second Empire. Paris, 1902. Vol. 2. P. 442.

25. *Ollivier E.* L'Empire liberal. Vol. II. P. 326.

вье, показывает, что республика никогда не достигалась легитимным путем, единодушным одобрением всей нации. Более того, Оливье склоняется к мысли о том, что не существует «дурных» форм власти, есть просто бездарные правительства, эгоистичная элита; поэтому монархия может быть намного более справедливой, чем республика, а республика может переродиться в такую тиранию, которой не было ни при одном самодержавном режиме (пример тому — 1793 г.).

Еще один важный пункт в идеях Оливье, привлекающий к себе внимание, — это смысл, вложенный им в понятие «народ». Применительно к гражданам страны он использует два термина — «народ» (*le peuple*) и «нация» (*la nation*). Это расхождение весьма существенно, ибо данные термины во французской общественной мысли исконно имели противоположные друг другу значения. «Нация» (помимо, разумеется, этнического значения термина) — это изначальное демократическое обращение к французам, появившееся в первых документах революции 1789 г.; этот термин носил наиболее благородное, возвышенное значение — свободные граждане, избиратели и собственники, лучшие представители населения, участвующие в политической жизни. «Народ» — это термин с достаточно пренебрежительным значением: толпа, необразованный сброд, санкюлоты²⁶; на раннем этапе революции народ понимался как массы, движущие эту революцию — например, такое определение встречается у Марата²⁷. Впрочем, тео-

26. Подробнее см.: *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о спасителе. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 307.

27. См.: *Марат Ж.-П.* Цепи рабства // *Марат Ж.-П.* Избранные произведения: В 3 т. М.: АН СССР, 1956.

ретики революции и их вдохновители (такие, как Руссо) понимали народ как носитель верховного суверенитета, способный отвоевать свои узурпированные права. Презрительное толкование характерно для более поздней эпохи — либерализма: в народе начали видеть символ «террора свободы», противоречащий конституционно-правовым принципам 1789 г. Хотя в трудах мыслителей Просвещения и защитников «третьего сословия», например, аббата Сийеса, «нация» обозначает политическое, гражданское самовыражение «народа» — опять же, наиболее благородную стадию его развития. «Нация» тем самым становилась идентичной «третьему сословию», а «народ» в процессе отвоевания своих прав формирует суверенную «нацию». При изучении как трудов Оливье, так и программных документов его партии бросается в глаза то, что либералы 1860-х гг. очень редко употребляют термин «народ», предпочитая, например, в листовках и воззваниях обращаться к соотечественникам «французы!» («français!») или «граждане!» («citoyens!»); то же самое обращение замечено и в текстах публичных выступлений Наполеона III. При этом термин «нация» встречается довольно часто. Это позволяет прийти к выводу о том, что либералы той эпохи все же хранили верность идейной традиции своих предшественников и не смешивали эти понятия или же заменяли их нейтральным «*les français*». Таким образом, несмотря на устоявшийся принцип всеобщего избирательного права и не характерное для либеральной традиции уважение к нему Оливье, новое поколение либералов предпочитало апеллировать к наиболее образованным, мудрым и зажиточным обладателям права голоса, что, несомненно, сближает их с предшественниками.

2. Преобразования в институтах власти

Реформа системы исполнительной и законодательной властей, а также их функционирование и взаимодействие, стали для либералов одним из самых острых вопросов. Поскольку существующая система оказалась совершенно не адекватной новой реальности — всеобщему избирательному праву и процессам формирования гражданского общества — они были задавлены бюрократическим аппаратом и фактически бесправным парламентом.

Наибольшее недовольство Оливье и его соратников вызывала несменяемость кадров в Государственном совете и министерствах — оплотах бонапартистских ставленников, которые не отчитывались о своей деятельности перед парламентом, перед представителями нации. «Государственный совет, попечитель Законодательного корпуса, превратился в пристанище престарелых чиновников и отставших от времени депутатов, он показал себя ниже своего воспитанника, и все это ставило под вопрос законность его всемогущества», — пишет Оливье²⁸. Критикуя отсутствие широких полномочий парламента, Оливье одновременно замечал, что то же самое происходит и с министрами: государь не должен делать из них агентов своей личной власти, но выбирать их из числа самых разных людей, разных поколений и убеждений, и о том, насколько они верны монарху и нации, будет судить не суверен, но граждане через своих представителей в парламенте, то есть через введение министер-

28. *Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. 9. P. 176.*

ской ответственности. В настоящее время система властей замыкается в порочный круг: «Власть безответственна в своей основе, поскольку ее чиновники не несут наказания; безответственна в середине, где министры отчитываются только перед императором; безответственна наверху, поскольку, лишенный права осуществлять контроль за действиями верховной власти, Законодательный корпус лишен даже права узнавать о них и их обсуждать»²⁹. Оливье подчеркивал, что его требования носят не атакующий, но скорее защищающий характер во благо империи, которая не может оставаться сильной только путем давления сверху: власть в ней должна распределяться справедливо, гармонично и с равной ответственностью между правительством, гражданами и их представителями: «Когда мы требуем ответственности министров перед парламентом, это делается не с целью ослабить власть, но для того, чтобы создать для нее гармоничную основу, чтобы действительно заставить ее взаимодействовать с представительной властью и дать ей возможность выйти из изолированного положения, которое опасно и для власти, и для нации»³⁰. Министры — это гаранты стабильности и необходимого баланса в отношениях между государем и гражданами: «Согласие между сувереном и нацией, осуществляемое посредством министров, выбранных императором, которых парламент одобряет или отвергает согласно воле нации»³¹.

Даже среди бонапартистов находились сторонники введения принципа министерской от-

29. *Ollivier E.* Démocratie et liberté. P. 67.

30. *Ibid.* P. 365.

31. *Thiers A.* Discours sur les libertés politiques. P. 19.

ветственности — правда, ради ограждения особы монарха от нападок «снизу». Как писал сенатор Кантэн-Бошар, «не разумно ли, если между сувереном и парламентом будут задействованы посредники, способные объяснить постановления правительства, оценить их, оправдать или осудить, навлечь на себя порицание и неодобрение парламента, если таковые постановления будут расценены как преступные?»³². Ответственность министров, как полагают сторонники реформ, отнюдь не противоречит конституции: если, согласно ее букве, император ответственен перед народом, то должны быть ответственны и назначаемые им должностные лица.

«Искусство управления государством состоит в переходе власти время от времени от одних личностей к другим. В людях присутствует постоянное желание перемен, которое, не будучи удовлетворено, обостряется... Глава государства должен окружить себя различными деятелями, из которых он может выбирать министров согласно меняющимся потребностям политики», — писал Оливье³³. Он также отмечал, что занятие одним и тем же министром своей должности в течение долгого времени ведет к «застою в умах» у министров, они теряют способность чутко реагировать на перемены социально-политического климата в стране. Это можно исправить с помощью введения отчетности министров перед парламентом, который будет оценивать деятельность министров и на основании этого требовать отставки наиболее слабых из них и заменить их на более молодых, вооруженных более новыми и смелыми идеями и решениями. Кроме того,

32. *Quentin-Bauchart*. Etudes et souvenirs sur la Deuxième République et le Second Empire. Paris, 1902. Vol. 2. P. 454.

33. *Ollivier E.* L'Empire libéral. Vol. 9. P. 189.

ответственность министров защитит императора от обвинений в его адрес и пойдет только на пользу авторитету и безопасности власти; если государство признает народный суверенитет и самовыражение нации через ее представителей, то эти представители должны судить не государя, а исполнителей его воли. «При парламентской системе, когда ответственные министры выдвигают законопроект, они представляют его от своего имени. Если они ошибаются, они платят за свою ошибку своими полномочиями... Настоящие же министры представляют собой только выбор государя, они не несут наказания, и император платит за них»³⁴. Таким образом, снятие ответственности с императора ведет к уменьшению его авторитарных полномочий. Ответственность министров ставит императора в зависимость и перед парламентом, поскольку он должен выбирать министров лишь из числа тех, чьи действия и чью программу парламент одобрил. Но опять же мы видим, что подобная забота об ответственности министров и даже неких ограничениях власти императора имела целью прежде всего сохранение авторитета Наполеона III и прочности его режима: «...пусть переговоры с общественным мнением лягут на посредников власти суверена, дабы власть государя оставалась твердой и несменяемой...»³⁵.

Разногласия в Законодательном корпусе вызвала и обсуждавшаяся в то же время реформа Сената³⁶. Либеральная пресса выступала с жесткой кри-

34. Ibid. P. 555.

35. *Thiers A. Discours sur la politique intérieure*. P. 23.

36. Согласно конституции 1852 г. Сенат являлся верхней палатой Законодательного корпуса и назначался императором, должности сенаторов сохранялись пожизненно.

тикой широких полномочий этого органа, считая его средоточием реакционеров³⁷. Так, часть либералов во главе с Оливье и принцем Наполеоном, двоюродным братом императора, считали, что Сенат необходимо избирать всеобщим голосованием, отменить сенатус-консулт, запрещающий любые поправки к конституции. Но этим реформам воспротивился император, полагавший, что «либеральному» парламенту необходимо консервативное противодействие, которое как раз и олицетворял Сенат. В итоге Сенат не претерпел никаких изменений, сохраняя право наложить вето на законы, принятые в палате депутатов. Забегая вперед, отметим, что несколькими годами позже Оливье резко меняет свою позицию в сторону более консервативной, полагая, что представительный орган, дабы не превратиться в орудие мятежа, нуждается в контроле со стороны стабильного и консервативно-охранительного учреждения: «В стране, которой правит всеобщее голосование, необходимо существование какого-либо легального авторитета, чтобы противодействовать народу в его своевольных проявлениях, мешать ему разрушать фундаментальные принципы государства и свобод индивида. Без этой силы демократия превращается в деспотизм... И эта сила не должна быть выборной»³⁸.

В план либеральных преобразований входила и реформа местного самоуправления: введение выборности должности мэра. Рассматривая эту проблему, Оливье вновь обрушивается на принцип

Правом законодательной инициативы Сенат не обладал, в его обязанности входило рассмотрение и внесение поправок в закон, предложенный депутатами.

37. *L'Illustration*. 15 Décembre 1868.

38. *Ollivier E. L'Empire libéral*. Vol. 9. P. 258.

официальных кандидатур, поддерживаемых или напрямую назначаемых правительством; кандидатуры мэров должно предлагать не правительство, а представители граждан в муниципальном совете, и мэр должен избираться всеобщим голосованием. Действительно, если граждане имеют право избирать своих представителей в центральный законодательный орган, то почему это право не распространяется на местные органы³⁹? Оливье, таким образом, стремится подчеркнуть всеохватывающий, глубинный характер предлагаемых реформ в масштабах административной системы всей страны, а не только центрального аппарата.

Целью либералов было также добиться расширения полномочий парламента — предоставить ему право не только обсуждать, но и критиковать и отклонять предлагаемые императором законы. Они считали, что парламент — не оппонент императора, но, напротив, его опора. Через парламент император ведет диалог с нацией и тем самым обеспечивает себе прочную, легитимную социальную базу: «Исследовать законы, выяснять, нужно ли их реформировать, — это не акт неповиновения: это означает пользоваться свободно и законно возможностью указывать суверену то, что мы считаем голосом нации и выявлять, какие институты нужно улучшить»⁴⁰. А. Тьер откровенно называл действующий парламент «партией власти», марионеточным органом, не выражающим подлинных интересов и чаяний нации, ибо он лишен инициативы и свободы мнения, свободы оспорить решение монарха⁴¹.

39. Ibid. P. 547.

40. *Ollivier E.* Démocratie et liberté. P. 2.

41. *Thiers A.* Discours sur les libertés politiques. Paris, 1865. P. 16.

Тьер говорил о необходимости ограничения всевластия монарха: «Я — сторонник принципа инициативы правительства, поскольку оно, находясь постоянно в курсе всех дел государства, может наиболее эффективно действовать. Но это полномочие может стать абсолютной властью, если те, кто им обладает и несет ответственность перед государем, не связаны с нацией, то есть с парламентом»⁴².

Появляется вопрос: если парламент имеет право критиковать законы, то предполагает ли это право законодательной инициативы и кому она должна принадлежать? Либералы дают однозначный ответ: парламент не должен обладать правом принимать законы, это право должно быть закреплено за императором. Оливье четко разграничивает полномочия и роль правительства и парламента: дело народных представителей — обсуждать и выносить суждения по поводу предлагаемых законов, но не законодательная инициатива, поскольку никто не гарантирует выполнение избранным депутатом его предвыборных обещаний; правительство же, как власть исполнительная и реально действующая, несет перед народом большую ответственность, поскольку отчитывается о конкретных действиях в проведении законов. «Я не допускаю того, что законодательные собрания должны иметь право и способность управлять страной. Для этого им недостает двух важных качеств: они не ответственны и они пристрастны. Они не ответственны, поскольку, если их решение принято, нет никого, кто бы мог им возразить. Они пристрастны, ибо они не делают различия между прямым, немедленным результатом и результатом косвенным,

42. *Thiers A. Discours sur les libertés politiques. Paris, 1865. P. 37.*

проявляющимся опосредованно; их решения, продиктованные минутными впечатлениями, однодневны и нередко приносят в жертву постоянные нужды правительства и общества. Обсуждать и высказывать суждения — вот их настоящая роль. Ответственность должна быть там, где предполагается действие»⁴³. Следовательно, Оливье не доверяет всей полноте законодательной власти депутатам, поскольку они могут обмануть чаяния избирателя и превратить парламент в арену для реализации личных корыстных амбиций. Он продолжает: «Народ не выражает свои мысли путем выборов. Здесь всегда преобладает личный элемент; за кандидата голосуют потому, что он принадлежит к почитаемой семье, или потому, что он кому-то оказал услугу, или потому, что он — хороший оратор и использует гибкий подход. Но кто даст гарантию, что избранный сдержит обещания и что депутат не будет действовать иначе, чем кандидат? Его мнение хрупко, он может отречься от него, если дискуссия выявила его слабые стороны...»⁴⁴.

Развивал эту мысль А. Тьер; при этом он уточнял, что даже при сохранении законодательной инициативы за исполнительной властью парламент должен обладать расширенными полномочиями контроля за этой властью: «Инициатива должна принадлежать власти. Почему? Поскольку парламентские партии разрозненны, Законодательный корпус созывается нерегулярно, нерегулярны любые собрания, а правительство не может откладывать свои действия, не должно приостанавливать их ни на минуту. Именно власть суверена печется

43. *Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. 6. P. 432.*

44. *Ibid. Vol. 13. P. 327.*

о нашем процветании, мире и безопасности среди других наций... Однако инициатива государя ценна сама по себе как воля, пожелание, законом же она становится только при одобрении большинства. Необходимо, чтобы парламент обладал всеохватывающими полномочиями контроля. Он должен иметь право задать правительству любой вопрос, если возникнет такая необходимость. Правительство обязано соглашаться на обсуждение подобных вопросов... Если вы не хотите, чтобы решения исполнительной власти обсуждались на улицах и приговор им выносился путем насилия, если вы не хотите, чтобы правительство обсуждалось в темных углах и путём грязных интриг, я спрашиваю вас: что может быть достойнее для обсуждения решений правительства, чем собрание людей, обладающих тремя редкими качествами: осведомленностью о делах страны, талантом выразить их суть, умением защитить свою точку зрения»⁴⁵. Таким образом, становится очевидной важная роль парламента как посредника между монархом и нацией, направляющего все дискуссии в «цивилизованное» русло. При этом бросается в глаза противоречие либеральной позиции: парламентская монархия — идеальная, по их мнению, форма государственного строя, но только при сохранении законодательной инициативы монарха. Получается, что принцип разделения властей, фундаментальный принцип либерализма, здесь отрицается — монарх соединяет в своих руках полномочия исполнительные и законодательные.

Оливье предлагает еще один рецепт пресечения стремлений парламента к абсолютной законодательной власти — народный референдум. Соб-

45. *Thiers A. Discours sur la politique intérieure.* P. 35.

ственно, этот принцип был закреплен как основа французской государственности в действующей конституции империи. Оливье полагает, что только непосредственный голос нации может быть последней инстанцией в принятии закона, поскольку нация должна контролировать избранных ею представителей и исполнительную власть: «Необходимо найти средство воспрепятствовать антинародному закону — прямое обращение ко всей нации, чтобы она смогла ответить, принимает она или отвергает закон, за который голосовали ее представители»⁴⁶. Опять же, эта система делает легальной для императора лазейку, с помощью которой можно обойти мнение парламента, и вновь Законодательный корпус остается почти лишенным возможности повлиять на решение государя. Реформа парламентской системы заключается, в сущности, лишь в том, чтобы парламент мог взаимодействовать с властью (а не противодействовать ей), критикуя или отвергая предлагаемые законы. Таким образом, парламент все же остается лишенным законотворческой функции. При этом в записках Оливье мы не находим никаких предположений о том, как будет разрешаться конфликтная ситуация между парламентом и императором, и имеет ли император право распустить непокорный парламент.

В вопросе о роли и количестве парламентских партий Оливье выступает сторонником английской системы двухпартийности, поскольку наличие многочисленных партий, групп и блоков вносит хаос в дискуссию и размывает идеологические границы партий: «Парламент, вместо того чтобы дробиться на мелкие группы, разлагающие его, должен

46. *Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. 13. P. 325.*

делиться только на две партии с решительными лидерами: партию, которая правит, и партию оппозиции. Если какая-либо партия нацелена только на свержение власти, свобода обсуждения в опасности. Если между партией власти и оппозицией располагаются мелкие колеблющиеся группы, то утверждение компактного и уверенного большинства, неперемное условие представительной системы, невозможно и решающее слово принадлежит не выразителям важных политических интересов, а незаметным, посредственным личностям»⁴⁷. В то же время этот принцип создает для обеих партий равные условия борьбы и не предоставляет никаких привилегий партии власти. Ориентация на английскую систему свойственна традиции французской общественной мысли и восходит корнями еще к Вольтеру, для которого Англия была эталоном воплощения гражданских свобод; апеллировали к совершенству английских законов и либералы начала XIX в. Однако на практике они предпочли сосредоточиться на вопросе о регулировании полномочий монарха, поэтому предложения относительно числа партий в парламенте не вносились. Да и вряд ли это было бы адекватно французской политической культуре: поскольку Франция — молодая парламентская монархия по сравнению с Англией, партии в ней формировались в зависимости от разнообразия политических течений, которых в начале XIX в. было уже множество и которые уже трудно было бы ограничить рамками торизма и вигизма.

Далее, либералы добивались отмены в период выборов так называемых официальных кандида-

47. Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. 13. P. 385.

гов — бонапартистов, которые чаще всего занимали должности чиновников в одном из государственных органов. В самом названии «официальные кандидатуры» звучало восприятие других партий как маргиналов, как полулегальных подозрительных организаций, что, разумеется, было унизительно для всех политических сил Франции и нарушало конституционный принцип свободы общественных движений и партий. В избирательных кампаниях бонапартисты должны иметь равное с другими кандидатами право на участие, поэтому они не должны занимать высших государственных постов или являться протеже министров или влиятельных чиновников; кандидат в депутаты должен выдвигаться самостоятельно, при поддержке избирателя, с которым он проводит встречи, которому он объясняет свою программу. Либералы рассматривали институт официальных кандидатов как давление правительства на мнение граждан, как грубое нарушение свободы выборов: «Кандидаты не должны произвольно выдвигать себя и навязывать себя избирателям. Только народ может самостоятельно организовываться, создавать выборные комитеты, выдвигать кандидатов, достойных доверия нации и готовых с честью вести избирательную кампанию, и в таком случае народ будет голосовать исключительно в собственных, а не в навязанных ему, интересах»⁴⁸. Выдвижение официальных кандидатов — причина слабости государства, поскольку у него не может быть эффективной и твердой поддержки без свободы. Выдвинутые нацией кандидаты действительно ответственны перед нею, и они, прежде всего, независимы от какого-либо давле-

48. Revue des deux mondes. 1 Avril 1869.

ния свыше, они — доверенные лица граждан, страны, а не узких правящих кругов: «Когда правительство использует для своей защиты только иерархию зависимых от него чиновников, это значит, что оно переживает кризис. Всякое правительство совершает ошибки; но право на ошибку может быть применимо только к тем, кто действует в согласии с нацией. Таким образом, ошибка не становится ошибкой одного, но делается ошибкой каждого; и правительство может ответить тем, кто его критикует: мы совершили ошибку, но мы действовали с согласия нации, поэтому нация ошибалась вместе с нами»⁴⁹.

В целом программа реформ государственных институтов, как мы видим, предполагала сохранение основополагающих принципов бонапартистского режима: сосредоточение законодательной и исполнительной властей в руках императора, зависимость парламента от исполнительной власти, приоритет референдума над решениями парламента. Решительным изменением должны были стать только отмена института официальных кандидатур и введение ответственности министров перед Законодательным корпусом.

3. Гражданские свободы

В этот блок своей программы либералы включали свободу общественного мнения, выражаемого через периодические издания, и свободу собраний. Свобода слова для либералов была одной из важнейших свобод индивида: она позволяет ему высказываться, обсуждать, требовать; это — возможность наибо-

49. *Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. II. P. 447.*

лее полноценного самовыражения индивида. Жесткая цензура, существовавшая в прессе до реформ 1867 г., была наболевшей проблемой, вызывавшей яростные протесты республиканской и либеральной оппозиций. Существовала особая уголовная статья — «преступления прессы» (критика журналистами действий правительства); они причислялись к самым тяжким и подвергались судебному преследованию в рамках особой правительственной комиссии, заседания которой проходили в закрытом порядке, и таким образом изымались из ведения общегражданского суда присяжных. Это было грубым нарушением принципа равенства всех граждан перед законом, зафиксированного в Конституции согласно традициям Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

Право на свободу слова не исключительно; оно неотделимо от всех прочих прав и свобод гражданина. Если в стране существует всеобщее избирательное право и право на народный референдум, то есть права, позволяющие нации выражать свое мнение о действиях правительства, то почему запрещается делать это посредством прессы? Вместо запретов гораздо практичнее и разумнее будет подчинить прессу законам, чья цель — только следить за порядком и пресекать злоупотребления, но не запрещать те или иные издания и не подвергать суду гражданина за то или иное высказанное мнение: «под свободой прессы мы подразумеваем ее зависимость только от правосудия»⁵⁰. Ибо, как считают либералы, лучший контролер над прессой — само общество, которое принимает или отвергает тот или иной журнал той или иной поли-

50. *Thiers A. Discours sue les libertés politiques. P. 15.*

тической направленности. Современное общество, социальный, политический и технический прогресс невозможно представить без быстрого и обильного поглощения и переработки информации, беспрепятственного обмена ею; информация — движущая сила прогресса, она формирует достойного и просвещенного гражданина, активного участника общественной жизни своей страны, способного как отстаивать свои права, так и уважать законы⁵¹. Пресса в современном Оливье обществе мыслилась как «фастфуд» просвещения: глубоких знаний она, конечно же, не даст, но поможет гражданину сориентироваться в различных политических течениях, во всех направлениях общественной жизни, получить и осмыслить информацию о событиях в своей стране и в мире. А мир середины XIX в. вращался все стремительнее и становился все более доступным и познаваемым — восторжествовали фотография, железные дороги, пароходы, телеграф, недолго оставалось до первого пробного звонка телефона. Промышленный переворот подготавливал благодатную почву для информационной революции; в таком мире становилось уже физически невозможным держать человека в невежестве. Прогресс означал просвещение⁵².

Другая задача прессы — это связующая, миротворческая роль во взаимодействии власти и общества, помогающая им понять друг друга и вести диалог вместо взаимных недомолвок, упреков и подозрений. «В данный момент свободная пресса должна служить спасению государства, стать его оружием в борьбе с противниками...», — писал Аль-

51. *Revue des deux mondes*. 14 Février 1868.

52. *Ollivier E. Démocratie et liberté*. P. 131.

фред Даримон⁵³. Насилие и давление со стороны правительства не защитят его от критики и гнева общества: лишение граждан права знакомиться с любыми периодическими изданиями, следить за важнейшими событиями жизни страны ведет не только к их политической неграмотности, но и отучает их от легальных, мирных способов борьбы за свои права, превращает их в действительно опасную мятежную силу, ибо «непросвещенный» бунт ведет к гражданской войне⁵⁴. Иными словами, ограничение свободы прессы ведет к прорастанию в обществе ряда пороков, главный из которых — отсутствие просвещенности, а значит, способности критически оценивать реальность. Этот порок влечет за собой не только политическую инертность, но и отсутствие стремления к просвещению, равнодушие, нравственное разложение, испорченность вкусов в литературе и искусствах. Существующий драконовский закон о цензуре в прессе неминуемо жестоко стеснит свободу творчества талантливых литераторов и публицистов — последствия этого также предсказуемы: невежество и торжество безвкусицы⁵⁵. Отсюда и одно из программных требований либералов: должно соблюдаться право каждого гражданина, располагающего достаточными финансовыми средствами, издавать свой журнал или газету любого политического или иного направления без предварительного разрешения со стороны особой правительственной комиссии.

Оливье указывает на то, что на данном отрезке времени власть смешивает два противоположных

53. *Darimon A. Les irreconciliables sous l'Empire. Paris, 1888. P. 195.*

54. *Revue des deux mondes. 1 Février 1868.*

55. *Ibid. 14 Février 1868.*

понятия: преступление, то есть действие, и слова, мнение, которые далеко не всегда подстрекают к какому-либо преступному акту. Этим же обосновывается требование Оливье подчинить преступления прессы общему праву и суду, а не особой комиссии: «если журналы могут быть наказуемы только тогда, когда их статьи становятся общественным преступлением, то почему они не должны быть подчинены равному для всех суду присяжных?»⁵⁶. Преступлением же либералы считали только статьи, направленные на возмущение социального спокойствия, призывающие к свержению власти и существующих законов и иным противоправным действиям. Альтернативное мнение о характере государственного строя или деятельности правительства не может считаться преступным или провоцирующим. Пресса — это «естественное, справедливое и законное движение мнений»⁵⁷; но эти мнения будут мирными лишь при отсутствии давления со стороны власти — в противном случае они превратятся в подстрекательства к массовым беспорядкам. Таким образом, свобода прессы — это своего рода контракт между властью и обществом: власть предоставляет журналистам свободу мнения, журналисты в обмен на это отказываются от провокационной радикальной критики — необходимость в ней сама собой отпадет благодаря отсутствию насилия со стороны власти.

Совершенно бессмысленным считает Оливье ограничение свободы прессы путем судебных преследований, поскольку разнообразие изданий и выражаемых в них взглядов учит общество «естественному отбору» среди них, учит граждан формировать соб-

56. *Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. 10. P. 394.*

57. *Revue des deux mondes. 15 Mai 1868.*

ственную точку зрения и политическую позицию и тем самым выносить *общественный* приговор тем или иным изданиям. Следовательно, лучший судья для прессы — ее читатели; «самое эффективное ограничение для свободы прессы — это полнота ее свободы»⁵⁸.

Еще один важный аспект проявления гражданской свободы, о котором говорили либералы, — свобода собраний и политических объединений. После бонапартистского переворота свобода собраний была существенно ограничена необходимостью подавать заблаговременное уведомление в полицию и присутствием на них не только полицейских, но особых комиссаров, следивших за содержанием идей, высказываемых на этих собраниях, и выявлявших всех оппозиционно настроенных. Однако Оливье считал, что запрет на свободу собраний немислим в стране, где существует всеобщее избирательное право: свободные, открытые и справедливые выборы могут происходить только при условии непосредственных встреч кандидатов с избирателями, при публичном оглашении программы партии, которую кандидат подробно разъясняет на языке, доступном массам, тем самым вверяя себя суду общества⁵⁹. Нация имеет неотъемлемое право выслушивать своих представителей. Жестокая ошибка состоит в отождествлении любого собрания с подготовкой мятежа — ведь существуют и мирные объединения граждан, созданные с целью обсуждать и обмениваться мнениями, информацией. Такие собрания выполняют ту же функцию, что и свободная пресса: они способствуют просвещению, обмену информацией и формированию у граждан чув-

58. *Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. 10. P. 400.*

59. *Ollivier E. Démocratie et liberté. P. 373.*

ства взаимной ответственности, способствуют их политической грамотности. «Необходимо, чтобы гражданин проявлял заботу об общественных делах. Он не должен думать в одиночку, в противном случае это будет всего лишь личное мнение; нужно, чтобы и его сограждане делились с ним своими мнениями, формируя таким образом мнение общества», — полагает А. Тьер⁶⁰. Иными словами, если, согласно конституции, суверенитет принадлежит нации, ей не должно запрещаться решать свою судьбу самостоятельно, в том числе и через политические собрания: «чтобы нация сама решала свои дела — вот о чем должно заботиться правительство, основанное на всеобщем избирательном праве»⁶¹.

Однако либералы делают оговорку: неограниченная свобода собраний — это либо ушедшие в безвозвратное прошлое идиллические времена античной демократии, либо удел еще не родившейся, опять же идеальной, республики, которая рано или поздно утвердится во всех развитых обществах, но на настоящем этапе Франция не готова к такой республике. На данной стадии своего развития общество еще не достигло должной мудрости, зрелости и умения самостоятельно контролировать себя — ему необходимо осторожное воспитание, направляющая рука⁶². На данное время такими собраниями смогут воспользоваться революционные радикалы и посеять в народных массах смуту, силой своей навязчивой пропаганды препятствуя формированию самостоятельного народного мнения⁶³.

60. *Thiers A. Discours sur la politique intérieure. P. 20.*

61. *Darimon A. Histoire d'un parti. P. 211.*

62. *Thiers A. Discours sur les libertés politiques. P. 15.*

63. *Revue des deux mondes. 1 Janvier 1869.*

Как бы то ни было, в этих утверждениях либералов бросается в глаза не только употребление термина «демократия» (что изначально противоречит либеральной парадигме, для которой демократия — это навсегда потерянная идиллия античных полисов, опасная в реалиях XIX в.), но и стремление применить этот принцип к существующей реальности, адаптировать его к новому времени. Либералы так или иначе были вынуждены «смириться» с принципом всеобщего избирательного права в общественной жизни Франции. Такое обращение к демократии явилось бесспорной новизной и характерной особенностью либеральной мысли 1860-х гг.

Идеи Оливье и его товарищей оставляют исследователя с противоречивым чувством. В них нет той цельности, стройности и гармонии, присущей классическому либерализму, — и дело, конечно, не только в стилистике (ведь не каждый политический мыслитель способен совместить в себе дар беллетриста, как Шатобриан, Констан и де Сталь); дело именно в некоей эрозии либеральных ценностей, в их деформации и явно ощущающемся мучительном поиске обновления. Оливье довелось жить и творить в более сложный период, чем его учителям: в начале XIX в. Франция стояла лишь перед альтернативой возвращения к абсолютизму или конституционной монархии, теперь же, во второй половине этого века, страна оказалась в водовороте идейных течений, политических партий и вариантов общественного строя — от коммунизма до своего рода пародии на «старый порядок». Среди этого водоворота приходилось так или иначе лавировать, приспособлять традиции к новым реалиям, расставаться с прежними ценностями и учиться принимать новые. Оливье принял новое общество — общество не просто гражданско-

го равенства, но и многочисленных политических течений, уже выходявших за рамки стандартов классического симбиоза буржуазии и монархии. И в трактатах Оливье чувствуется напряженный поиск формы общественного строя, основанного на примирении двух Франций — старой и новой. Именно поэтому главной заботой Оливье становится союз монархии и демократии.

Читателя, надеявшегося узреть в идеях Оливье яркий луч свободы в мрачном царстве диктатуры, ждет разочарование. Пройдя все «круги ада» в поисках оправдания как свободы, так и монархии, Оливье делает выбор в пользу императора. Собственно, это и неудивительно: во-первых, Оливье все же остается верен одному из фундаментальных либеральных принципов того времени — конституционной монархии (пусть и легитимность нынешней монархии намного сомнительнее легитимности всех предыдущих династий); во-вторых, трудно не заметить, да Оливье и не пытается это замаскировать, то, что изначальной целью реформ ставилось именно спасение Наполеона III, его режима, его династии, его Франции. Либералы вполне обоснованно и целенаправленно привязывали реформы к эпохе и личности Наполеона III, стремясь, бесспорно, поднять ее пошатнувшийся авторитет. «У Оливье, — писал Таксиль Делор, — не было корней в настоящем и поддержки в будущем, он стал временщиком, поставив либерализм на службу монархии, точнее, династии»⁶⁴. Отсюда и сохранение принципа неделимости исполнительной и законодательной властей и ограничения возможности парламента влиять на решения

64. *Delord T. Histoire du Second Empire. Paris, 1869–1875. Vol. 5. P. 575.*

императора. Принцип «невидимой руки государства» отвергался — рука сохранялась во всей полноте своих функций. Снятие запретов даровалось только на уровне свободы слова и собраний, но не для высших инстанций управления государством. Единственное, что может влиять на действия императора, — это голос избирателя: всеобщее избирательное право и плебисцит. Для традиционных либералов эту роль выполнял парламент, Оливье признает эту роль за гражданами. Оливье остается верен исконным либеральным принципам — полноценности гражданских свобод, равенства перед законом, общественного контроля за властью монарха... Но — повторимся — отныне место народных представителей занимает сам народ. Получается, что предложенная Оливье формула общественного устройства может быть определена не как «либеральная империя», но скорее как «управляемая демократия». В свою очередь, что это, как не основополагающий принцип бонапартистского режима? И кто же тогда Оливье — теоретик бонапартизма? Прежде чем дать более уверенный ответ на этот вопрос и делать прочие выводы, остановимся на том, во что обернулись идеи реформ при исполнении.

Реформы: от идей к реальности

Реформы государственного аппарата
и парламента

К НАЧАЛУ 1867 г. политическая ситуация во Франции была уже небезопасной для власти и авторитета императора: республиканцы и либералы начали одерживать первые уверенные победы, «пятеро» становились все более влиятельными даже среди бонапартистов. Партии власти удавалось лишь удерживать численное большинство в парламенте, но она не могла предложить программы решения обострившихся социальных проблем. Наполеон III был обеспокоен — он увидел, что доверие к нему нации, а, следовательно, и прочность его трона, пошатнулись. Император никогда не считал либералов врагами общественного порядка, более того, их взгляды по ряду позиций совпадали с его собственными; но если в предыдущее десятилетие он полагал, что для воплощения этих взглядов время еще не пришло, то именно сейчас он понял необходимость сотрудничества с реформаторами. Страна подошла к тому рубежу, когда порядок воспринимался бы обществом как деспотия, и только либеральные реформы могли если не разрешить, то ослабить накопившиеся противоречия. И Наполеон III первым делает шаг навстречу либералам, согласившись принять их программу как новую официальную линию правительства.

О грядущих преобразованиях император впервые объявил 19 января 1867 г. в своей тронной речи перед открытием новой сессии Законодательного корпуса. По свидетельствам современников, это решение было принято достаточно спешно и внезапно: только в конце 1866 г. состоялась беседа Наполеона с Оливье и председателем Законодательного корпуса графом Валуевским, сочувствовавшим либералам; в этом разговоре император, выслушав доводы и предложения обоих политиков, согласился с ними и признал отвечающими его собственным замыслам¹. Реформы должны были проводиться согласно предложениям либералов: свобода печати и собраний, расширение законотворческих полномочий парламента и ответственности перед ним министров. Император в своем выступлении подчеркнул, что реформы упрочат доверие общества к власти: «Несомненно, осуществление на практике новых свобод подвергнет дух народа серьезным испытаниям и повлечет за собой риск. Но я возлагаю надежды на мудрость нации, на прогресс общественного мнения, на строгость наказания, энергию и авторитет власти. В течение пятнадцати лет наша идея оставалась неизменной: уберечь основные законы от противоречий и враждебных сил и в то же время развивать либеральные институты, не ослабляя авторитета государства»². Бросается в глаза изменение позиции императора по сравнению с предыдущим десятилетием: отныне он понимал под основой власти свободу, а не порядок.

Ранее мы уже отмечали, что документально зафиксированной программы реформ как со стороны

1. Archives nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. Discours de Sa Majesté.

2. Ibid.

либералов, так и со стороны императора не существовало: о надвигающихся переменах было заявлено лишь в тронной речи, а предлагаемые реформы изложены в парламентских речах и мемуарах оппозиционных депутатов. Примечательно и то обстоятельство, что либералы привлекли внимание власти к своим идеям практически без парламентской борьбы, исключительно по воле императора: ведь в Законодательном корпусе депутатское большинство к тому времени по-прежнему сохранялось за бонапартистами, а либералы лишь постепенно и в незначительной мере увеличивали свое представительство в 1857 и 1863 гг. Подобный ход событий с самого начала поставил под вопрос степень оппозиционности либералов: можно ли считать оппозицией политическую группу, идеи которой взял на вооружение глава государства и фактически сам привел эту группу к власти? Сами либералы оценивали такую ситуацию как мудрую и своевременную уступку императора, стремившегося избежать оппозиционного мятежа и решившего «поддержать реформаторов своим авторитетом», — как полагал Э. Оливье³.

Первоначальная реакция либеральной оппозиции была, можно сказать, восторженной: долгожданный глоток свободы, которому суждено оживить страну. Один из депутатов Законодательного корпуса отметил, что именно в данный момент, а не десятилетием ранее, реформы стали необходимы: «заслуга императора в том, что он не поступил подобно другим правительствам, которые сперва идут на большие уступки, а затем, напуганные революционными страстями, устанавливают

3. Archives nationales. Fonds Bonaparte. Correspondance de l'Empereur. 400 AP-44.

репрессивные режимы: он решил задержать введение этих уступок»⁴. Известное либеральное издание «L'Opinion nationale» приветствовало реформы, определив их как «новую эру свободолюбивых чаяний и прогресса»⁵. Другой влиятельный печатный орган либералов, «L'Avenir national», отмечал мудрость императора, проводящего реформы, основанные на трех главных ценностях французского общества — «боге, народе и монархе»⁶. Своего рода эйфорию, которую испытывало французское общество в отношении реформ, отразило письмо писателя Проспера Мериме к императрице Евгении: «Быть может, начнут говорить о том, что, давая нации больше свободы, правительство ослабнет. Такая опасность возможна. Но более страшная угроза состоит в том, что правительство может рухнуть, не сделав нескольких уступок стране... Новые свободы приведут к власти самые преданные, мудрые и отважные сердца...»⁷.

Между тем программа реформ не удовлетворяла интересы двух других влиятельных политических сил — республиканцев и бонапартистов-консерваторов. Первые сохранили радикально-критическое, непримиримое отношение к любому действию власти; вторые смирились с решением императора, однако продолжали предостерегать его от чрезмерного потакания обществу и настаивать на приоритете порядка. При этом интересен тот факт, что даже журналы консервативного направления, такие, как «Le Constitutionnel», избрали своей риторикой ли-

4. Journal Officiel. 1 Février 1869.

5. L'Opinion nationale. 19 Janvier 1867.

6. L'Avenir national. 19 Janvier 1867.

7. Archives nationales. Fonds Bonaparte. 400 AP-52.

беральную: «Нация с радостью примет либеральный закон, который станет новой вехой в истории великого правления»⁸. Многие видные бонапартисты (такие, как Руэр и Персиньи) восприняли намерение провести реформы с одобрением, но исключительно как инициативу императора, решившего предотвратить революцию и усмирившего либералов готовностью найти с ними компромисс: «император великодушно даровал стране гражданские свободы, ограничив свои права суверена... во имя свободы и прогресса. Отныне едины общественные интересы и либеральное движение, объединены прогресс и консерватизм», — отмечал Персиньи⁹. Для бонапартистов это была не победа оппозиции, а победа императора над социальными брожениями. Сугубо либеральная риторика, термины «свобода» и «прогресс» берутся на вооружение бонапартистами, еще недавно убеждавшими императора во вреде любых преобразований и необходимости сохранения авторитарной власти. Это заставляет задуматься о проблеме «присвоения» либерализма властью и превращения его в новую государственную идеологию в интересах прежде всего монарха.

Республиканцы подвергли жесткой критике программу реформ. Ибо либералы единодушно стремились спасти в первую очередь монархию путем уступок обществу; республиканцы же полагали, что реформы должны быть нацелены исключительно на благо народа. В глазах республиканцев либералы были предателями идеи свободы, перебежчиками во вражеский лагерь ради собственных же корыстных интересов: А. Рошфор писал, что либе-

8. Le Constitutionnel. 22 Janvier 1867.

9. Archives nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. Sénat. Compte rendu analytique du 12 Mars 1867.

ралы «вероломно использовали лозунги демократии для спасения империи»¹⁰. Как отмечал один из лидеров республиканской партии А. Аллен-Тарже, либералы являли собой голос недовольной Наполеоном III буржуазии, но не нации в целом; их целью было просто усмирение страстей в массах. А реформы — это всего лишь «результат нескольких интриг, цель которых избавиться от неугодного либералам Руэра и поставить на его место Тьера»¹¹, то есть, по мнению республиканцев, это была банальная подковерная борьба за власть среди двух групп элиты. Республиканцы всегда вменяли в вину либералам поиск компромисса в вопросах, которые должны решаться быстро и радикально. Жюль Фавр, бывший соратник Оливье, перешедший в лагерь «непримиримых» во главе с Гамбетта, следующим образом определил суть расхождений принципов двух партий: «Все мы защищаем свободу, но мы расходимся в методах: первые полагают, что необходимо ждать решений суверена и беспрекословно доверять его мудрости; мы же имеем смелость давать советы»¹². Принципом республиканцев было не ожидание «подаяния» от государства в виде реформ, подобных описываемой нами, но *требование* широких масс осуществить эти реформы; если государство уступает, оно должно уступить нации в совокупности, прислушаться к ее голосу, а не к советам придворной клики или отживших свой век идеалистов, какими либералы представляли в глазах республиканцев¹³. По словам Л. Гамбетта, ли-

10. La Lanterne. No. 60. 1869.

11. Allain-Targé H. La République sous l'Empire. Paris, 1939. P. 101.

12. Darimon A. Histoire d'un parti. P. 260.

13. Allain-Targé H. La République sous l'Empire. P. 105.

бералы, будучи недовольными существующим положением дел, воззвали к прошлому — к ценностям классического либерализма начала XIX в., который спустя годы вернулся к власти в виде уродливого и опасного «гибрида» — либеральной империи. «Государственные деятели, экспериментировавшие с методами управления страной, навязавшие народу этот режим, те, кто спустя восемнадцать лет, когда режим перестал оправдывать все их планы, проекты, идеи, повернулись лицом к стране, чтобы сказать: мы совершили ошибку, но мы возвращаемся к прошлому, дабы собрать воедино куски устаревших и подвергшихся осуждению конституций...»¹⁴. Империя, как считали республиканцы, пошла навстречу оппозиции исключительно ради собственного выживания, свободы были дарованы императором из страха перед народным восстанием: «Государственный переворот — собака, которая лает, но не кусается, — писал А. Рошфор. — Наш карбонарий, именующий себя императором, пытается воскресить свой трехцветный дух (подразумевается республиканский приход Луи Бонапарта к власти на волне революции 1848 г. — *М. И.*), он знает, что если он вновь начнет прибегать к помощи комиссаров полиции, большинство из которых — бывшие рецидивисты, он уже не сможет вновь подчинить себе генералов и солдат, которых он некогда напоил, прежде чем послать на смерть»¹⁵.

Одной из первоочередных задач, поставленных программой либералов, была реформа системы государственного аппарата. Наибольшее недовольство оппозиции вызывало отсутствие принципа от-

14. *Gambetta L.* Discours et plaidoyers politiques. Paris, 1881. Vol. 1. P. 18.

15. *La Lanterne.* No. 51. 1869.

ветственности министров перед Законодательным корпусом. Либералы полагали, что министр наравне с депутатом должен быть контролируемым нацией. Подобное соображение встретило сопротивление со стороны председателя Государственного совета и ближайшего сподвижника Наполеона III Э. Руэра; по его словам, при наличии всеобщего избирательного права и народного суверенитета высшая ответственность может возлагаться только на народного ставленника — императора¹⁶. То есть принцип разделения и взаимной ответственности властей должен быть сведен к минимуму. Однако со стороны бонапартистов не последовало возмущения и резкой критики проекта реформ: скорее всего, он воспринимался ими как продолжение политической линии императора, как его официальная доктрина, но отнюдь не как победа «достучавшейся» до главы государства либеральной оппозиции. Другой преданный императору политический деятель, сенатор герцог де Персиньи, предложил свой вариант министерской реформы: «для упрочения свобод необходимо, чтобы министры присутствовали при дебатах в парламенте... но только депутатам должны быть отданы пальмы красноречия, а министры не должны брать слово, поскольку они подчиняются лишь императору»¹⁷. Следовательно, присутствие министров в парламенте становилось лишь видимостью их ответственности.

Как видно из документально зафиксированных парламентских дебатов двух последующих лет, император пошел по пути, предложенному Оливье.

16. Archives nationales. Fonds Rouher. 45 AP-1. Correspondance avec l'Empereur.

17. Archives nationales. Fonds Persigny. Compte Rendu du Sénat. 11 Mars 1867. 44 AP-16.

Отныне министры должны были присутствовать на заседаниях Законодательного корпуса, их свободно критиковали члены оппозиционных партий, в том числе и самые радикальные республиканцы, и министры брали слово, давали отчет и объяснение своей деятельности. Характерно, что в дебатах 1868–1870 гг. можно наблюдать резкий рост количества подаваемых оппозицией запросов министрам. Далеко не каждый такой запрос рассматривался, но все же министры отчитывались о наиболее острых проблемах. Кроме того, согласно принятому в 1869 г. закону, для повышения ответственности министров им разрешалось совмещать свой пост с правом быть депутатом, что обязывало их участвовать в парламентских дискуссиях¹⁸. Этот закон вызвал негодование республиканцев, полагавших, что тем самым власть пытается усилить влияние в парламенте и в стране в целом своих официальных ставленников и посягает на право нации самой назначать своих представителей¹⁹. Тем не менее принцип ответственности министров был введен в действие согласно первоначальному замыслу и оказывал влияние на взаимодействие исполнительной и законодательной властей.

Сложнее складывалась ситуация с формированием нового министерства, что также предполагалось программой либералов. Основные министерские посты были сохранены за бонапартистами, император не принял прошение Руэра об отставке, так что перевес оставался на консервативной стороне, с подозрением относившейся к реформам. Очевидно, что император стремился сохранить в своем ближайшем окружении некий противовес рефор-

18. См.: *Journal Officiel*. 1869.

19. *Gambetta L. Lettres*. Paris, 1938.

маторам, дабы они не проникли в самую глубь государственного механизма. Лишь во второй половине 1869 г. император принял решение о создании коалиционного правительства, куда вошли бы и бонапартисты, и либералы. Э. Оливье получил в нем пост министра юстиции, а весной 1870 г. был назначен вице-президентом Государственного совета и получил право назначать министров из числа своих сторонников. Либералы поначалу приветствовали новое министерство, определив его как «разумный баланс правого и левого центра», «министерство примирения между императором и партиями»²⁰. Но вскоре в различных политических кругах наступило разочарование этим министерством: бонапартисты сочли его чересчур либеральным и подрывающим диктатуру порядка и полномочия государя, либералы и республиканцы понимали, что это министерство не станет «министерством свободы», будучи подконтрольным «людям 1851 г.», таким, как Руэр²¹. Вошедшие в министерство либералы были вынуждены действовать по старым законам, в рамках старой системы. Ведь кроме ответственности министров перед депутатами реформаторами не предлагалось никаких изменений в государственном аппарате, он оставался построенным по принципам авторитарной империи. Сохранились, со всей полнотой их функций, Сенат и Государственный совет — бастионы консервативных бонапартистов, в которые были назначены те, кто с самого начала помогал Луи Бонапарту проложить путь к трону, тех, кто был связан с императором узами личных обязательств и привязанностей.

20. L'Opinion nationale. 2 Janvier 1870.

21. L'Avenir national. 17 Mai 1870.

Другой серьезной проблемой оставалось положение Законодательного корпуса. Недовольство либералов вызывало то обстоятельство, что согласно конституции 1852 г. он был лишен законодательской инициативы и имел только совещательное право. Оливье и его соратники, тем не менее, не предлагали четко сформулированных мер по усилению роли парламента; как видно из предыдущей главы, либералы и вовсе отказались от законодательской инициативы — предполагалось всего лишь расширить совещательное право парламента. Эта реформа имела предысторию и была, в сущности, проведена в два этапа. Еще в 1860 г. император издал закон, согласно которому парламента получил право направлять в Сенат запросы по тем или иным законопроектам, то есть фактически оспаривать мнение Сената. Но этим правом в то время могло обладать лишь парламентарское партийное большинство, в данном случае — бонапартисты, так что новый закон оставался лишь формальной уступкой и на практике не изменил систему взаимодействия двух органов. Что касается роли либеральной оппозиции в принятии этого закона, то она была минимальной: «пятеро» еще не имели того влияния, которым они обладали в середине десятилетия, и сами либералы не оценивали этот закон как уступку власти в интересах оппозиции, среди них он вызвал разочарование²².

В начале 1867 г. с собственным проектом выступил председатель Законодательного корпуса Вальевский, первый из бонапартистов твердо вставший на сторону либералов: согласно этому проекту, парламента мог направлять запрос (адрес) в пра-

22. *Ollivier E. Démocratie et liberté.* P. 29.

вительство не только от имени бонапартистского большинства, но и прочих партий, представленных в меньшинстве (оппозиции)²³. Оливье поддержал этот проект. 19 января 1867 г. император подписал новый закон, по которому депутаты — как бонапартисты, так и оппозиция — могли подавать запрос правительству в случае отклонения их предложений или по поводу нуждающегося в более серьезном рассмотрении вопроса; также отменялась статья закона 1860 г., по которой парламент мог лишь голосовать за или против адреса правительству. Но при этом запрос правительству должен был предварительно одобряться двумя бюро Сената и четырьмя специальными комиссиями Законодательного корпуса²⁴. Таким образом, создавалась цепочка бюрократических инстанций, усложнявшая самостоятельную деятельность парламента. Очевидно, что император опасался резких шагов, равно как и полноценной парламентской свободы. Впрочем, тех же взглядов придерживались и либералы: согласно мыслям Оливье, законодательной инициативой обладает монарх, в чем и заключается сила его власти; однако злоупотребление этой властью пресекает парламент, который имеет право обсуждать и критиковать предлагаемые законы²⁵. Таким образом, парламент все же остается лишенным законотворческой функции.

Кроме того, законодательные поправки 1867 г. не изменили законотворческих функций Сената, чего, в сущности, и добивались бонапартисты, со-

23. Archives nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. La loi sur le Corps législatif.

24. Ibid.

25. *Ollivier E.* L'Empire libéral. Vol. 6. P. 432.

хранившие свои посты именно в Сенате: по словам Персиньи, Сенат — это неоспоримый и нерушимый авторитет в государстве, наиболее преданная опора императора, охраняющая его от непостоянного, подверженного многосторонним идеологическим веяниям парламента; Сенат — это основной контролер свобод. «Когда свобода опьянила нацию, когда Законодательный корпус почувствовал себя увереннее, Сенат продолжает рассматривать законы, в особенности политические, вводить в них улучшения, указывать на те ошибки, которые не замечает парламент, занятый злободневными заботами. Эти обстоятельства должны заставить почувствовать необходимость в Сенате, обратиться к его авторитету, искать поддержки в его опыте... Сенат — это равновесие и гарантия умеренности и стабильности в то время, когда свободы распространяются все шире»²⁶. Закон, принятый весной 1867 г. (одним из самых настойчивых его инициаторов был именно Персиньи), сохранял за Сенатом так называемый сенатус-консульт, то есть право обсуждения законов и внесения в них поправок вслед за Законодательным корпусом. Сенат, согласно новому закону, имел право отклонить рассмотренные в парламенте законопроекты, которые «являются направленными против Конституции, против религии, морали, свободы вероисповедания, свободы личности, против равенства граждан перед законом, против права неотчуждаемости частной собственности, против принципа несменяемости чиновников. Сенат имеет право отправить тот или иной закон на повторное рассмотрение в Законодательный корпус. Если при повторном чтении закон одобрен Законо-

26. Archives nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. Senat. Compte rendu analytique du 12 Mars 1867.

дательным корпусом без внесения поправок, Сенат вновь ставит вопрос об отклонении или принятии этого закона. В этом случае Сенат может выражать свое мнение в письменном докладе императору»²⁷. Перечисленные выше принципы, казалось бы, являются фундаментальными либеральными ценностями, однако Сенат получал явное право толковать их по своему усмотрению и забраковать как «угрозу свободе личности» любой закон, исходящий от оппозиции. Приведенный выше перечень законопроектов свидетельствует об отказе правительства удовлетворить некоторые требования либералов: например, принцип сменяемости чиновников и введения их ответственности; кроме того, закон о Сенате противоречит либеральной программе, чьей целью была отмена сенатус-консульта.

Однако осенью 1869 г. в Конституцию была внесена поправка, согласно которой любая новая поправка к основному закону должна была обсуждаться сначала в парламенте, затем передавалась в правительство, после — в Государственный совет. Если он отвергал предложение правительства, то проект возвращался в Законодательный корпус, который и должен был определять его судьбу. По сравнению с предыдущими это был более либеральный закон.

Но это нововведение не сделало парламент более влиятельным. Наиболее наглядное свидетельство функционирования новой системы — ход самих парламентских дебатов. По ним можно видеть, что чтение каждого нового проекта закона от оппозиции или подача запроса правительству рождались в муках и сопровождались бурными прениями

27. Ibid.

и проявлениями недовольства со стороны бонапартистов, часто чтение предложений либеральных законов откладывалось на последний момент или же вообще не происходило. После 19 января все преобразования и поправки поступали «сверху» и редко выходили за рамки изначально запланированных реформ; несмотря на жаркие дебаты и полную свободу слова в парламенте, где высказывались даже самые радикальные идеи республиканцев, победителем в итоге оказывалась инициатива императора: обсуждались *его* проекты. Республиканская оппозиция (Л. Гамбетта, Ж. Фавр, Ж. Симон, Ж. Ферри и др.) сочла реформу парламента фиктивной и продолжала выступать с требованием отмены законов от 19 января и замены их простым и четко прописанным правом Законодательного корпуса принимать и изменять законы без иных инстанций. Однако голоса республиканцев не были услышаны. В конце 1860-х гг. и среди либералов наступает разочарование в этой реформе: «И все же, кто, император или парламент, направляют политику в нашей стране?», — недоумевает автор одной из статей в журнале «L'Avenir national»²⁸.

В сущности, расхождения между официальной линией (император и либералы) и республиканской оппозицией касались того, кому должно принадлежать право вносить закон: монарху или народным представителям? Либералы оставляли представителю органу только расширенное право обсуждения и поправки, но не инициативы. Император сформулировал принцип парламентской реформы в одном из писем Руэру: «Наиболее важными реформами я считаю расширение полномочий

28. L'Avenir national. 3 Mars 1870.

избирательных советов: право палаты депутатов голосовать по торговым соглашениям и большую свободу права запроса и поправок»²⁹. Такая свобода была дана. Но в глазах республиканской оппозиции она произвела перемены в форме, но не в содержании, не в системе отношений между исполнительной и законодательной властями. Республиканцы отвергали умеренный парламентаризм либералов с совмещением в нем двух инициатив — монарха и Законодательного корпуса. Республиканский идеал — парламентская республика, где народ-суверен передает свое право представителям — депутатам: «Есть только одна власть, стоящая превыше всех прочих: коллективная власть всей страны, представленная депутатами»³⁰. Безжалостным оценкам подвергались деятельность парламента и государственного аппарата как безвольных марионеток, управляемым императором; архитекторы «либеральной империи» произносили много громких и красноречивых фраз о свободах и суверенитете граждан, на самом же деле ни одна из проблем не была решена — создалась лишь видимость демократии при институтах, сохранивших зависимость от воли монарха и его личных прихотей: «Наши государственные мужи, — пишет Рошфор, — настолько хорошо осознают свое раболепие, что не осмеливаются признаться в нем публично и поэтому заставляют официальные журналы писать о том, что они действительно обсуждали тот или иной закон перед его принятием»³¹. В итоге, по мнению республи-

29. Archives nationales. Fonds Bonaparte. 400 AP-44. Correspondance avec Rouher.

30. *Gambetta L.* Discours et plaidoyers politiques. Paris, 1881. Vol. 1. P. 18.

31. *La Lanterne*. No. 44. 1869.

канцев, обсуждение и принятие законов оставалось полностью срежиссированным императором: «Это пресловутое право парламентского запроса, которое подразумевает, что ни один депутат не смеет подать запрос правительству, пока оно само не сочтет нужным принять этот запрос — все эти кривляния и ужимки, придуманные для того, чтобы внушить нации и Законодательному корпусу, что он — не театр с декорациями, — и это император называет либеральными уступками?»³². По мнению республиканцев, либералы, договорившиеся с императором, превратились в новую «партию власти» взамен бонапартистской и становятся столь же управляемыми и зависимыми от решений главы государства.

Республиканцы не видели разницы между бонапартистским десятилетием и преобразованиями «либеральной империи» — согласно их позиции, самым крупным просчетом либеральной программы было сохранение полномочий монарха при демократических институтах; такая компромиссная система вредна как для монархии (она придает лицемерный характер традиционным монархическим принципам, которые, при всех их издержках, следует чтить как дань национальной истории), так и для республики, вселяя неудовлетворенность в сердца масс, делая демократические институты лицемерными. Невозможно совместить конституционную монархию со всеобщим избирательным правом, так как ответственным за судьбу народа становится монарх, а не сам народ; а фундаментальным республиканским принципом было именно возложение на народ всей ответственности за свою судьбу и за судьбу избранного им государя. Суверен — это

32. La Lanterne. No. 59. 1869.

нация, государь — лишь чиновник на службе у этой нации, и ее неотъемлемое право — требовать от этого чиновника, смещать его за неисполнение своих обязанностей. Подлинная демократия, подлинная свобода не могут быть дарованы свыше монаршей милостью: в таком виде они в любом случае останутся ущемленными, подконтрольными государю, а не народу, и тем самым происходит узурпация народных прав: «Свобода может существовать при любой форме правления, но есть только один режим, который гарантирует, закрепляет свободу — республика»³³. «Ни один вид монархии не может отвечать требованиям демократии и революции, ни один вид монархии не может приспособиться к свободам и всеобщему избирательному праву»³⁴.

Бонапартисты обрушились на реформу с не менее жесткой критикой, чем республиканцы. Как уже было отмечено выше, одним из самых непримиримых противников компромисса империи с демократией был герцог де Персиньи. Он готов был одобрить реформы только если они способствовали сохранению авторитета и сильной власти императора, но постоянно предупреждал об опасностях чрезмерного потакания оппозиции. Он, будучи самым непосредственным участником событий, задействованным в государственной машине, считал смену политического курса результатом интриги либералов против бонапартистов, причем император в его описании предстает жертвой происков оппозиции, решившей захватить власть. Для республиканцев смещение монархии и демократии было преступлением против народного суве-

33. *Gambetta L.* Discours et plaidoyers politiques. Paris, 1881. Vol. 1. P. 28–30.

34. *Allain-Targé H.* La République sous l'Empire. Paris, 1939. P. 149.

ренитета, против демократии; для консерваторов это было преступлением против монархии, осквернение особы императора с его широкими полномочиями, общенациональным авторитетом, всеобъемлющим контролем над всеми институтами. Парламентский режим мешает цементированию общества на основе единой идеологии, являя собой борьбу идей и партий; раскол на мелкие группы, соперничество между ними ведут к эрозии единства, вовлекают правительство в паутину политической борьбы, в то время как оно должно быть независимо от брожений и требований партий и общества. Это, в свою очередь, подрывает авторитет самого правительства и монарха, который становится объектом нападков со стороны партий и всех недовольных деятельностью министров и парламента, но император неприкосновенен и неподсуден, за беспорядки и бедствия в стране ответствен не он, а погрязшие в мелочном соперничестве парламентские фракции: «В этой ситуации вызывает наибольшие опасения то обстоятельство, что общественное мнение судит о деятельности правительства на основе раздоров в идеях и программах... При виде всех противоречий, раздирающих министерства, при виде верных сторонников правительства, низвергнутых врагами, при виде интриганов и подчинения интересов народа частным интересам... одни решат, что император окружен предателями среди его недостойных слуг; другие решат, что страна брошена на произвол судьбы без правителя, без руля и ветрил...»³⁵.

Персиньи — противник парламентской монархии, поскольку она нивелирует полномочия госу-

35. *Duc de Persigny. Mémoires. Paris, 1896. P. 311.*

даря и делает министров подотчетными парламенту; это приводит к узурпации властных полномочий у монарха в пользу депутатов, «поглощению власти исполнительной властью законодательной... Либералы и республиканцы стремятся к установлению режима, противоречащего как институтам империи, так и принципу американской парламентской системы, запрещающей представителям администрации, министрам, чиновникам отчитываться о своей деятельности перед парламентом»³⁶. Власть должна быть изъята у парламента — при наличии множества фракций создается фактически несколько правительств, несколько государей, страна оказывается на грани политической раздробленности. Исполнительная власть и законодательная инициатива, контроль за общественной жизнью, идеологией, разработка всех политических стратегий должны принадлежать одному лицу — монарху. «Цивилизация, — писал он, — никогда не могла сделать ни шага без воли одного человека, человека решительно действующего, поскольку только один человек может быть истинным представителем народа, активным выразителем его воли, способным выразить в себе определенную стадию развития человечества. Единство — основное условие для созидания и действия»³⁷. Преступны те либеральные принципы, согласно которым «монарх царствует, но не управляет»; монарх должен быть реально действующим, авторитетным, сильным, ибо кто, как не он, воплощает собой государство: «То, что нужно Франции — это государь, которого она любит и уважает, который царит и управляет, в котором сосредото-

36. *Duc de Persigny. Mémoires.* P. 505.

37. *Ibid.* P. 469.

на наивысшая мудрость и твердость духа, который способен прославить имя французов...»³⁸. Консерваторы возлагают все властные полномочия, ответственность и принятие решений на государя, отца нации, пастыря масс, неспособных к самоуправлению, к организации и самостоятельному формированию своих интересов и чаяний.

При этом столь верный соратник императора, как Персиньи, тем не менее, не выступает противником самой идеи «либеральной империи». Он полагает, что гражданские свободы необходимы для успокоения страстей в массах, для их просвещения, вовлечения в политическую жизнь³⁹. Можно сказать, что в данном контексте он выступает с позиций либерального консерватизма, придерживаясь верности монархии как идеального государственного строя, но при наличии гражданских свобод для поддержания мощной социальной базы режима. Опять же для консерваторов реформы — способ спасти не демократию, но императора, династию. «Нельзя не отдать должное усилиям авторитарной империи, попыткам спасти себя, шаг за шагом отвоевывая свои владения у губительного парламентаризма, низвергнувшего два предыдущих правительства...», — полагал сенатор Кантэн-Бошар⁴⁰. Если приоритет республиканцев — суверенитет нации, то для консерваторов — суверенитет монарха, который, по их мнению, ущемляется режимом «либеральной империи».

38. *Quentin-Bauchart*. Etudes et souvenirs sue la Deuxième République et le Second Empire. Paris, 1902. Vol. 2. P. 379.

39. Duc de Persigny. Mémoires. P. 499.

40. *Quentin-Bauchart*. Etudes et souvenirs sur la Deuxième République et le Second Empire. Vol. 2. P. 354.

2. Свобода прессы и собраний

Наиболее болезненным вопросом, волновавшим реформаторов, была свобода прессы. И либералов, и республиканцев возмущал факт наличия жесткой административной цензуры периодических изданий, рассмотрение так называемых преступлений прессы особой комиссией на закрытых заседаниях, сложная система предварительных разрешений и внесения финансового залога для публикации газеты или журнала. Громкие призывы оппозиции к внесению поправок в закон о прессе начали звучать еще с начала 1860-х гг., когда группа депутатов-либералов подписала обращение к императору, в котором существующий порядок был назван «противоречащим прогрессу общества... и Конституции, гарантирующей всеобщее избирательное право»⁴¹. По словам современника тех событий, историка и публициста Л. Прево-Парадоля, «всеобщее избирательное право немыслимо без политической прессы, обладающей полной свободой, которая подчиняется только суду присяжных и несет наказание только в случае наличия в ней клеветы. Эти издания должны быть дешевыми и легко доступными, дабы проникать в широкие массы, и достаточно многочисленными, чтобы представлять различные мнения и создавать равновесие для себя самих»⁴². Однако в тот период Наполеон III остался непреклонен и считал, что «стабильность превыше свободы»: именно так он ответил на воз-

41. Archives nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. Le Manifeste libéral.

42. *Prevost-Paradol L.* La France nouvelle. Paris, 1868. P. 54.

звание оппозиции, подчеркнув, что время дарования свобод еще не пришло⁴³.

В речи императора перед парламентом 19 января 1867 г. прозвучали лишь общие фразы о необходимости политических свобод, но не было дано конкретных обещаний относительно реформы свободы слова. Власть в данном случае легко понять, ведь пресса всегда была ее самым острым, опасным и непредсказуемым критиком, и общественное мнение могло пошатнуть столь кропотливо выстроенные стабильность и спокойствие. Разработка нового закона о прессе требовала искусного лавирования и компромиссов: битва мнений должна была находиться под присмотром официальной власти и не выходить за определенные рамки.

Весной 1867 г. Э. Оливье предложил императору вариант закона о прессе: отмена категории «преступлений прессы», которые отныне должны были перестать считаться уголовно наказуемыми и перейти в ведение суда присяжных наравне с обычными гражданскими делами; изъятие дел о периодической печати из ведения существовавшей доньше правительственной комиссии; разрешить любому гражданину свободно публиковать периодическое издание без предварительного денежного взноса; сокращение штрафов для прессы за «оскорбление властей» в три раза. Именно этот вариант закона стал наиболее обсуждаемым в Законодательном корпусе. Император, однако, не согласился со столь решительными мерами и в том же году предложил проект закона, согласно которому пресса ограждалась от вмешательства чиновников введением так называемых исправительных судов: в этих судах

43. Archives nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. Correspondance avec l'Empereur.

не присутствовали правительственные чиновники, но в то же время они проходили в закрытом порядке, в них не предусматривалось участие присяжных. В этой редакции закон был принят. Вопрос о подчинении прессы обычному суду присяжных так и не был рассмотрен. Либеральную оппозицию, с надеждой взиравшую на проект Оливье, возмутили подобные подмена и обман: «в таком случае не называйте это свободой», — пишет «L'Opinion nationale»⁴⁴. Либеральное издание отмечает, что император отклонил предложение Оливье разрешить обсуждение и анализ на страницах журналов парламентских дебатов. В одном из своих писем Руэру в 1868 г. Наполеон III окончательно разбивает надежды оппозиции: «необходимо обезопасить себя от нападений прессы... появляются статьи, как, например, в „L'Opinion nationale“, которые нужно передать в руки правосудия»⁴⁵.

Одновременно происходит решающее событие: Законодательный корпус к лету 1868 г., явно под давлением оппозиции, активно берется за обсуждение проблемы прессы и предлагает новый закон. Согласно его положениям, «каждый совершеннолетний гражданин Франции, обладающий гражданскими и политическими правами, может без предварительного разрешения издавать периодическое издание (под предварительным разрешением имелся в виду запрос к специальной правительственной комиссии. — М.У.); ни один журнал не может быть выпущен, если в префектуры полиции Парижа и департаментов не были поданы в течение пятнадцати дней декларации, содержащие: назва-

44. L'Opinion nationale. 2 Janvier 1868.

45. Archives nationales. Fonds Bonaparte. 400 AP-52. Correspondance avec Rouher.

ние журнала, имя, место жительства и подтверждение права издателя и редактора на издание, сведения о типографии, в которой издание должно быть отпечатано... любое противодействие вышеуказанным распоряжениям облагается штрафом согласно декрету 1852 г... гербовый сбор сокращается до пяти сантимов в департаментах Сены и до двух сантимов в остальных... от налогов освобождаются предвыборные плакаты кандидатов... штраф не может составлять более трети залога в журналах, посвященных политике или социально-экономическим вопросам... перед публикацией издание должно быть представлено в префектуру для рассмотрения главой департамента или мэром (для маленьких городов) в двух экземплярах, подписанных редактором... в качестве редактора не могут выступать члены Сената или Законодательного корпуса, в противном случае взимается штраф от 500 до 3000 франков... публикация в журнале статьи, написанной лицом, не обладающим гражданскими и политическими правами, или которому запрещено пребывание на территории Франции, облагается штрафом от 1000 до 5000 франков... по делам нарушений, совершаемых прессой, осуществляется вызов к исправительному трибуналу...»⁴⁶.

Текст этого закона исчерпывающе характеризует создавшуюся ситуацию: отныне не существует серьезных бюрократических препятствий для регистрации и публикации журнала, но суровыми остаются меры наказания за нарушение установленных правил, сохраняется особый трибунал по делам прессы, приравненных не к гражданским (как требовали либералы), а к уголовным преступлениям. Закон

46. Archives nationales. Fonds Rouher. 45 AP-5. La loi sur la presse.

сохранил прежний перечень действий, за которые пресса подвергалась наказанию: «вмешательство в частную жизнь» и «оскорбление власти» — последний пункт был особенно ненавистен республиканцам, полагавшим, что задача прессы — бичевать власть; «недостаточно просто провозгласить свободы, главное — устранить препятствия на их пути»⁴⁷. Нетрудно сделать вывод о том, что под «оскорблением власти» могло подразумеваться любое несогласие с политикой правительства, любая, даже самая невинная критика. «Либеральное правительство провозглашает уважение к свободе мнений, но обязывает эти мнения уважать авторитет власти», — с сожалением констатировал «L'Opinion nationale»⁴⁸. Реформа в области свободы печати стала самым тяжелым разочарованием для оппозиции, не только республиканской, но и либеральной.

Подтверждение тому, что положение периодических изданий отнюдь не улучшилось, мы находим в рапортах полиции департаментов и Парижа председателю Государственного совета Руэру: «процессы по делам журналов рассматриваются криминальным отделением, с помощью досье на каждый журнал и проверкой сведений о каждом журналисте... с начала года прошло уже более 200 таких дел»⁴⁹. Неутешительную картину рисуют и свидетельства журналистов и редакторов: упрощение процедуры регистрации издания и рост количества заявленных изданий теряют смысл при столь жестких наказаниях, контроль полиции ни-

47. См.: La Lanterne. 20 Janvier 1868.

48. L'Opinion nationale. 6 Février 1870.

49. Archives nationales. Fonds Rouher. 45 AP-2. Rapports du Préfet de police.

чуть не ослабел по сравнению с предыдущим десятилетием, продолжают преследования за «оскорбления власти» и подозрительное отношение к независимым журналистам⁵⁰. Согласно данным, предоставленным правительством, количество политических журналов, издаваемых в департаментах, с конца 1868 до конца 1869 г. возросло с 398 до 460⁵¹; но при этом не уточняется, какой направленности были эти журналы — оппозиционные, умеренные или бонапартистские. В Париже количество политических изданий за тот же период возросло с 82 до всего лишь 88, в то время как количество неполитических изданий росло гораздо быстрее: в конце 1868 г. их было 606, к концу 1869 г. появилось 207 новых изданий⁵². Среди рядовых граждан, простого, малообразованного народа, сохранялось скептическое отношение к свободомыслию в прессе; по свидетельству республиканца Жюля Фавра, занятого в социальной благотворительности и тесно общавшегося с крестьянством и мелкой буржуазией в департаментах, часто свободу прессы рассматривали как дарование журналам права оскорблять личность столь чтимого народом императора и сеять раздор в умах граждан, отрицая созданное Наполеоном III «консервативное государство всеобщего благосостояния»⁵³.

Тем не менее оппозиция (главным образом республиканская) продолжала настаивать на внесении в закон поправок. В 1870 г. группа депутатов во гла-

50. Archives nationales. Fonds Barrot. 271 AP-38. Correspondance.

51. Journal officiel. 8 Janvier 1870.

52. Ibid.

53. Archives nationales. Fonds Favre. 244 AP-1. Correspondance avec Gambetta.

ве с Л. Гамбетта предложила изъять из закона статью, запрещающую публиковать отчеты заседаний по преступлениям прессы. Пресса, полагали республиканцы, не будет свободна, пока она продолжает находиться в руках префектов, то есть исполнительной власти⁵⁴. В свою очередь, бонапартисты предлагали свои меры: ужесточение штрафа или тюремного заключения за оскорбление личности императора и его семьи в прессе; или же, в качестве уступки республиканцам, все же передать прессу в ведение суда присяжных, но расширить присутствие среди них административных лиц, префектов, членов городских советов и представителей местных исполнительных властей, или учредить их контроль над судами присяжных.

Ни одна, ни другая сторона не были услышаны правительством. Декларация о свободомыслии на страницах периодических изданий оставалась фиктивной при сохранении полицейского контроля; по сути, предварительная цензура (существовавшая по закону 1852 г.) заменялась цензурой после выхода журнала из печати. Такое положение позволяло выйти в свет немалому количеству новых журналов различного направления (самым известным был республиканский «La Lanterne» под редакцией Анри Рошфора), но не снимало с их издателей угрозы штрафа или тюремного заключения. «Эта мышеловка, в которую император подложил кусок сыра по имени „свобода“ — чем она отличается от прежней системы? Раньше преследовали журналы, теперь — журналистов», — писал А. Рошфор⁵⁵.

54. Journal officiel. 8 Janvier 1870.

55. La Lanterne. No. 51. 1869.

И все же, несмотря на сохранение карательных мер, «революционные» издания продолжали активнее распространяться во Франции. Если обратиться к рапортам префекта полиции Парижа, то станет ясно, что по меньшей мере в столице публике были беспрепятственно доступны запрещенные правительством издания «Le Reveil», «Le Rap-rel» и «La Révolution». Они изымались полицией при обысках «подозрительных лиц» на публичных собраниях. При этом известно, что издатели этих журналов, например, Ш. Делеклюз, находились в эмиграции в Бельгии или Швейцарии и распространяли свою пропаганду во Франции подпольно. «Эти люди пользуются полной безнаказанностью и полной свободой действий», — писал префект⁵⁶. Действительно, благодаря снятию ограничений с издания журналов республиканцы и их печатные органы получили возможность открыто высказать свое отношение к проводимым реформам и к существующему режиму. И здесь сработал неизбежный в таких ситуациях механизм: почувствовав тонкую струю свежего воздуха, защитники свободы прессы уже не могли остановиться и все их презрение к правительству, вся ярость их критики наводнили интеллектуальную жизнь французов. Неблагодарность? Да, с точки зрения правительства. Но с позиции объективной закономерности развития социальных отношений — самая здравая ситуация.

Как полагал Э. Оливье, эта реформа действительно породила явление не менее опасное, чем цензура — неуважительное отношение к власти:

56. Archives nationales. Fonds Rouher. 45 AP-8. Lettre du Préfet de police à Son Excellence Ministre de Justice.

можно ли говорить о действительно достойной свободе прессы и мнений, если под нею понимается безнаказанность хулителей и разжигание в массах презрения к национальным лидерам, высмеивание даже самых благих начинаний монарха только потому, что он вызывает личную неприязнь у автора памфлета?⁵⁷ Здесь, безусловно, необходимо разглядеть грань между рациональной критикой и откровенными издевательствами. Оливье с горечью признавал, что подобные издания нацелены на завоевание дешевой популярности у плохо образованной толпы, более того, возбуждают ее низменные инстинкты — равнодушие и анархизм; они циничны и не считаются с законами морали, которые для либералов были неотделимы от гражданских свобод; «я нахожу прискорбным, — писал Оливье, — то, что толпа, которая остается безразличной к серьезным произведениям, легко поддается влиянию этого низкого, корыстолюбивого и презрительного памфлета»⁵⁸. С другой стороны, Оливье признавал подобную картину неизбежным следствием демократизации общественных институтов и, вместе с ними, нравов — в молодом гражданском обществе свободы часто принимают карикатурные формы. Некоторые либералы и вовсе призывали не расценивать свободу прессы столь серьезно — этот шум среди толпы не расшатает государственный строй; что поистине влиятельное мнение исходит от хорошо образованных и мыслящих людей, а не от черни, и эти люди никогда не ввяжутся в «войну, объявленную империи людьми, привыкшими считать, что правительства мож-

57. *Olivier E. L'Empire libéral. Vol. 10. P. 395.*

58. *Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. II. P. 5.*

но свергнуть при помощи листовок и журнальных статей»⁵⁹.

Отношение бонапартистов к реформе прессы было неоднозначным. Персиньи признавал, что к началу 1860-х гг. цензура в периодических изданиях стала для империи губительной, подвела общество к опасной черте, так как «закручивание гаек» было эффективным только в первые годы после революции 1848 г., но на данном этапе во избежание нового взрыва необходимо предоставить нации слово. Порочность цензуры прессы в том, что она обманывает нацию, рисуя перед нею искаженный образ монарха: «самым низким поступкам или неудачам министров возносились похвалы, на страницах журналов фигурировали самые недостойные в государственном аппарате личности, а император становился мишенью гнева и насмешек публики...»⁶⁰. Таким образом, освобождение прессы и свобода слова защитили бы, по мнению Персиньи, властвующую особу от клеветы и очистили бы ее в глазах народа, обманутого не монархом, но его преступными министрами и советниками. Что, впрочем, не помешало бонапартистам обвинять либералов в чрезмерности масштабов дарования этой свободы, ибо это лишь всколыхнуло революционно настроенную часть общества⁶¹. Поэтому Персиньи настаивал на сохранении прежней системы наказания периодических изданий: он полагал, что жесткая критика власти в прессе может быть расценена как политическое преступление, а журналистов должен

59. *Claveau A. Souvenirs politiques et parlementaires d'un témoin. Paris, 1913. P. 256.*

60. *Duc de Persigny. Mémoires. P. 411.*

61. *Quentin-Bauchart. Etudes et souvenirs sur la Deuxième République et le Second Empire. Paris, 1902. Vol. 2. P. 422.*

в таком случае судить особый суд по преступлениям прессы⁶². Но, как и либералы, Персиньи полагал, что свободная пресса — наилучший способ избежать конфликтов власти и общества, их взаимных предубеждений, непонимания; пресса внесет ясность и определенность в эти отношения, общество и власть смогут свободно общаться и высказываться, общество сможет судить о государе и правительстве по их реальным делам, а не по домыслам; свобода прессы сделает бессмысленным стремление масс бунтовать, а государства — прибегать к репрессиям: «Свобода прессы — это преграда злоупотреблениям власти, амбициям и интригам. Сильной власти, действующей в интересах нации, нечего бояться и скрывать, напротив, свобода дискуссий — для ее же блага. Свобода прессы — это обмен идеями, естественный и закономерный для любого социального организма, для современного общества...»⁶³. Бонапартисты признают, что принципы 1789 г. уже давно стали национальной платформой, примиряющей все политические силы, а в число этих принципов входит и свобода слова. Поэтому в данном аспекте вопрос лучше ставить под иным углом: в какое русло нужно направлять эту свободу? Конечно же, в русло защиты авторитета императорской особы от грязи со страниц бульварной прессы, существующей ради развлечения черни. Раз уж распространение такого рода прессы в современном обществе неизбежно, задача правительства — контролировать эту прессу, защитить от нее императора и наиболее образованную часть общества⁶⁴.

62. *Duc de Persigny. Mémoires.* P. 412.

63. *Ibid.* P. 414.

64. *Comte de Maugny. Souvenirs du Second Empire.* Paris, 1889. P. 230.

Столь бурные и противоречивые страсти вокруг вопроса о свободе прессы отметили собой важную особенность данного периода. Ею стала невероятная популярность почти совсем новой отрасли общественной деятельности — политической журналистики, ее проникновение во все сферы социально-политической жизни. Журналистика отныне формирует и направляет взгляды, образ мыслей и даже стиль жизни, управляет информационными потоками, она влиятельна и доступна, она — знак эпохи, в которую общественное мнение переместилось из литературы и салонов на улицы, на страницы журналов и газет. Более полувека относительных свобод прессы не прошли бесследно для французского общества, оно научилось воспринимать широкую социальную полемику как неотъемлемую часть своей жизни, газеты и журналы стали для него наиболее эффективным способом выражения мнений и обмена информацией. Не просто популярность, но жизненная необходимость периодических изданий различных идейных направлений для французского общества того периода сравнима, например, с современной системой интернет-блогов, которые используются не просто как составляющая информационного потока и личного общения, но имеют яркую социальную окраску, влияют на политические решения и общественную жизнь, помогают в самоорганизации граждан и в выражении их требований к правительствам. Подобно тому как социальная сеть facebook и блог twitter были задействованы в эскалации массовых протестов во время «арабской весны» 2011 г., так и во второй половине XIX в. либеральные, республиканские и социалистические газеты вполне могли всколыхнуть народные волнения или развернуть полемику по острым соци-

ально-политическим вопросам. Как уже говорилось в предыдущей главе, развитие технологий и совершенствование средств связи и передвижения неизбежно сопровождается ростом потоков информации, которые распределяются в той или иной степени между их «оракулами» — прессой.

Поразительно, что еще в 1840-е гг. идеи о свободе и роли прессы, весьма схожие с идеями Оливье, высказал Ф. Р. Де Шатобриан в своих мемуарах: «Пресса — новая стихия, невиданная прежде сила, пришедшая в мир недавно; это — слово, ставшее молнией, это социальное электричество. Разве в вашей власти уничтожить ее? Чем сильнее будете вы притеснять ее, тем скорее произойдет взрыв. Следовательно, вам необходимо примириться с прессой, как примирились вы с паровой машиной»⁶⁵. Данная позиция прекрасно обозначает то место, которое заняла пресса в общественной жизни Франции (да и Европы в целом) к середине XIX в.

Другим важным пунктом либеральной программы реформ была свобода собраний, вопрос о которой становился особо острым в преддверии выборов в парламент. Бонапартистская элита, полагавшая, что такие собрания станут оазисами распространения оппозиционных идей, с начала 1850-х гг. поставила их под строгий контроль полиции, что на деле чаще всего означало их разгон либо запрет. «Разрешить подобные собрания — значит возродить якобинский террор», — писал проправительственный журнал «*La Patrie*»⁶⁶. Однако Оливье и его соратники считали свободу собраний необходимой для эффективного функционирования всеобщего изби-

65. Шатобриан Ф. Р. Замогильные записки. С. 401.

66. *La Patrie*. 21 Janvier 1867.

рательного права: свободные и справедливые выборы могут происходить только после непосредственной встречи кандидатов с избирателями, при публичном оглашении программы партии, которую кандидат подробно разъясняет на языке, доступном широким массам, тем самым вверяя себя суду электората⁶⁷. Республиканская оппозиция указывала на абсурдность существовавшей системы контроля за собраниями и деления их на «преступные» и «законные»: «Это немислимо, — писал Л. Гамбетта, — запретить гражданину делиться своим мнением с соседом, будь то журналист или обыватель, под предлогом того, что мнение, родившееся из этой беседы, означает преступление. Невозможно объяснить, каким образом совокупность законных действий может составить преступление»⁶⁸.

Незадолго до начала реформ Наполеон III писал Руэру: «Наша власть основана на общественном мнении, и преступление им пренебрегать»⁶⁹. Но тут же император уточнял: «общественное мнение необходимо регулировать». Очевидно, что закон о свободе собраний ждала та же участь, что и закон о свободе прессы: разрешено все, но под контролем полиции. Именно так и был составлен новый закон: свободными, без предварительного разрешения и наблюдателя от полиции, объявлялись собрания по большинству социальных вопросов. Для политических собраний существовала особая статья: они разрешались, но о них нужно было подать заявку в полицию за 20 дней до проведе-

67. *Ollivier E. Démocratie et Liberté. P. 373.*

68. *Gambetta L. Discours et plaidoyers politiques. Paris, 1881. Vol. 1. P. 44.*

69. *Archives nationales. Fonds Bonaparte. 400 AP-44. Correspondance avec Rouher.*

ния, и на каждом таком собрании присутствовал полицейский агент. Этот принцип распространялся и на публичные собрания, и на частные (проводимые без участия общественных деятелей, кандидатов в депутаты и т. д.). Вопрос о свободе собраний вызвал не менее ожесточенные прения, чем закон о прессе: так, бонапартисты в парламенте бойкотировали законопроект и требовали полного запрета собраний по политическим вопросам. Однако победила более гибкая позиция правительства.

Сохранилось большое количество рапортов комиссаров полиции, направленных министру внутренних дел, о том, как проходили собрания, что обсуждалось на них, каков был социальный состав их участников и применялись ли репрессивные меры со стороны властей. Судя по этим рапортам, политические собрания как в Париже, так и в департаментах в 1868—1870 гг. были весьма частыми; обсуждались в основном вопросы о положении рабочих и трудовом законодательстве, дискуссии были горячими, но мирными; сообщения об арестах участников и разгонах полицией встречаются крайне редко⁷⁰. Полиция вмешивалась лишь в тех случаях, когда на собраниях случались беспорядки, грозившие нарушением общественного спокойствия, или в проводившиеся спонтанно, без предварительного уведомления муниципальной администрации. Однако, как ни парадоксально, свободно, без арестов проходили даже те собрания, на которых звучали самые радикальные политические лозунги с призывами свержения власти императора и установления республики, где выдвигались откровенно социалистические требова-

70. См.: Archives nationales. Fonds Rouher. 45 AP-3-5.

ния. Наивысшая активность собраний пришлась на канун выборов 1869 г. и плебисцита 1870 г. Например, в архивах депутата-либерала А. Кремье сохранилось много приглашений гражданам присутствовать на собраниях, причем эти приглашения рассылались официально, с ведома властей департаментов, и авторами их были в основном республиканцы. Протоколы этих собраний донесли до нас плохо сдерживаемую ненависть к особе императора и его политике, однако нигде не сообщается о разгоне такого собрания полицией именно по причине прозвучавших на нем речей. Отсюда можно сделать вывод о том, что свобода собраний была ограничена сугубо административными мерами (наказание за отсутствие предварительного уведомления или беспорядки), но на этих собраниях сохранялась свобода мнения.

Опять же на основе документов об этих собраниях представляется, что их проводили в основном рабочие и республиканцы, о народных собраниях с участием либералов почти не упоминается: вероятнее всего, они не представляли для властей опасности, не рассматривались ими как оппозиция и были приравнены к дискуссиям в рамках официальной идеологии империи. В сущности, реальную опасность для режима Наполеона III теперь представляли только республиканцы, не принявшие новый поворот в его политике.

Вполне предсказуемо, что республиканская оппозиция осудила и этот закон и требовала отмены пункта о предварительном уведомлении и присутствии комиссара полиции. В 1869—1870 гг. в Законодательный корпус подавались многочисленные петиции от республиканцев, свидетельствующие о происходивших тот тут, то там разгонах публичных собраний по приказу префекта полиции. Рес-

публиканец Ж. Ферри возмущался тем, что префекты сами судят о характере и степени опасности таких собраний, в то время как по Конституции это право принадлежит министру внутренних дел⁷¹. Наибольшее негодование республиканцев вызвала статья закона, согласно которой на собраниях должен был присутствовать наблюдатель от полиции. Как заметил А. Рошфор, такой закон о собраниях лишний раз доказывал лицемерный характер реформ и свобод: «империя — это полиция»⁷² (насмешка над программным лозунгом Наполеона III «империя — это мир»). На его взгляд, эта мнимая свобода была для правительства удобным способом выявлять и арестовывать «неугодных» и подозрительных. По мнению Л. Гамбетта, существует значительная разница между законными, открытыми собраниями граждан, которые являются составной частью неотъемлемых свобод, и подпольными полуполициальными собраниями, имеющими своей целью заговор или переворот в мирном демократическом обществе; но принятые законы преступно смешивают эти понятия и тем самым демонстрируют презрение и недоверие государя к своим подданным, являя миру свою истинную цель: удержать на престоле императора при помощи жалкого «подавания» народу⁷³. Гражданский мир — это не подавление любого инакомыслия или просто самостоятельного мнения, не тотальный полицейский контроль, но свобода обмена суждениями, дискуссии, которые уже самим фактом своего наличия предотвращают массовые волнения.

71. Ibid. 10 Février 1870.

72. La Lanterne. No. 42. 1869.

73. Gambetta L. Discours et plaidoyers politiques. Vol. 1. P. 66.

В конце концов, свобода собраний и мнений логически следует из договорного характера отношений государства и общества: каждая из двух сторон имеет право критиковать другую, общество-работодатель должно оценивать работу нанятого им правительства, поскольку «источник права и власти — народ»⁷⁴. Собственно, в приведенных строках их автор суммирует фундаментальные принципы, укоренившиеся в общественной мысли еще со времен издания «Двух трактатов о правлении» Джона Локка — теория и принцип общественного договора, далее развитая Руссо и ставшая одним из идейных столпов сперва либерализма, затем республиканского течения.

Очень скоро власть обнаружила, что свобода собраний начала давать прямо противоположный ожиданиям результат: они стали бомбой, которую имперское здание добровольно заложило под себя — ведь именно там сосредоточилась вся долго подавляемая агрессия оппозиции, постепенно вовлекавшая и народные массы. В рапортах префекта полиции Парижа министру внутренних дел сообщалось о растущем неповиновении руководителей и участников собраний закону, собрания становятся все более стихийными и не поддающимися контролю. Префект настаивает на ужесточении репрессий против таких собраний и отмечает издержки нового закона — чрезмерность свободы порождает неуважение к власти и неповиновение ей; бурные дебаты на собраниях несут угрозу свободе: «свобода должна проникать в нравы, но не воплощаться в одержимых страстями дискуссиях и опасных теориях; она должна служить дебатам, чья цель —

74. *Gambetta L.* Discours et plaidoyers politiques. Vol. 1. P. 206.

легитимный прогресс и истинные интересы страны»⁷⁵. Здесь же префект добавляет, что подобные собрания перестают носить характер одиночных случайных волнений — они становятся все более массовыми и организованными, а «благодаря новым законам слова, произнесенные во время этих собраний, не знают границ». Так, например, выглядит уличная манифестация, произошедшая после одного из предвыборных собраний: «над площадью раздавалось пение „Марсельезы“, толпа вела себя так, как обычно ведут в моменты революционных переворотов... Силами полиции попытались восстановить порядок, было даже несколько раненых, но одной банде удалось прорваться и проследовать по бульвару. По пути они разбивали витрины, бросали камни в кареты, вооружались всем, что попадалось под руку... С криками „да здравствует Рошфор!“ и „да здравствует республика!“ они проследовали к площади Бастилии, собирая по дороге все новых сторонников... То же самое, только в еще более жестокой форме, повторилось и на следующий день, толпе удалось прорвать сопротивление полиции...»⁷⁶. Префект приходит к собственному неутешительному выводу: «Нетрудно увидеть, что предвыборная борьба превращается в революционную пропаганду, агитация партий и стремление граждан свободно высказаться на собраниях превращаются в мятеж». Эта фраза как нельзя более точно отражает парадокс — если не сказать трагедию — избирательной кампании 1869 г. и судьбы «либеральной империи» в целом: свобода, подразумевавшаяся властью как спасение империи и по-

75. Ibid. 16 Février 1869.

76. Archives nationales. Fonds Rouher. 45 AP-8. Lettre du Préfet de police à Son Excellence Ministre de Justice.

рядка, стала политическим инструментом революционной оппозиции.

Муниципальные власти были разочарованы последствиями реформы; но ее архитекторы продолжали верить в ее пользу для нации: «я не считаю, что собрания опасны для общественного порядка, — говорил Э. Оливье в своей парламентской речи. — Проводившиеся недавно собрания, на которых были высказаны мнения и суждения, которые я нахожу неутешительными, должны быть для общества не пугалом, но поводом обрести уверенность. Нация должна каждодневно расширять свои свободы. Настоящая опасность исходит не от тех, кто говорит слишком громко, но от тех, кто тихо бормочет»⁷⁷. В данном случае команда Оливье добилась поставленной цели: закон о свободе собраний, хотя и создавал некоторые административные препятствия, но не затронул свободу обмена мнениями и информацией на этих собраниях; более того, он дал ощутимый толчок общественной жизни — политические собрания стали центром общественной жизни. Для общества они стали щелью, через которую к ним проникал луч свободы, и, заглянув в эту щель, общество уже не могло остановить протест и широкие публичные дебаты. Это стало не просто нормой — скорее, стилем жизни для социальных групп, требовавших перемен: либерально или республикански настроенного среднего класса и рабочих. Другое дело, что такая свобода, став фундаментом имперского здания, начала этот фундамент расшатывать. Опять же, свобода понималась французским массовым сознанием широко: мирная агитация, дискуссия в рамках закона часто превра-

77. Journal officiel. 20 Mai 1869.

щались в уличные бунты; как заметил один из современников, «дух демократии не развит среди нас: мы либо остаемся равнодушными, либо устраиваем спонтанные манифестации, противоречащие закону и просвещению»⁷⁸.

3. Рабочий вопрос

Современники и историки часто называли Наполеона III «социалистом на троне» и эта характеристика не лишена оснований. В главе 1 мы рассмотрели, насколько серьезными считал будущий император социальные проблемы, упиравшиеся в тот период в материальное и политическое положение пролетариата. Ранняя брошюра Луи Бонапарта «Искоренение нищеты» подчас напоминает черновик «Положения рабочего класса в Англии» — увы, ее ждала далеко не столь славная судьба, хотя она и удостоилась похвалы от Луи Блана. Переворот 2 декабря возвел непреодолимую стену между Бонапартом и социалистами, его идеям социального примирения и проектам улучшения положения рабочих был вынесен приговор «социальная демагогия». Между тем император решительно воплотил свои идеи — не менее решительно, чем будущие социалистические правительства Франции; другое дело как трактовать имевшие место события. Понятно, что для социалистов и марксистов любое начинание узурпатора обращалось в фарс, но что же происходило на самом деле?

По мнению французского исследователя Г. Буале, основным достижением эпохи Второй импе-

78. Le Temps. 18 Janvier 1870.

рии следует считать не экономику, не либеральные реформы и внешнюю политику, но именно политику в области социальных отношений и решение рабочего вопроса, которое сделало Наполеона III самым прозорливым и прогрессивным монархом своего времени⁷⁹. Такая политика была продиктована отнюдь не филантропическими соображениями, но реальным положением дел: после революции 1848 г. произошли серьезные изменения в самосознании и требованиях рабочих. Они оформились как самостоятельная социальная группа, достаточно многочисленная и организованная для борьбы за свои права. Кроме того, этот класс начал претендовать на серьезную роль на политической арене, что подтвердило образование в 1864 г. Первого Интернационала. Примечательно, что французская секция Интернационала была самой крупной в Европе и почти сразу же получила легитимный статус в стране. В немалой степени стремление правительства империи пойти навстречу рабочим диктовалось страхом перед тем, что радикальная республиканская оппозиция завоевывала среди пролетариата все большую популярность и превращала его в своего союзника. Новые вопросы и задачи, связанные с активизацией требований рабочего класса, затронули также и либеральную мысль, нашли в ней свое отражение. Либерализм сделал попытку адаптировать к новой реальности свои традиционные ценности.

Подобные соображения были продиктованы объективными историческими условиями. Как полагал А. Тьер, в ходе поступательно-прогрессивного социального развития классы меняются места-

79. См.: *Boilet G.-E. La doctrine sociale de Napoléon III. Paris, 1969.*

ми и ролями в обществе, перенимают характерные черты и требования друг друга, добровольно склоняются к компромиссам, заимствуют у своих противников лучшее из их опыта общественно-политической деятельности; на смену устаревшему, утратившему свою эффективность классу приходит молодой, выражающий запросы новой реальности⁸⁰. Так произошло в ходе революции 1789 г., когда место аристократии заняла буржуазия и начала постепенно претворять в жизнь свои политические идеалы, сумев влить свежую кровь в больного организма государства. Постепенно к буржуазии, пишет Тьер, приблизится рабочий класс; достигнув должной степени зрелости (политической и экономической, то есть отражающей его возросшую роль в производстве), он сможет наравне с ней активно участвовать в решении судеб нации. Век буржуазии постепенно и неминуемо должен смениться веком пролетариата. Но пролетариату предстоит долгий путь к такому мирному и взаимовыгодному сотрудничеству, поэтому на данном этапе развития он нуждается в очень осторожном обращении: необходимо даровать ему гражданские свободы наравне с другими классами, отказаться от репрессивных мер по отношению к нему и в то же время бдительно контролировать этот класс ввиду хрупкости его положения и восприимчивости к революционной пропаганде⁸¹.

Либералы также указывали на равенство всех классов перед существующим законодательством, которое, по их мнению, создало прочную платформу для политического участия всех социальных

80. *Thiers A. Discours sur les libertés politiques. P. 19.*

81. *Ibid. P. 20.*

групп: и рабочий, и крупный промышленник имели одинаковое право голоса и выбора, позднее они получили равные возможности доступа к прессе и организации политических собраний⁸². Либералы были убеждены в том, что всем социальным слоям необходимо предоставить свободу в сотрудничестве друг с другом с целью их взаимного воспитания, просвещения бедных богатыми на основе мощного базиса — равенства гражданских прав; это должно происходить без вмешательства государства, единственная роль которого — наблюдать, сдерживать проявления радикализма, приходить на помощь в критические моменты, в то время как основой мирного сосуществования классов остается равенство всех граждан перед законом: «Наилучший вариант социальной политики правительства, — писал журнал „Revue des deux mondes“, — предоставить рабочему классу, интеллигенции и собственникам возможность сотрудничества и самоорганизации, без вмешательства какого-либо авторитета. В мире всегда и неизбежно будут существовать богатство и бедность, свобода создает неравенство. Но гораздо большее зло — неравенство прав и политического участия... Правительству надлежит предстать защитником состоятельных граждан против гнева толпы, блюстителем интересов бедных слоев в ущерб произволу сильных мира сего»⁸³. В принципе, подобная схема социального мира и сотрудничества и была заложена в фундамент бонапартистского режима. От этой же идеи отталкивались и либералы. Отрицание ими классовых противоречий, должных исчезнуть, по их мнению, с установлени-

82. Darimon A. Histoire d'un parti. Paris, 1887. P. 230.

83. Revue des deux mondes. 1 Avril 1868.

ем политического равенства, в свое время стало одним из ключевых пунктов их полемики с марксистами и категорического неприятия социалистами наполеоновской идеи. В трудах Оливье и его коллег мы не находим ни глубокого анализа классовой структуры нового французского общества, ни размышлений о социальных последствиях промышленной революции, ни размышлений об экономических моделях новой эпохи. Либералы ограничились проблемой материального и политического положения рабочего класса и поиска идеального варианта сглаживания противоречий промышленников–пролетарий. И пусть этому вопросу они уделили не первостепенное внимание, но поразителен сам факт обращения к такому вопросу, ибо классический французский либерализм обходил социальные проблемы, предпочитая сосредоточиться на конституционализме и народном представительстве в политике. В этом плане, безусловно, команда Оливье предстает решительным новатором.

Оливье считал рабочие объединения, созданные с какой бы то ни было целью, правом столь же легитимным и естественным, как и политические собрания. Он отождествляет их со средневековыми ремесленными гильдиями и цехами, создававшимися с целью законной защиты своих прав, мирного осуществления своих требований путем диалога с муниципалитетом, но отнюдь не с заговорщической целью. Поэтому и не следует считать рабочую ассоциацию революционной организацией. Бесспорно, пролетариат на данном этапе — взрывоопасная группа, наиболее восприимчивая к социалистическим идеям и революционной пропаганде, но свобода создания рабочих объединений поможет разрешать конфликтные ситуации. Ассоциации рабочих создаются ими с целью защиты их

от беззакония и произвола со стороны предпринимателей; если каждый рабочий в одиночку имеет право требовать уважения его прав (заработная плата, продолжительность трудового дня и т. п.), то почему рабочие не могут сделать это коллективно? Коллективное действие отнюдь не есть синоним мятежа. Гражданин, по конституции, имеет право на сопротивление политическому угнетению, значит, он имеет право на сопротивление и угнетению экономическому. Данные объединения помогут рабочим выработать план действий, согласовать все требования и условия, вести диалог с предпринимателем мирно и законно, посредством выбора из рабочей среды наиболее активных, облеченных доверием рабочей массы и готовых к сотрудничеству с патронатом ради интересов рабочих⁸⁴. Такая ассоциация, продолжая Оливье, превращает забастовку не в стихийный бунт, но в правомерную акцию, мирную и контролируруемую: узаконенное объединение и его неформальные лидеры отойдут от «варварских» методов самовыражения. А это — еще один способ предотвратить революцию. Рабочее объединение выполняет роль «ночного сторожа»: оно действует постоянно с целью непрерывного надзора за соблюдением прав и обязанностей со стороны и рабочих, и предпринимателей, то есть осуществляет двойное сдерживание. Забастовка — не преступление, если она осуществляется по продуманному плану, с четкими требованиями, мирно и организовано, на уровне переговоров, а не бунта⁸⁵. Наиболее мудрым решением, полагает А. Даримон, было предоставить рабочим пра-

84. *Ollivier E. Démocratie et liberté. P. 148.*

85. *Ibid. P. 148.*

во самоорганизации, что, в сущности, полностью удовлетворяет их требованиям и представлениям о свободе: «Рабочие, убежденные в том, что свобода есть одновременно гарантия порядка, эффективной работы и богатый источник благополучия нравственного и материального, требуют от государства лишь одного — позволить им самим улучшать условия своего труда и существования их же собственными силами»⁸⁶.

В то же время Оливье считал необходимым и объединение предпринимателей в тех же целях, что и рабочих: для ведения мирного и упорядоченного диалога с бастующими. Патрон в одиночку беззащитен перед бастующими и из страха пойдет на любые уступки, что, разумеется, нежелательно. В ассоциации же с другими патрон будет приравнен к своим работникам и, с другой стороны, защищен своими коллегами, так что появится возможность для мирных переговоров на основе взаимных компромиссов, а не угроз или репрессий⁸⁷. Таким образом осуществляется взаимный контроль и взаимное сдерживание на предприятии, ассоциация дисциплинирует и рабочего, и патрона. По мнению Оливье, свобода ассоциаций, как и свобода общественного мнения и прессы, воспитает в рабочем все достойнейшие гражданские добродетели: способность к коллективному сосуществованию, взаимодействию, уступкам, взаимопомощи, к отказу от личной корысти во имя общей цели. Предприятие — это некий микрополис, модель демократического сообщества, чья цель — воспитание гражданина вне зависимости от рода его занятий. Предприятие впол-

86. *Darimon A.* Histoire d'un parti. Paris, 1887. P. 88.

87. *Ollivier E.* Démocratie et liberté. P. 156.

не может стать моделью взаимодействия общества и власти; поэтому союз труда и капитала, по мысли Оливье, должен носить характер именно гражданского, а не экономического партнерства.

Контроль рабочих за патроном, считал Оливье, аналогичен контролю нации над монархом; принципы парламентаризма и народного суверенитета должны распространиться на все общество, на все отношения⁸⁸. Более того, Оливье выступает сторонником регулярных встреч рабочих ассоциаций с патронами для обсуждения текущих вопросов и выработки планов и договоров на будущее — такая практика сделает невозможной саму забастовку, а по своим принципам и методам будет аналогична парламентским дебатам и ответу на предложенный монархом законопроект. К рабочим, которые выражают свои требования недозволенным образом, нельзя применять репрессивные, устрашающие меры — их необходимо карать либо штрафом, либо общим порицанием внутри коллектива.

Одновременно Оливье предупреждает о недостатках таких объединений: они могут перерасти в профсоюзы, жестко иерархические объединения, принуждающие независимых рабочих в них вступать, находящиеся под влиянием социалистов. Профсоюзы на постоянной основе — это просто-напросто рабочая бюрократия, преследующая свои личные выгоды, а не интересы всех трудящихся на предприятии, бюрократия со всеми присущими ей пороками; профсоюзы создадут на предприятии лишний аппарат принуждения. На самом деле, конечно же, отказ как правительства, так и либералов признать во Франции профсоюзные орга-

88. *Ollivier E. Démocratie et liberté. P. 170.*

низации на постоянной основе диктовался страхом перед социалистами — именно через профсоюзы они могли начать распространять свое влияние, именно профсоюзы превратились бы в мощные бастионы и реального противника капитала. Поэтому закон не должен обязывать рабочих к формированию ассоциации, она разрешается как добровольное временное объединение⁸⁹. Интересно отметить, что среди размышлений Оливье содержится и его краткое, но емко сформулированное отношение к Интернационалу: он признавал создание подобной организации неизбежным — раз уж рабочие вышли на тропу борьбы за свои политические и экономические права, им необходима организация, которая бы занялась их гражданским воспитанием и отвечала бы за цивилизованный метод переговоров с капиталом. Однако эта организация была создана социалистической элитой — людьми хорошо образованными, прогрессивно мыслящими и не «испорченными» черным фабричным трудом, в то время как основная масса рабочих — это люди, трудящиеся и живущие в тяжелых, почти скотских условиях. И прежде чем заняться их политическим просвещением, необходимо обеспечить им достойную жизнь и условия труда; простого рабочего заботит прежде всего его хлеб, справедливое вознаграждение за труд и его право на сопротивление произволу патрона. Поэтому на сегодняшний момент, как полагал Оливье, Интернационал функционирует как клуб социалистов-интеллектуалов, а реальным механизмом действия в жизни рабочих должны стать именно ассоциации на предприятиях⁹⁰.

89. *Ollivier E.* L'Empire libéral. Vol. 6. P. 573.

90. *Ibid.* Vol. II. P. 81.

Между тем политику государства по отношению к рабочим и капиталу Оливье определил как покровительственное невмешательство. Задача государства — не предоставление рабочим щедрых пособий, пенсий и каких-либо социальных гарантий; все это входит в компетенцию предпринимателя, и подобные вопросы должны оговариваться между ним и рабочими в ходе собраний ассоциаций. Государство должно лишь предоставить рабочему, как и любому индивиду, максимальную свободу и широту возможностей для самореализации и саморазвития. Это шло об руку с основами экономической политики Наполеона III — свобода рынка от любого вмешательства. Принцип свободной конкуренции служил залогом общественных и экономических свобод, «невидимая рука» предназначается не только экономике, но и социальным отношениям. «Государство должно олицетворять свободу и иногда выступать в качестве полицейского, но не благодетеля... Недопустимо, чтобы государственный социализм, контролируя работу и капитал индивида, посягал таким образом на его судьбу. Государственный социализм уничтожает желание трудиться и развиваться, все то, чем человек отличается от животного»⁹¹. Основная задача государства по отношению к рабочим — предоставить им все необходимые свободы, с тем чтобы уже сами рабочие могли распорядиться ими по своему усмотрению: «Необходимо, чтобы рабочие отказались от мысли о государстве-благодетеле и видели в предоставленной им свободе и гарантиях прав индивида возможность работать и определять свой заработок независимо от правительства...»⁹². Таким

91. *Ollivier E.* L'Empire libéral. Vol. 13. P. 244.

92. *Darimon A.* Histoire d'un parti. P. 92.

образом, функция защиты подданных со стороны государства состоит не столько в даровании, сколько в «высвобождении» естественных прав и свобод индивида, невмешательстве в них, соблюдении их неприкосновенности. Однако существует и покровительственная часть этой доктрины, уже занявшая прочное место в виде внедренной императором практики создания касс взаимопомощи и кредитов для рабочих — прототипов пособий по производственному травматизму и пенсий. Оливье принимал такую политику, но более полезным и существенным на данный момент считал именно учреждение ассоциаций на производстве, на которые ложилась вся ответственность по улучшению условий труда и благосостояния рабочих.

Некоторые изменения в рабочем законодательстве были сделаны еще до начала либеральных реформ. В 1864 г. указом императора был отменен восстановленный после поражения социалистов в революции 1848 г. и вызывавший наибольшую ненависть рабочих и социалистов закон Ле Шапелье (1791 г.), запрещающий создание объединений рабочих на предприятии. Отныне рабочие получали право организовывать ассоциации для переговоров с патроном и собрания для обсуждения насущных вопросов. Либералы расценивали его как важнейший шаг на пути империи к свободам — «Нантский эдикт для рабочих, дарованный императором-социалистом», — писал соратник Оливье А. Клаво⁹³. Однако этот закон не разрешил создание постоянно действующих профсоюзов, он открыл путь лишь временным ассоциациям, собирающимся исключительно для урегулирования забастовок. Та-

93. *Claveau A. Souvenirs politiques et parlementaires d'un témoin. Paris, 1913. P. 50.*

кая недоработка вызвала протест республиканцев, настаивавших на полном самоуправлении рабочих⁹⁴. Но либералы (не привлеченные к участию в разработке закона) встретили его с восторгом: это был, как они считали, символ свободы, нацеленной одновременно и на благо народа, и на предотвращение революции; «я счастлив, — говорил в своей парламентской речи Э. Оливье, — что теперь рабочие могут свободно дискутировать и собираться, что раньше было привилегией богатых и образованных... что теперь они сами себе хозяева и могут прилагать усилия для улучшения своих условий труда и бороться за свои права»⁹⁵.

К концу 1860-х гг. размах борьбы рабочих за свои права сильно возрос. Сохранившиеся отчеты комиссаров полиции и префектов Парижа и департаментов пронизаны страхом перед новой социальной силой, которая, как признают представители властей, обрела самостоятельность и политическое самосознание, все более смело предъявляет свои требования и при этом «весьма подвержены влияниям политических партий»⁹⁶. Рабочие, согласно этим рапортам, были самыми активными участниками политических собраний вне предприятий; на встречах с лидерами республиканцев они обсуждали проблемы социального законодательства: сокращение рабочего дня до 10 часов без снижения заработной платы, запрет детского труда, равенство оплаты мужского и женского труда, повышение зарплат, улучшение жилищных условий и строительство

94. *Gambetta L.* Discours et plaidoyers politiques. Vol. 1. P. 141.

95. Archives nationales. Fonds Persigny. 44 AP-16. La situation de l'Empire.

96. Archives Rouher. Archives nationales. 45 AP-19. Rapports du Préfet de police.

специального жилья для рабочих, создание профсоюзов вместо временных ассоциаций.

Отмена закона Ле Шапелье привела к тому, что эти собрания стали легализованными. Согласно отчетам полиции, многие из них были мирными и заканчивались договоренностями с предпринимателем и без насилия. Но нередко арестовывались те, кто выдвигал политические лозунги, призывал к свержению режима, «нарушал общественное спокойствие». Рабочие требовали создания страховых обществ для работников предприятия, причем руководить ими должны были бы сами рабочие, а не патроны. Государство всячески этому сопротивлялось. Так, один из префектов писал министру внутренних дел: «правительство империи сделало все возможное для улучшения условий труда рабочих, поэтому эти общества — бесполезны и опасны»⁹⁷. Но невозможно отрицать тот факт, что благодаря новому рабочему законодательству рабочие получили больше возможностей для участия в политической жизни страны. Так, во время общенациональных выборов 1869 г. было выдвинуто немало кандидатов, происходивших из среды рабочих или же представлявших их интересы, а в Париже эти кандидаты и вовсе одерживали победу⁹⁸.

В 1869 г. император предложил план усовершенствования закона о рабочих ассоциациях с целью достижения более тесного взаимодействия между рабочими, предпринимателями и местными властями: «что касается вопроса о труде, то необходимо в каждом департаменте сформировать комиссию, состоящую из членов муниципальных советов,

97. Ibid.

98. L' Avenir national. 25 Mai 1869.

промышленников и рабочих, дабы они смогли совместно обсудить свои требования и предложить решения для улучшения их благосостояния»⁹⁹. Несомненно, правительство было напугано растущей мощью рабочего движения и его связью с республиканской оппозицией. Но судьба вышеуказанного проекта неизвестна, как и судьба предложения Оливье создать специальную Палату труда, куда приглашались бы предприниматели, активисты рабочих ассоциаций, экономисты и журналисты. Целью Палаты должно было стать регулирование отношений пролетариата и предпринимателей; это должно было быть «ухо, постоянно открытое народным жалобам»¹⁰⁰. Император одобрил этот проект, однако учреждение комиссии было прервано начавшейся войной с Пруссией.

Республиканская оппозиция встретила закон об ассоциациях с сомнением. Как и либералы, республиканцы считали создание коалиций важным элементом самоорганизации, воспитания и развития политической активности рабочих¹⁰¹, но для них первостепенное значение имела борьба не только за гражданские права рабочих, но за все сферы их жизни — регулирование отношений с предпринимателем, борьба за повышение заработной платы, улучшение условий труда, увеличение суммы и количества пособий, бытовые вопросы и строительство жилья для рабочих. Так, республиканцы категорически отрицали возможность сотрудничества рабочих и буржуазии (именно этот прин-

99. Archives nationales. Fonds Bonaparte. 400 AP-44. Correspondance avec le Ministre de l'Intérieur.

100. Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. 13. P. 248.

101. Allain-Targé H. La République sous l'Empire. P. 133.

цип они считали типичным бонапартистским лавированием); для них немислимо было сотрудничество класса эксплуататоров и класса эксплуатируемых, последние должны силой вернуть себе узурпированные права. Одним из требований республиканцев было создание профсоюзов, а не ассоциаций — профсоюзы должны были существовать на постоянной основе и помогать в решении широкого круга проблем рабочих, в отличие от ассоциаций, чья деятельность фактически сводилась лишь к организации забастовок. Для республиканцев закон 1864 г. был не более чем «фарсом»¹⁰². Такой подход, в свою очередь, заставил либералов обвинить республиканцев в попытках злоупотребления политическими свободами и стремлении нарушить «естественный ход социального развития»¹⁰³.

Для бонапартистов новый закон был прежде всего опасной мерой, способной привести к революции: легализация забастовок приравнивалась ими к допущению стихийного бунта и могла способствовать незаконной агитации среди широких масс. Но в то же время, как они считали, этот закон окажется далеко не бесполезным, если его разумно отредактировать и внести в него пункт о строгом контроле за деятельностью активистов рабочего движения на предприятиях: «Можно поддерживать свободу коалиций, ограничив их собрания только производственными делами и запретив собрания вне производства... Ввести личную ответственность для тех, кто подстрекал рабочих на восстание... Положения этого закона должны быть достаточно либеральными и в меру ограничиваю-

102. *Gambetta L.* Discours et plaidoyers politiques. Vol. 1. P. 141.

103. *Darimon A.* Histoire d'un parti. P. 407.

щими с целью пресечения выступлений и установления мира»¹⁰⁴. При этом консервативная сторона отмечает, что, бесспорно, благо государства невозможно без благосостояния его подданных, что задача правительства — примирение враждующих классов, но на основе медленного, поступательного движения этих классов (главным образом рабочего) к прогрессу, постепенного дарования ему свобод, строго подконтрольных исполнительной власти¹⁰⁵.

Либералы подошли к оценке закона о рабочих объединениях с тех же позиций сотрудничества и взаимной ответственности при помощи широких свобод, что и к общественным собраниям и прессе. Свобода ассоциаций и переговоров с предпринимателями была мерой, бесспорно, решительной и прогрессивной: она отвечала насущным запросам рабочего класса и проявила заботу о его интересах. Конечно же, нельзя отрицать то, что эти меры были вынужденными и изначально были продиктованы страхом перед революцией и, по мнению ряда исследователей, желанием спасти прежде всего империю¹⁰⁶; но это доказывает и осознание либеральными лидерами вызовов новой эпохи и нового социального класса. Тьер действительно сделал весьма меткое историческое наблюдение (см. выше): каждый новый поворот общественного, индустриального и политического развития выводит на арену борьбы новую социальную группу — невнимание власти

104. *Quentin-Bauchart*. Etudes et souvenirs sur la Deuxième République et le Second Empire. Vol. 2. P. 367.

105. Ibid. P. 368; *Duc de Persigny*. Mémoires. P. 450.

106. См.: *Girard L.* Les libéraux Français. 1814–1875; *Plessis A.* De la fête impériale au mur des fédérés. 1852–1871; *Jardin A.* Histoire du libéralisme politique; *Duclos J.* De Napoléon III à de Gaulle. Paris, 1964.

к требованиям пролетариата обернется столь же трагично, как некогда обернулось невнимание к пробудившемуся третьему сословию. Несомненно, что в данных обстоятельствах либерализм уже не мог оставаться глухим к голосу молодого социального слоя: это был не только вопрос выживания империи как политической системы, но и тот «дух времени», «дух прогресса», о котором еще ранее говорил Наполеон III вслед за мыслителями-социалистами — тот дух, который обрел силу и возможность направлять политику государей. Именно эта способность уловить тенденции эпохи, по мнению ряда исследователей, обеспечивает Наполеону III прочное место среди выдающихся социальных реформаторов XIX в., таких, как Б. Дизраэли и У. Гладстон¹⁰⁷.

4. Конституция 1870 г.

Реформы были закреплены в новой Конституции, разработанной всего за месяц либерально-бонапартистским правительством, куда входил и Э. Оливье (он занял пост министра юстиции, однако ему император доверил формирование нового министерства из числа давних соратников Оливье и сочувствовавших реформаторам бонапартистов). Обсуждение новой Конституции в парламенте проходило достаточно спокойно: участвовали в нем

107. См.: *Du Bousquet B.* Un grand méconnu. Napoléon III. Paris, 1905; *Boilet G.* La doctrine sociale de Napoléon III. Paris, 1969; *Kulstein D.* Napoléon III and the working class. The California State College, 1969; *Sagnes J.* Napoléon III, le parcours d'un saint-simonien. Paris, 2008; *Anceau E.* Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Tallandier, 2008; *Boia L.* Napoléon III, le mal-aimé. Editions Les Belles Lettres, 2007; *Dufreigne J.-P.* Napoléon III: Un empereur qui rêvait... Paris, 2007.

либералы и бонапартисты, республиканцы отказались от дискуссии, будучи изначально настроенными против принятия этого документа и закрепленного в нем принципа государственного устройства страны. Работа над Конституцией была завершена к маю 1870 г., тогда же она была вынесена для одобрения на референдум и официально принята 21 мая 1870 г.

Первая глава нового основного закона гласила, что Конституция «признает, утверждает и охраняет великие принципы 1789 г.» (текст Декларации прав человека и гражданина 1789 г. был закреплен в качестве преамбулы к Конституции — от чего, впрочем, не смел отказываться ни один политический режим Франции, будь то правительство якобинцев или восстановленных Бурбонов); император «правит при содействии министров, Сената, Законодательного корпуса и Государственного совета» (ст. 10); законодательная инициатива разделена между императором, Сенатом и Законодательным корпусом (ст. 11) (в отличие от Конституции 1852 г., согласно которой лишь император обладает законодательной властью); «проекты законов император может направлять по своему усмотрению либо в Сенат, либо в Законодательный корпус» (ст. 12); окончательное право утверждения законов принадлежит императору, он же созывает и распускает Законодательный корпус (ст. 35); новая Конституция не оговаривала право императора налагать вето на принятые законы, что было некогда утверждено в Конституции 1852 г.; император объявлялся «ответственным перед французским народом, к которому он всегда имеет право обратиться» (ст. 13); император назначает и смещает министров, которые являются «ответственными» перед парламентом и могут быть членами Сената и Законодательного корпуса (ст. 19,

20; депутаты в Законодательный корпус избираются всеобщим голосованием каждые шесть лет), он имеет право обсуждать и голосовать по проектам законов (что не было прописано в предыдущей Конституции 1852 г.) (ст. 31–33); конституцию может изменить только народ по предложению императора (ст. 44)¹⁰⁸. Таким образом, в конституции закрепились три главных принципа империи: всеобщее избирательное право, народный референдум и разделение законодательной власти между монархом и парламентом. Этот принцип вызвал жесткую критику республиканцев, и еще в начале процесса разработки Конституции группа во главе с Ж. Фавром и Л. Гамбетта подала в парламент петицию с требованием уменьшить полномочия Сената в новой Конституции, ибо он «узурпирует законодательную власть и подчиняет ее исполнительной власти, отбирая у нации ее суверенитет... Законодательная власть должна принадлежать только Законодательному корпусу»¹⁰⁹. Но Оливье и его сторонники отвергли это предложение.

Конституция сохранила Государственный совет, его функции не претерпели изменений: «под руководством императора он уполномочен составлять проекты законов и предписания для местной администрации и разрешать конфликты, касающиеся административных вопросов. Совет имеет право обсуждать проекты законов вместе с Сенатом и Законодательным корпусом. Император назначает и отзывает членов Государственного совета» (ст. 38)¹¹⁰. Совет по-прежнему оставался органом, руководи-

108. Journal officiel. 20 Avril 1870. Constitution de l'Empire.

109. Journal officiel. 6 Avril 1870.

110. Ibid.

мым лично императором и сохранял за собой право вмешиваться в законотворчество (что вызвало протест республиканцев, добивавшихся уменьшения полномочий этой наиболее консервативной, по их мнению, опоры авторитарной власти). За депутатами закреплялось право подачи петиции, содержащей их требования к поправкам того или иного закона, на имя Сената или председателя Законодательного корпуса, как и было запланировано в 1867 г.; при этом было устранено препятствие на пути подачи петиции — особая депутатская комиссия, которая должна была предварительно рассмотреть эту петицию¹¹¹.

Однако Законодательный корпус не получил полноценного права законотворческой инициативы, он мог лишь обсуждать предложенные императором законы, то есть его законодательная власть заключалась в праве обсуждения. Право назначать референдум также оставалось за императором, народ не мог предлагать вопросы для общенационального голосования (чего пытались добиться республиканцы). Но существенное изменение коснулось министров — Конституция объявила их «ответственными», отныне они были обязаны отчитываться о своей работе перед парламентом. И все же, несмотря на ограниченность инициативы парламента, этот орган благодаря реформам обрел гораздо более существенную роль в законотворчестве, чем в авторитарную эпоху: он получил право внесения поправок, подачи запросов в Сенат и право контроля за деятельностью министров.

Что касается гражданских свобод, то в Конституции 1870 г. из них была прописана только одна —

111. Journal officiel. 19 Avril 1870.

всеобщее избирательное право и референдум. Остальные (свобода прессы и публичных собраний) были закреплены в отдельных специальных законах. Закон о прессе закрепил право каждого гражданина издавать периодическое издание без предварительного разрешения правительственных чиновников, но при этом сохранил цензуру в форме предоставления издания префекту департамента или мэру; сохранялся особый суд над «преступлениями прессы», вопреки проекту либералов о подчинении прессы общему для всех граждан суду присяжных¹¹². Общественные собрания объявлялись свободными, то есть для их проведения отныне не нужно было специальное предварительное уведомление, предоставляемое в полицию; но на политических собраниях (в основном предвыборных встречах кандидатов с избирателями) должен был присутствовать наблюдатель от полиции¹¹³. Важнейшей гражданской свободой Конституция признавала суверенитет нации — всеобщее избирательное право, и подразумевала прочие свободы под «соблюдением принципов 1789 г.».

Как считал Оливье, эта конституция стала «идеальной серединой между монархией и республикой», она закрепляла всю полноту парламентской борьбы народа за свои свободы, предотвращая революцию; все составляющие власти сдерживают и контролируют друг друга, в конечном итоге народный контроль через парламент и плебисцит распространяется и на Законодательный корпус, и на ответственных министров, и на императора¹¹⁴.

112. Archives nationales. Fonds Rouher. 45 AP-5. La loi sur la presse.

113. Ibid. La loi sur les réunions publiques.

114. Ollivier E. L'Empire libéral. Vol. 13. P. 343.

«Отныне французское правительство — это не каста, не партия, это — общество, народ, это — демократия», — так отозвался о сути принятой Конституции депутат-либерал де Жироньер¹¹⁵. Как мы видим, либералы уже уверенно апеллировали к понятию «демократия» и отождествляли его с современным развитым государством, с его основой. Не только либералы, но и бонапартисты признали, что новая Конституция закрепила «суверенитет нации» в качестве «главного принципа, на котором основаны наши институты»¹¹⁶. Получается, что новая Конституция должна была стать платформой для всех слоев и идеологических течений французского общества. Вслед за марксистами и социалистами ее вполне правомерно было бы назвать «социальной демагогией» и «лабиринтизмом». По положениям этой Конституции нетрудно понять, что все реформы и свободы нацелены на сохранение власти императора; однако эта цель вполне могла бы быть оправдана средствами ее достижения: все-таки власть прислушалась к обществу и дала ему свободы.

5. Итоги: выборы 1869 г. и плебисцит 1870 г.

Картина проведения реформ, их результаты и восприятие их общественностью были бы неполными без изучения последовавших за ними событий — выборов в Законодательный корпус в 1869 г. и национального референдума по реформам и новой Конституции в 1870 г. Эти события стали той самой

115. Journal officiel. 19 Avril 1870.

116. Ibid.

«практикой», задача которой — проверить на прочность теорию: либо развенчать ее как несостоятельную, либо доказать ее эффективность, либо выявить нечто совершенно новое, не вписывавшееся в изначальные планы мыслителей-реформаторов. Разумеется, именно поведение, реакция общества всегда является самой верной и строгой проверкой любой теории. Для истории же Франции любая реформаторская деятельность и вовсе стала искрой, необходимой для разжигания буйного пламени. Казалось бы, реформа должна умерить социальные страсти и так или иначе удовлетворить чаяния партий, групп, классов; однако для французов реформы всегда означали не завершение, а начало. Признание Людовиком XVI Декларации прав человека и гражданина можно считать своего рода реформой, но она повлекла за собой усиление гнева и решительности со стороны третьего сословия. Политика единственного, пожалуй, подлинно либерального монарха Луи-Филиппа была ответом на абсолютистскую реакционность последних Бурбонов; однако и она была осмеяна обществом в 1848 г. А последовавшая революция с ее значительным демократическим прорывом завершилась режимом личной власти, которому нация на тот момент с готовностью подчинилась. Что же на этот раз ответило общество «освобожденным свободам», удовлетворили ли эти свободы чаяния как нации, так и власть придерживающих? Иными словами — кто выиграл?

Франция получила возможность высказать свое отношение к либеральным реформам во время парламентских выборов весной 1869 г. и народного референдума весной 1870 г. Эти события стали итогом реформ; они выявили всю противоречивость отношения к ним нации и политических оппонен-

тов. Прежде всего, в период выборов правительство столкнулось с проблемой так называемых официальных кандидатов — бонапартистов, представлявших на выборах интересы правящей элиты и зачастую оказывающихся правительственными или муниципальными чиновниками. Либералы во главе с Оливье требовали законодательно запретить совмещение поста чиновника со статусом народного депутата: «нельзя одновременно служить двум господам — народу и императору»¹¹⁷. Однако консервативным силам во главе с Руэром удалось убедить императора в необходимости сохранения всех привилегий официальных кандидатур: по словам бонапартиста барона Ж. Давида, «они защищают правительство от его врагов и символизируют компромисс между исполнительной и законодательной властями... лучшим кандидатом для народа может быть только человек, служащий императору и правительству и представленный ими»¹¹⁸.

Тем не менее уже с конца 1868 г. в Париже и на периферии медленно, но уверенно начали набирать популярность независимые кандидаты — республиканцы и либералы. Например, правительство было серьезно встревожено итогом региональных выборов: так, в департаменте Луары впервые независимый кандидат опередил официального, набрав 10 тыс. голосов против 7 тыс.¹¹⁹. Однако в целом в департаментах оппозиционные настроения были распространены лишь в узкой среде (преимущественно рабочие и городской средний класс) и так и не одержали решительной победы: крестьянство

117. Journal officiel. 1 Avril 1869.

118. Ibid.

119. L'Opinion nationale. 7 Janvier 1868.

твердо стояло за «народного императора» и видел в нем гаранта порядка и процветания. Очагом смуты был Париж; что неудивительно, поскольку в столице шла наиболее ожесточенная борьба идей и борьба за власть. Выборы в Законодательный корпус, прошедшие 23–24 мая 1869 г., принесли в Париже значительную победу оппозиции, точнее — республиканцам: за них было отдано 125 тыс. голосов (на 100 тыс. голосов больше, чем на предыдущих выборах 1863 г.), в то время как за бонапартистов — 55 тыс. Благодаря этой победе в парламент прошли столь яркие республиканские лидеры, как Гамбетта, Пикар, Гарнье-Пажес, Ферри, Фавр, Пеллетан. Среди либералов наибольшую популярность завоевала кандидатура А. Тьера¹²⁰. Журнал «L'Opinion nationale» справедливо оценил итог выборов как «победу двух враждующих полюсов — бонапартистов и республиканцев» и «поражение либералов»¹²¹. Скорее всего, либералов того времени общество уже не воспринимало как самостоятельную силу и реально действующую оппозицию — они стали рупором имперского правительства и уже мало чем отличались от бонапартистских кандидатов. Поэтому страна разделилась на два лагеря: один, республиканский, требовал бескомпромиссных реформ, инициированных народом, а не властью; другой оставался верен императору и принимал любую его политическую линию, в том числе и либеральные реформы: они мыслились как проект императора, но не завоевание оппозиции. Один из официальных кандидатов в письме Руэру охарактеризовал социальный состав двух лагерей: «рабочие против нас, в то вре-

120. L'Opinion nationale. 25 Mai 1869.

121. Ibid.

мя как духовенство, крестьяне и средняя буржуазия на нашей стороне»¹²². Современник Л. Прево-Парадол еще за год до выборов, анализируя расклад политических сил страны, предупредил о том, что рост популярности республиканцев именно в крупных городах свидетельствовал о недостаточной политической зрелости французского народа: города сосредоточили в себе пролетариат, настроенный только на радикальные перемены, в то время как деревня оставалась «непросвещенной» и консервативной в своих политических предпочтениях, привыкшей к стабильной сильной власти государя. «Нации не хватает независимости мышления и просвещения, поэтому неудивительно, что она близка к совершению серьезных ошибок», — пишет Прево-Парадол¹²³. Не менее справедливо замечание историка Л. Жирара о том, что «итог выборов поставил империю перед дилеммой порядка и революции, а не порядка и свободы»¹²⁴, как мыслили реформаторы. «Фактически во Франции сейчас две партии — республиканцы и правительство», — писал Руэру один из префектов¹²⁵; действительно, если проследить отчеты властей департаментов, то наиболее острая борьба шла между республиканцами и официальными кандидатами, а упоминания о независимых либералах почти не встречаются. Самым серьезным проявлением недовольства были выступления рабочих — мирные, ограничивавшиеся уличным шествием или встречей с кандидатом, но слу-

122. Archives nationales. Fonds Rouher. 45 AP-3. Rapports du Ministère de l'intérieur.

123. *Prevost-Paradol L.* La France nouvelle. Paris, 1868.

124. *Girard L.* Les élections de 1869. Paris, 1960. P. 32.

125. Archives nationales. Fonds Rouher. 45 AP-3. Rapports du Préfet de police.

чались и провокационные митинги, разгонявшиеся полицией¹²⁶. Каков бы ни был итог этой борьбы, ее очевидцы свидетельствуют об ее открытости и активности, о том, что любая партия вела свободную агитацию.

Свободные собрания позволили народу высказать все накопившееся недовольство, а оппозиции — умело управлять этим недовольством в своих интересах, от пропаганды в виде листовок до подстрекательства уличных мятежей. Не отставали от республиканцев и сторонники официальных кандидатов: по сведениям «L'Avenir national», во многих департаментах по приказу префектов организовывались принудительные собрания граждан, на которых оглашалась программа бонапартистов, нередко и без участия самого кандидата¹²⁷. Интересны свидетельства республиканца-ветерана А. Кремье (некогда участвовавшего в революции 1848 г.), путешествовавшего по стране для общения с избирателями: «вера в правительство императора несокрушима... Все убеждены, что зло исходит не от правительства, а от депутатов». По словам Кремье, официальные кандидаты прибегали к «легализованным» и испытанным средствам привлечения избирателей: банкеты, бесплатные обеды и народные гуляния. Настроение избирателей Кремье описывает как «народ, запутавшийся среди предоставленных ему возможностей... в нем еще сильно воспоминание о 1848 г. и о бедах, ценой которых нам досталась свобода»¹²⁸. Жители одного малень-

126. Ibid.

127. L'Avenir national. 23 Mai 1869.

128. Archives nationales. Fonds Crémieux. 369 AP-3. Les élections de 1869.

кого провинциального городка направили письмо императору с жалобами на то, что они оказываются беззащитными под перекрестным огнем демонстраций враждующих политических сил: «мы не сомневаемся в либеральных институтах, дарованных Вашим величеством стране, но у нас есть право требовать от тех, кто называет себя либералами, сильное правительство, охраняющее свободу... Мы придерживаемся этих принципов, поскольку наш округ разделяет Ваши принципы»¹²⁹. Это не только упование на «доброе государство» — это отражение страха и недоумения народа перед излишками свободы, непонимания этих свобод, неопытность в рациональном обращении с ними. Не менее напуганы были и местные власти: «Наше терпение на исходе... Всеобщее избирательное право — прекрасная вещь в теории, но на практике зачастую превращается в спектакль... народ получил свободы и не знает, что делать с ними, понимая их как свободу бунтовать, но не свободу выбирать», — писал Руэру один чиновник¹³⁰.

Наглядное подтверждение целей и риторики официальных кандидатов можно увидеть, например, в предвыборной брошюре, распространявшейся среди шахтеров местечка Пон-Жибан в пользу вице-президента Законодательного корпуса Дю Миралья: «этот человек — близкий друг министра Руэра, надежды нашей страны, Руэра, чье могущество исходит от самого императора... голосуя за господина Дю Миралья, вы голосуете за императора... это значит голосовать за порядок, безопасность, мир, процветание и будущее ваших детей... голосуя про-

129. Archives nationales. Fonds Rouher. 45 AP-5. Rapports du Ministère de l'intérieur.

130. Ibid.

тив господина Дю Миралья, вы выбираете беспорядок и анархию... правительство выполняет свои обещания, ибо император — друг рабочих»¹³¹. Относительно этой официальной кандидатуры существует другой документ — рапорт министру внутренних дел, подписанный префектом департамента Пюи-де-Дом; в нем указывается тревога местных властей относительно того обстоятельства, что Дю Мираль не набрал ожидаемого преимущества голосов и уступил либеральному кандидату, со стороны которого, по мнению префекта, имела место коррупция: «результат не оправдал наших ожиданий; мы надеялись, что господин Дю Мираль наберет существенное преимущество голосов, но случилось обратное — агенты соперника оказались более ловкими, чем наши... Муниципальная администрация в этих краях организована неудовлетворительно: не налажен контакт между деревнями, и часто мэр знает только обитателей собственной деревни. К тому же, население здесь бедное и малообразованное, и неудивительно, что решающую роль для кандидата сыграли деньги и развлечения — столь могущественные инструменты выборов...»¹³². Местные власти были явно встревожены неудачами бонапартистов и опасались победы республиканской оппозиции. К данному письму приложено уникальное документальное свидетельство: сравнительная таблица по департаментам и коммунаам страны, в которых отмечено численное соотношение голосовавших за официальную кандидатуру и оппозицию. Из таблицы следует, что в большинстве департаментов перевес, пусть и небольшой, был на сторо-

131. Ibid.

132. Archives nationales. Fonds Rouher. 44 AP-19. Lettre du Préfet au Ministre de l'intérieur.

не официального кандидата; исключение составили коммуна Сен-Жерве (где соотношение бонапартистов и оппозиции составило 1016 против 1323), Манзар (1029 — бонапартисты, 1640 — оппозиция), Мена (712 — за бонапартистов, 1691 — за оппозицию), Монтагю (всего 414 сторонников официальных кандидатов и 1814 — оппозиционных). Для коммун, проголосовавших большинством за оппозицию, префектом сделаны примечания о том, что подобное «упущение» произошло по вине мэров, не сумевших в достаточной степени повлиять на избирателя. Отсюда можно сделать вывод о том, что местные власти уповали на мэров как на верных агентов правительства, призванных пресекать проявления оппозиционности; например, относительно коммуны, где бонапартисты победили с преимуществом 189 против 2, префектом оставлено примечание: «отличный мэр, преданный правительству». И наоборот, мэр коммуны, проголосовавшей за оппозицию, характеризуется как «предавший нас и долженствующий быть смещенным», или «не способный противостоять пропаганде оппозиции»¹³³. Таким образом, несмотря на официально провозглашенную свободу агитации и участия в выборах всех политических партий, для этой свободы существовал противовес в лице мэров — правительственных чиновников, не избравшихся народом; тем самым правительство оставило для себя лазейку административного ресурса, помогающую контролировать оппозицию и предоставлять расширенные возможности официальным кандидатам.

Агитационные предвыборные листовки, распространявшиеся либеральными кандидатами, дают

133. Ibid. Observations.

представление о степени оппозиционности или лояльности этих кандидатов к власти и о степени радикальности их программы. Например, листовка из коммуны Лудеак в Бретани, в которой кандидат обращается к избирателям: «будучи либеральным консерватором, я поддерживаю императора и его династию преданно и самоотверженно. Я приложу свои усилия к развитию наших институтов, ко всему, что способствует сохранению мира — основы процветания общества... Я приму все меры для развития народного образования... Я желаю видеть благополучие рабочего класса, добьюсь продолжения строительства в нашем краю железных дорог и шоссе — залога будущего процветания страны...»¹³⁴. Отсюда видно, что программа либералов почти не отличалась от программы официальных кандидатов — ни по формулировкам, ни по целям: и те, и другие были готовы защищать императора и идти навстречу народу во имя сохранения династии и социального мира.

Другой яркий пример предвыборной агитации — брошюра, составленная анонимно в интересах официальной кандидатуры. Она начинается с призыва к народу, «уважающему порядок и свободу, противостоящему анархии — худшей из тираний...»¹³⁵. Здесь заметны прямые совпадения с либеральными идеями: соединение свободы и порядка и предотвращение революции. Далее автор брошюры подвергает насмешкам кандидатов-республиканцев, от «бульварного писаки» А. Рошфора до Гамбетта и Ферри, «болтунов, скандалистов и заговорщиков — врагов народа». Риторика данного текста столь агрессивна,

134. Archives nationales. Fonds Rouher. 44 AP-19. Elections au Corps législatif.

135. Ibid. Appel au patriotisme.

что не вызывает сомнения в неприязни, которую питала «партия власти» к все более активизирующейся оппозиции. «Они обещают народу счастье, но на самом деле они интриганы и эксплуататоры... В оппозиции они ангелы, но, придя к власти, они станут демонами... Неужели народ пойдет вслед за Пеллетаном, который заявил, что желает добиться демократической и социальной республики и ради нее готов строить *баррикады*?!». В этом же тексте мы встречаем благосклонное отношение к либералам в лице Оливье: «господин Оливье — преданный государству человек, опытный и серьезный политический деятель, сделавший так много для страны...». Не является ли это подтверждением того обстоятельства, что либеральная оппозиция к тому времени «срослась» с властью и стала рассматриваться бонапартистами в качестве коллег в деле спасения Франции от революции? Текст показывает изменения в ценностях, к которым апеллируют бонапартисты: теперь, помимо императора и социальной стабильности, ими становятся «народ», «гражданин», «народные представители», «народный суверенитет» — ценности изначально демократические и либеральные, но в данном случае узурпированные бонапартистами для сохранения своего авторитета среди масс. «Народ — это миллионы граждан, сотворивших империю, любящие в равной степени свободу и общественный порядок»¹³⁶, — пишет аноним; свобода-и-порядок — это не только девиз обновленной бонапартистской империи, но и исконная либеральная ценность.

«Гротескная оппозиция» — так была она охарактеризована одним из парижских комиссаров поли-

136. Archives nationales. Fonds Rouher. 44 AP-19. Appel au patriotisme.

ции, наблюдавшим за ходом избирательной кампании 1869 г. Власти расценивали оппозицию, в основном наиболее радикальную — республиканцев — как «балаган», как вульгарный протест группы недовольных, которым нечего предложить, кроме бунта и которые не представляют реальной угрозы и не заслуживают серьезного к себе отношения. Освобождение избирательной кампании из-под жесткого контроля власти, свобода партийной агитации, разнообразие партий и идеологий явно сбивало правительственных чиновников с толку, ошеломляло внезапно, но воспринималось ими всего лишь как спектакль, не способный потрясти прочные основы авторитарной империи. «Парижская оппозиция смехотворна, а всеобщее избирательное право обещает превратиться в невероятное цирковое представление», — пишет очевидец¹³⁷. «У этой оппозиции есть черты, недопустимые для серьезной политической деятельности: жестокость и радикальность. Жестокость, поскольку они намерены действовать силой и стремятся навязать свои утопические взгляды. Радикальность, когда им недостает силы и они сводят свои методы к пустым словам и напрасным демонстрациям». Если республиканцы рассматривались властью только как бунтари, но не уважаемые политические соперники, то либеральная оппозиция, если верить тому же документу, фактически отождествлялась с либеральным правительством: «государство вступило на либеральный путь и предпочло сопротивляться оппозиции, нежели смириться с ней и раствориться в ней... В настоящий момент сила на стороне благоразумия, свободы и империи. У не-

137. Archives nationales. Fonds Rouher. 45 AP-8. L'opposition grotesque.

примиримой оппозиции нет шансов, она может быть только нелепой»¹³⁸. Как мы видим, государство повело двойную игру: с одной стороны, оно законодательно признало свободу партий и идеологий, но, с другой стороны, отказывалось признавать проявления оппозиционности кроме тех, которые были относительно лояльны власти и представляли для нее минимальную угрозу: такой оппозицией и были либералы.

К широким народным массам, преимущественно к рабочим, взывали и республиканцы, но затрагивали другие проблемы: то, что либеральные реформы есть лишь «обман нации в интересах тиранической власти», требования полной свободы собраний и создание профсоюзов, свержение монархии и установление республиканского народовластия¹³⁹. Один из соратников Ш. Делеклюза писал в журнале «Le Reveil»: «народ-суверен, неужели ты позволишь вновь себя обмануть? Восстань, свергни этих узурпаторов и убийц. Неужели ты не помнишь великих людей Конвента, уничтожавших предателей родины? Французы, на нынешних выборах для вас больше не изготавливают избирательные бюллетени, вы вольны сделать свой выбор — свергнуть тирана. Не ждите, пока вас освободят депутаты, защитите и освободите себя сами... Воспользуйтесь выборами: сделайте из предвыборной агитации призыв к революции!»¹⁴⁰. Такое утверждение лишней раз отражает двусмысленность ситуации, в которую государство поставило себя по отношению к непри-

138. Archives nationales. Fonds Rouher. 45 AP-8. L'opposition grotesque.

139. L'Avenir national. 23 Mai 1869.

140. Archives nationales. Fonds Rouher. 45 AP-8. Lettre du Préfet de police à Son Excellence Ministre de Justice.

миримой оппозиции: разрешив этой оппозиции свободу агитации и собраний, оно тем самым проложило ей путь к победе. Что же касается конкретно либерального блока, то среди предвыборных листовок и журнальных статей подобная практически отсутствует, либо официальные кандидаты используют изначально либеральные лозунги о «свободе, порядке и прогрессе». Это подтверждает размывание либеральной оппозиции и постепенное слияние ее с программой императора.

Поэтому неудивительно, что либералы были разочарованы итогом выборов 1869 г., считая, что раз они даровали народу свободу, то симпатии электората будут на их стороне. «Неблагодарный народ, выбравший цезаристскую демократию», — писал один из кандидатов Ж. Фавру¹⁴¹. Но рабочие отдали предпочтение республиканцам, а крестьянство и средний класс — официальным кандидатам. Реформы ассоциировались у народных масс с императором, и они верили, что только его кандидаты обеспечат идеальный баланс свободы и порядка. Либералы оказались в положении «лишних людей» — их использовала власть, но их яркая, самодостаточная программа оказалась затерявшейся и не востребовавшей между двух политических полюсов.

Итак, по итогам выборов, в стране действовали два мощных противоборствующих течения — республиканцы и бонапартисты. Рост популярности республиканцев был ощутимым, однако победа досталась им со значительным перевесом лишь в Париже, с небольшим перевесом — в Лионе, Бордо,

141. Archives nationales. Fonds Favre. 244 AP-1. La campagne électorale de 1869.

Марселе, Сент-Этьене¹⁴², остальная часть Франции отдала голоса официальным кандидатам. Это выявило упадок либеральной оппозиции как самостоятельной силы, поскольку она «пожертвовала» свои принципы императору. Современник этих событий, либерал-демократ Одиллон Барро, бывший участник революции 1848 г., дал меткое определение расстановке политических сил Франции конца 1860-х гг.: «бонапартисты надели маску либерализма — это был их последний шанс выжить»¹⁴³. Что касается республиканцев, то итоги выборов и сам ход предвыборной борьбы вселили в них надежду на развитие реальной сильной парламентской оппозиции: «Несомненно, власть парламента усилилась, и вы, депутаты, обрели столь значительное могущество, что одно ваше слово станет серьезной опасностью и существенным давлением, которые заставили бы власть уступить»¹⁴⁴. По мнению историка Т. Делора, республиканцы с их программой в наибольшей степени соответствовали потребностям времени: они учли чаяния новых классов (пролетариата), новые социально-политические условия и перегруппировку политических сил; но радикализм республиканцев напугал боявшуюся «красного призрака» бонапартистскую верхушку и либералов, что помешало их сотрудничеству¹⁴⁵. Очевидно одно: какова бы ни была степень востребованности и популярности в стране республиканской партии, это была политическая группа с четко оформившейся программой действий и целевой

142. L' Avenir national. 25 Mai 1869.

143. Archives nationales. Fonds Barrot. 271 AP-5. Correspondance.

144. Gambetta L. Discours et plaidoyers politiques. Vol. 1. P. 19.

145. Delord T. Histoire du Second Empire. Vol. 6. P. 120.

аудиторией, направленная на борьбу, а не на компромисс с властью.

Проблема выборов 1869 г. заключалась, таким образом, в динамике успеха различных политических сил по стране. В принципе, выделить географию популярности партий и изменения предпочтений электората довольно просто: Париж и крупные индустриальные города предпочли социалистов: а вслед за ними — либералов, аграрная же Франция осталась консервативно-бонапартистской. Явный перевес над бонапартистами либералы и республиканцы имели только в Париже, северных и восточных промышленных районах страны (где высока концентрация пролетариата и где буржуазия всегда была развита, самодостаточна и независима) и в нескольких крупных городах — например, в Марселе, где оппозиция набрала 47% голосов, рекордный на то время показатель. Эти предпочтения имели как политическую, так и социально-экономическую основу: республиканцы отвечали чаяниям рабочего класса и средней буржуазии — в основном профессионалов (врачей, адвокатов, преподавателей, лиц творческих профессий — тех, кого можно назвать зачатком современного «креативного класса»); буржуазия, разочарованная в императоре, еще не оправившаяся от последствий кризиса, вместе с тем традиционно скептически смотрела в сторону социализма и выбрала реформизм — либералов; интересы консервативных бонапартистов отражали в основном чиновники различного калибра и крупнейшие финансисты, банкиры, акционеры железных дорог, занятые в сферах, традиционно крепко связанных с государственным аппаратом. Деревня, для которой главным условием процветания была политическая стабильность, осталась сторонницей бонапартизма с его откровенно по-

пулистскими, простыми, четкими обещаниями и несомненно харизматичным лидером. Ярчайшим примером аграрного консерватизма можно назвать регион Вандею: по результатам голосования он оказался самым преданным императору. Неудивительно, ведь именно там в 1793 г. вспыхнула кровавая война крестьян-роялистов против революционного Конвента, именно там формировались отряды «белого» сопротивления якобинцам. Крестьянин не делал разницы между Бурбонами и Бонапартами: и те, и другие гарантировали ему экономическую стабильность, а Бонапарты к тому же закрепили за ним право собственности на землю.

Возникает в связи со сказанным выше еще один вопрос: насколько такие показатели достоверны? Бесспорно, у нас имеются цифры, засвидетельствованные в официальных документах; но отражены ли в этих цифрах реальные настроения электората? Об этом сложно судить с позиции современной избирательной системы, оснащенной экзит-поллами и системами строгой проверки бюллетеней вплоть до электронного голосования. Конечно же, и к выборам 1869 г. можно было бы применить столь острую для современности проблему фальсификаций бюллетеней в интересах правящей партии. Выше мы приводили свидетельства очевидцев, участников кампании 1869 г., согласно которым бонапартисты, партия власти, использовали «предварительные» методы склонения избирателей на свою сторону: самым распространенным методом были банкеты и народные праздники в деревнях и маленьких городах, многочисленные и яркие агитационные листовки, вмешательства полиции в публичные собрания республиканцев. Казалось бы, при тогдашней несовершенной системе подсчета голосов очень просто было бы

фальсифицировать бюллетени, однако ни в одном из письменных документов оппозиции мы не находим сомнения в честности результатов выборов и достоверности подсчета голосов. Республиканцы были недовольны главным образом репрессивными действиями властей, вмешавшихся в их предвыборную кампанию и собрания, имевшие целью агитацию; по их мнению, именно ограничение свободной агитации тормозило рост популярности оппозиционных идей среди широких масс. Вопрос об объективности подсчета голосов при выборах в фактически авторитарном государстве — вопрос крайне интересный, сложный и чрезвычайно актуальный, заслуживающий отдельного глубокого и масштабного исследования. Здесь же мы осветили этот вопрос сжато, но сохранив его сущность. Заключается она, на наш взгляд, в том, что, при всем росте популярности республиканского движения и «популяризации» бонапартизма в виде либерального реформизма, существовали объективные показатели, согласно которым республиканцы не могли получить парламентское большинство: малочисленность рабочего класса (их главной целевой аудитории) по отношению к реакционному крестьянству, составлявшему на момент выборов более 60% населения страны. В таком же отношении к нему находился и либеральный средний класс. В пользу объективности результатов выборов говорят и цифры, согласно которым популярность республиканцев пусть и не в разы, но возрастала по сравнению с предыдущими выборами 1863 г., а Париж и вовсе почти стал «красным». Если бы правящая партия действительно стремилась остановить рост оппозиции и сохранить выборы исключительно как декорации, она бы употребила свой административный ресурс для подлога результатов

голосования и давления на избирателя. Так что для оценки итогов выборов наиболее объективным фактором представляются социально-экономические характеристики целевых групп различных партий. Документальные свидетельства подтверждают, что борьба оппозиции была пусть и сопряженной со значительными трудностями, но свободной и открытой. Следовательно уровень проведения этой избирательной кампании был достаточно высок, продемонстрировав зрелость политической культуры французского общества — принцип всеобщего избирательного права оказался хорошим учителем для нации. Эти выборы заслуживают определения как «первой в политической истории Франции избирательной кампании, проведенной современными методами»¹⁴⁶.

Получается, что в данной кампании победила если не оппозиция, то принцип всеобщего избирательного права и свободной агитации. Парламентаризм, который в течение почти двух десятилетий был раздавлен авторитетом императора, все же двигался к победе над этим авторитетом, уже пошатнувшимся. Гражданские свободы, которые, согласно обвинениям оппозиции, в Конституции империи были всего лишь на бумаге, в этот раз оказались в действии и проявили себя впечатляюще: 40% голосов, собранных в совокупности либералами и республиканцами, в то время как по итогам предыдущих выборов 1863 г. эта цифра оставила около 25%.

Однако не столь обнадеживающими для оппозиции оказались процесс и результат плебисцита 8–9 мая 1870 г. Наполеон III предложил провести

146. *Girard L. Les elections de 1869. P. 123.*

его с целью узнать мнение Франции о реформах. Для императора плебисцит как прямое обращение к народу имел первостепенное значение: ведь некогда голос всей нации одобрил его режим и стал его опорой. Как был убежден сам император, прочная власть зиждется только на доверии народа¹⁴⁷.

На грядущем плебисците предполагалось поставить вопрос: одобряет ли нация политику императора и новую Конституцию? Немедленно свой протест выразили республиканцы: не столько против самой Конституции, сколько против объявления плебисцита императором: по их мнению, сам народ должен формулировать вопросы для общенационального голосования. Сам референдум должен быть инициативой исключительно народа, а не государя, ведь именно народ избрал правителя, следовательно, он один может его судить и выносить ему вотум недоверия; во-вторых, «чтобы обращаться с вопросом к народу, нужно сперва вернуть ему его свободы»¹⁴⁸.

Тем не менее было услышано другое требование оппозиции: правительство распорядилось о том, что в период плебисцита депутаты смогут проводить свободные встречи с народом и все ограничения для общественных собраний будут сняты¹⁴⁹.

Общественное мнение начало активно обсуждать преимущества и негативные последствия голосования «за» или «против». Умеренная оппозиция, либералы, призывала одобрить Конституцию: если нация отвергнет ее, страна погрузится в раздоры

147. Archives nationales. Fonds Bonaparte. 400 AP-52. Correspondance avec Persigny.

148. La Lanterne. No. 75. 1869.

149. Archives nationales. Fonds Favre. 244 AP-1. Correspondance avec Gambetta.

и анархию¹⁵⁰. Причину голосовать «за» прекрасно сформулировал отошедший от политической деятельности, но внимательно следивший за событиями либерал-«классик» Франсуа Гизо: «Я сожалею, что реформы не обсуждались Законодательным корпусом, что плебисцит, вместо того, чтобы потребовать просто одобрения реформ, требует также пересмотра Конституции и ее основ, существующих с 1852 г. ... Но эти реформы благоприятны для прогресса общественных свобод. Они обеспечивают нации легальное влияние на действия правительства»¹⁵¹. В ходе проведения реформ, несомненно, были допущены ошибки и союз либерализма с бонапартизмом представлялся сомнительным, но все же реформы — это главное препятствие революции. Лучше принять неполноценные реформы, чем отвергнуть их и тем самым создать повод для социального конфликта и расшатывания фундамента имперского здания. Позицию либералов наглядно отразила агитационная брошюра, распространявшаяся в одном из департаментов: «Вы хотите деспотизм и анархию, обыски и гражданскую войну? Военную тиранию или социализм? Вы хотите понижения заработной платы, стагнацию в производстве, безработицу и социальное недовольство? Вы хотите свободные профсоюзы и отмену частной собственности? Тогда голосуйте „против“. Мы же хотим стабильности институтов, народный суверенитет и его утверждающую власть, безопасность, работу для всех со справедливым вознаграждением, процветание общества. Мы хотим уважения к религии, собственности, правосудию

150. L'Avenir national. 20 Avril 1870.

151. L'Opinion nationale. 1 Mai 1870.

и семье. Мы хотим прогресса, порядка и свободы! Мы голосуем „за“»¹⁵².

Республиканцы призывали бойкотировать Конституцию. Она, по их мнению, не обеспечивала народовластия, подчинив парламент монарху, и сохраняла все институты в интересах правящей династии; как говорилось в петиции рабочих-республиканцев, «мы считаем, что эта Конституция дает монарху право игнорировать мнение народа, представленного в парламенте»¹⁵³. И республиканцы, и либералы сходились во мнении о том, что Конституция закрепляет главный порок бонапартистского режима: благополучие страны зависит от личности императора, его авторитета и мудрости, но не от эффективности и модернизации системы управления¹⁵⁴. Реакция на принятие новой Конституции со стороны оппозиции была предсказуемой — она расценивалась как очередное доказательство лицемерия и узурпаторского характера нового режима. А. Рошфор писал: «Я не понимаю, зачем императору понадобилось прибегать к подобным мерам. Конституция несколько не ущемляет его власти, тем более, что он нарушал ее всегда, когда ему вздумается. Я могу понять, когда вносят изменения во всеобщую конституцию, но для императора совершенно все равно — нынешняя конституция или другая... Нас заставляют присягать на верность Конституции, которая закрепляет все преступления, совершенные этим типом (императором. — М.У.)...»¹⁵⁵

152. Archives nationales. Fonds Cremieux. 369 AP-3. Les élections de 1869.

153. L'Opinion nationale. 20 Avril 1870.

154. Gaulois. 8 Mai 1870.

155. La Lanterne, No. 58. 1869.

Закрепленные Конституцией реформы, как утверждали республиканцы, жалки и половинчатые, антинародны, они планировались и проводились в интересах не нации, но противоборствующих групп внутри партии власти, сам термин «либеральная империя» и его суть — издевательство над положением народных масс, которым непонятны изощренные аристократические доктрины либерализма и ненавистна монархия, конец могущества и влияния которой положил 1789 г.: «все эти игры антидемократичны и позорны... правительство либералов ничуть не отличается от всех предшествующих монархий, оно неспособно дать народу демократические свободы. Бонапартизм привнес в партию орлеанистов ненависть к свободе, орлеанисты поделились с бонапартизмом своей ненавистью к демократии»¹⁵⁶. Не может быть построенным в интересах народа режим, идеологами которого выступали две партии, изначально противостоявшие республике; это — кощунственный лицемерный режим, возникший не по воле и чаяниям народа, но как заговор одной группы элиты против другой; преступно «смешивать интересы нации и монарха, династические интересы, внимание к личным пожеланиям Баденгэ (презрительное прозвище Наполеона III. — М.У.) и доктрину народного суверенитета...»¹⁵⁷. Республиканцы предрекали скорый конец «либеральной империи», ибо не может быть прочным здание, у которого отсутствует фундамент (народный суверенитет и политические права) — в противоречие либералам, видевшим этот фундамент уже упроченным не на

156. *Allain-Targé H. La République sous l'Empire.* P. 103.

157. *Ibid.* P. 112.

родовластием, а союзом монарха и демократических институтов и, следовательно, восстановлением мира и согласия власти и масс. С точки зрения республиканцев, режим «либеральной империи» изменил только форму, но не суть власти императора: «Ничто не изменилось в системе лживой тирании, составлявшей ядро империи, — писал А. Ален-Тарже. — Но уже сейчас очевидно, что нация не может попасться на эту удочку, и я не сомневаюсь, что монархия будет все более и более дискредитирована, в противном случае этот режим погубит страну, если народ не воспротивится его сохранению»¹⁵⁸. А. Рошфор отмечал назревание всплеска общественного недовольства, стремление к глубоким переменам — уступки императора открыли клапан, который уже не может быть вновь закупорен, общество почувствовало и самостоятельность, теперь уже оно вправе диктовать власти свои условия, на которых будет строиться их взаимное сотрудничество, а власть, если она так же либеральна, как она провозглашает, должна неминуемо внять призывам и настроениям масс¹⁵⁹.

По итогам плебисцита 8–9 мая 1870 г. около 8 млн граждан (то есть все, кто обладал избирательным правом — совершеннолетние граждане мужского пола) проголосовало за реформы и конституцию, 1,5 млн — «против» (соответственно 74 и 10%, прочие воздержались). Результат по всей Франции был достаточно однородным, кроме «мятежного» Парижа: как и на выборах 1869 г., там большинство ответило «нет» политике императора («за» — 138 406 голосов, «против» — 184 344 голоса). Однако в от-

158. Ibid. P. 115.

159. La Lanterne. No. 55. 1869.

чете министра внутренних дел императору было сказано, что по сравнению с плебисцитом 1852 г. число проголосовавших «за» в Париже и по стране уменьшилось¹⁶⁰. Журнал «L'Avenir national» высказал здравое мнение о результатах плебисцита: наверняка многие из тех, кто одобрил Конституцию, голосовали не в поддержку империи, а против революции, за социальный порядок, в надежде на постепенные перемены. Главную угрозу империи таило в себе меньшинство — непримиримые республиканцы, готовые до последнего отстаивать свои убеждения и, в отличие от многослойной либеральной партии, объединенные и организованные¹⁶¹. Интересен взгляд историка Л. Жирара на плебисцит как на успех лично императора, нежели его министра Оливье, чьи реформы «зависели от благосклонности императора, но не от доверия народного большинства»¹⁶². Жирар полагает, что такой итог плебисцита объяснил привязанный к конкретной личности и династии характер реформ; ценности либерализма уже изжили себя и срабатывали только под руководством сильной власти.

Но распределение голосов электората на выборах и плебисците создал или, точнее, выявил создание парадоксальной ситуации в стране: с одной стороны, выборы показали явный рост популярности политической альтернативы бонапартизму, с другой — плебисцит продемонстрировал верность нации особе императора и его политике. Первое объяснение этого расхождения заключается в том, что «да» императору сказали многие либералы и даже

160. Journal officiel. 10 Mai 1870; Archives Bonaparte. Archives nationales. 400 AP-52.

161. L'Avenir national. 11 Mai 1870.

162. Girard L. Les libéraux français. 1814–1875. P. 211.

часть республиканцев именно потому, что только его они воспринимали как вдохновителя реформ, только с ним была связана надежда на расширение свобод. Демократическая страна проголосовала за авторитарную власть лишь потому, что такая власть представлялась единственным гарантом демократии. Общество восприняло дарованные свободы как нельзя более адекватно и в полной мере воспользовалось ими, однако признало и необходимость лидера, направляющей руки, указывающей путь этим свободам. Отметим еще одно обстоятельство. Оливье не случайно настаивал на том, что политические партии и их лидеры зачастую могут предать чаяния избирателя и потому не следует доверять им всю полноту законотворчества — и выборы и плебисцит стали будто оправданием такого взгляда: официальных кандидатов воспринимали всего лишь как агентов императора, руководствовавшихся скорее личными, чем общенациональными интересами. Император же олицетворял нацию, именно с его указами, его личными качествами и качествами правителя связывали лучшие достижения страны: экономический рост, социальное законодательство, повышение благосостояния населения, главным образом средних классов. Те, кто отдал свои голоса оппозиции на выборах, просто выразили свою солидарность с принципами политических свобод. Но эти же граждане сказали «да» императору и сохранению его власти, ибо кто, как не он, даровал эти свободы.

Можем ли мы говорить о том, что характер и итоги выборов 1869 г. и плебисцита ознаменовали рождение во Франции «либеральной империи»? Несомненно, благодаря реформам оппозиция, сначала либеральная, затем республиканская, получила возможность громко заявить о

себе и участвовать в политической жизни страны. Выборы и плебисцит проходили в обстановке открытой и свободной политической борьбы, к чему и стремились либералы. Их итоги продемонстрировали пусть несколько расшатанное, но все еще прочное доверие нации к императору — эта цель также была достигнута. Либеральные идеи прочно укрепились как официальная государственная идеология. Выборы и плебисцит показали, что авторитарная власть и либеральное течение заключили прочный союз и на данный момент он дал успешные практические результаты — именно этого и добивались либералы и император, именно как союз монархии и свободы мыслилась реформаторами «либеральная империя». Другое дело, что этот союз имел парадоксальные, неожиданные для себя последствия: активизацию республиканской оппозиции и все большее ослабление либеральной.

Трагически и нелепо оборвавшаяся история смело-го начинания, его глубокая внутренняя противоречивость, сложность выбора, перед которым оказалась в конце 1860-х гг. империя и ее создатель — все это сделало правление Наполеона III, его эпоху и личность карикатурой в глазах современников, настроенных на решительные перемены и с мрачным удовлетворением наблюдавших конвульсии бонапартизма и великой наполеоновской идеи. «Заигрывание» императора с либерализмом, как полагали республиканцы, сделало его еще более жалким и лишний раз доказало его беспомощность перед динамично менявшимся обществом. Для всех критиков бонапартизма (не только республиканцев, но и либералов, не пожелавших «продавать» свои идеи власти с сомнительной легитимностью) реформы остались не более чем лицемерием в интересах правящей верхушки, а сам император — мо-

гильщиком свободы французского народа. Часть общественных настроений конца 1860-х — начала 1870-х гг. и закат империи отразил юный Артюр Рембо в стихотворении, написанном после поражения французских войск под Седаном, в период нахождения Наполеона III в прусском плену:

Вот бледный человек гуляет по аллее.
Сигару курит он, и черный фрак на нем.
Он вспомнил Тюильри и стал еще бледнее,
И тусклые глаза вдруг вспыхнули огнем.

Да, оргия шла двадцать лет! И ею
Сыт император, что когда-то говорил:
«Свободу, как свечу, я потушить сумею...»
Свобода вновь живет! И свет ему не мил.

Он пленник. Кто поймет, что эту душу гложет?
Каким он жгучим сожалением объят?
У императора потухший мертвый взгляд.

О Куманьке в очках он думает, быть может,
Смотря, как облаком всплывает голубым
Его раскуренной сигары легкий дым.

Заключение

Французская модель «социального либерализма»

ВТОРАЯ империя стала апогеем борьбы традиции и инновации во Франции, борьбы, не прекращавшейся с 1789 г. Недаром эту борьбу сопровождало столько язвительных и горьких замечаний о консерватизме французской политической культуры и ее неловком приспособлении к вызовам современности — от мадам де Сталь с ее признанием невозможности равенства и братства в революции до Маркса, восхищенного ловкостью «одного авантюриста, одурачившего 36-миллионную нацию». Если прежде что-либо одно — старое или новое — одерживало безусловную победу, то сейчас они напоминали противников по обе стороны баррикад, пожелавших заключить мир путем брака по расчету или необузданного любовного влечения. Они оказались на одной дороге рука об руку. Им предстояло вымостить эту дорогу — создать прочную платформу для долгой и счастливой совместной жизни.

В «Дамском счастье» Золя есть яркий и во многом символический эпизод. Главный герой, успешный молодой предприниматель Октав Муре, владелец парижского универмага, пытается уничтожить соседа-конкурента — старика-лавочника, чьи и методы ведения торговли и отношений с клиентами не соответствуют новой эпохе, а дом, в котором расположена лавка, своим убогим и обветшалым видом портит блестящее оформление нового буль-

вара, на котором находится магазин Муре. Муре и его бизнес — это, конечно, эстетизированный, пусть и слегка гротескный, символ империи: роскошь, прогресс, технологии, свободный рынок, открытость и популизм, расчет на удовлетворение запросов широких масс, ведь магазин Муре одевает всех, от фабричной работницы до светской дамы. Цель такой империи — смести все устаревшее. Но что именно есть это прошлое? Ведь оно являло собой не только старый порядок с белым знаменем Бурбонов, оно родило и фригийский колпак, и «Марсельезу», и самые радикальные на тот момент в Западном мире идеи и формы народо-властия. Что уничтожал стремительный локомотив французского XIX в. — абсолютизм? якобинскую демократию? Или же бросал их в плавильный котел, чтобы из их соединения наконец родилась новая, более гибкая и подвижная форма? Империя Наполеона III, и в особенности «либеральная империя», отчасти умышленно, отчасти по воле обстоятельств стала таким плавильным котлом политических режимов Франции начиная с манифеста аббата Сийеса о третьем сословии. По частоте смен форм правления и их экстравагантности Франция была бесспорным чемпионом Европы; однако сам *enfant terrible* вырослел и понимал, что не может далее поигрывать шпагой и должен нанести удар точно в цель. Вторая империя поколебала скептиков, убежденных, что Франция отныне существует только в двух видах — либо Бурбоны, либо экспорт революции. Страна избрала третий путь. Да, он вывел ее к экономическому чуду, международному признанию, технологическому прогрессу... и вновь разворошил «змеиное гнездо» в общественно-политической жизни. Именно это и произошло, как только империя стала либеральной.

В 1860-е гг. правительством империи был проведен смелый эксперимент по организации «сожительства» авторитарной исполнительной власти и политических свобод нации. Пренебрежение историков, противоречивая оценка и сомнения современников, спешность проведения и драматичный преждевременный финал, специфический идеологический «коктейль» — все это усложнило восприятие реформ. Попытаемся разобраться и вычленить в них главное, то, в чем состоял их прорыв и почему они заслуживают внимания как выдающийся момент в истории политических моделей государств Запада.

«Либеральную империю» во всей ее сложности и многообразии политических и социальных факторов трудно было бы понять без исследования особенностей общественной мысли той эпохи. Французский либерализм, который так внезапно и бурно пробудился от сна и забвения при Второй империи, можно считать самостоятельным идейным течением, которое некогда было незаслуженно проигнорировано историками. Несомненно, Эмиль Оливье — крупная политическая фигура того времени. Он был идеологом и творцом реформ 60-х гг. XIX в., архитектором «либеральной империи», и его труды наиболее ярко и глубоко объясняют этот феномен, дают представление о характерных для данного периода чертах либеральной мысли. Немаловажно отметить, что эти идеи были приняты на вооружение властью, прежде всего самим императором. Либерализм того времени интересен своей способностью трансформироваться и выживать и, более того, громко заявить о себе именно при авторитарном режиме. Именно поэтому политическая картина той эпохи осложнялась проблемой взаимодействия двух столь противоположных систем.

Оливье твердо стоял за сохранение власти Наполеона III и его династии, но не в ущерб преобразованиям. Он верил, что именно сильная власть позволит осуществить эти реформы наиболее безболезненно и эффективно. Свободы индивида и прежде всего гражданина — это неотчуждаемое свойство современного мира, естественное следствие социальной эволюции, работы мысли и социума; отрицать необходимость политического участия столь же глупо и бессмысленно, как отрицать научные открытия, изобретения парового двигателя и телеграфа. Поэтому любая форма власти, желающая выжить, укрепиться и сохранить доверие подданных, должна сохранить эту свободу; она может только взять на себя функцию *контролера* за степенью свобод. И в спорах со своими оппонентами Оливье стремился доказать ошибочность отождествления государства-контролера с государством-деспотией.

Концепция Оливье вместила в себя и либеральные, и демократические принципы. Исследование работ Оливье приводит нас к выводу о том, что его роднит с либерализмом «старой школы» принцип реформизма, конституционализма и неприятие революции. Свобода индивида — это традиционная либеральная ценность, но либералами Второй империи она была распространена не только на личные, но и на политические права. Сугубо демократическая идея, введение всеобщего избирательного права, становится знаменем либералов Второй империи. Либералы расстаются со скептицизмом в отношении демократии — они берут ее на вооружение, признают неизбежность ее установления. В своих работах Оливье отстаивал политические права и участие в политике каждого гражданина вне зависимости от его социального статуса, в отличие

от либералов-предшественников, полагавших, что политика — дело зажиточных и просвещенных слоев общества, интеллектуальной элиты.

Но при наличии если не всемогущего, то надежного значительными полномочиями монарха эта демократия становится управляемой. Таким образом, учитывая своеобразие трансформации либеральных идей у Оливье, мы можем назвать его концепцию реформ скорее «управляемой демократией», нежели «либеральной империей». Взгляды Оливье являют собой специфику либерализма Второй империи — демократизацию этого течения, стремление поставить его на службу не только просвещенным высшим классам, но всем социальным слоям. Его внимание к проблемам рабочего класса, к условиям труда и политическим правам этого класса — ярчайшее тому подтверждение. Да, либерализм начала XIX в. был создан аристократией и служил ей, но полвека спустя либерализм был уже подхвачен и переосмыслен буржуазией, пытавшейся сделать его более практичным, доступным, понятным, массовым, внесловным, лишенным иллюзий о солидарности триколора и белых лилий. Из рассуждений Оливье не до конца ясно, считал ли он демократию действительно идеальной организацией общества; не исключено, что он сознавал необходимость постепенной демократизации системы власти в связи с новыми требованиями времени и новыми социальными движениями и ценностями, утвердившимися в ходе революции 1848 г. Относительно идей Оливье можно согласиться с мнением французского исследователя А. Жардена: это — причудливое, рискованное и противоречивое соединение идей демократии в традициях революции 1789 г., классического либерализма эпохи Реставрации и бонапартистского социаль-

ного лавирования под авторитетом личности Наполеона III¹. Сложное переплетение либеральных и демократических идей во взглядах Оливье — вот главная черта нового французского либерализма. Отныне его уже трудно называть чистым либерализмом; скорее следует говорить о либеральной демократии.

Оливье описал классическую бонапартистскую модель плебисцитарной демократии со слабой властью представительного органа и значительной ролью референдума; можно сказать, он представил теоретическое обоснование режима Наполеона III. При таком режиме государство формально не вмешивается в гражданские свободы и права, но сохраняет прочный авторитет и сильную исполнительную власть. Гарантирует ли это общество от вмешательства государства? Зависит от мудрости правителя. Получается, что истинным правителем оказывается не система, а личность главы государства, что само по себе ставит под сомнение долговечность подобной модели. В данном случае противоречивость взглядов Оливье бросается в глаза: с одной стороны, как мы только что отметили, он оправдывает бонапартистскую модель непарламентской демократии, отказывается от принципа верховенства законодательного органа и вторит императору в его социалистической программе. С другой стороны, Оливье пытается сохранить при подобной демократии и классические либеральные принципы, декларируемые в программе реформ: расширение полномочий парламента, свободы печати и собраний, свободу политических объединений и партий, сосуществование свободы и по-

1. *Jardin A. Histoire du libéralisme politique. Paris, 1987. P. 416.*

рядка — чем это не лозунги в духе Хартии 1814 г., любимого детища либералов? Тогда кто же Оливье — либеральный демократ или либерал-бонапартист? Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Результат реформ обернулся практически противоположностью тому, какими они задумывались изначально и какими их мыслили либералы и император. Будучи проведенными в русле либеральной идеологии, они, как ни парадоксально, ослабили либеральное течение. Прежде всего, либералы, сумев получить поддержку императора, утратили статус оппозиции и по сути своей перестали быть таковой. Очевидно, что реформы носили слишком компромиссный и запоздалый характер: к концу двух десятилетий империи разрыв между авторитарным характером власти и демократизацией общества стал вопиющим и роковым. Этим объясняется рост популярности республиканской партии в ущерб авторитету либералов. Введение свободы собраний и предвыборной агитации стало одним из парадоксов эпохи — реформы, рассчитанные на укрепление императорской власти, развязали руки республиканской оппозиции, позволили ей представить свою программу, начать пробивать дорогу в парламент и усилили ее влияние в народных массах. Действительно, реформа государственного аппарата не привела к существенным изменениям в его структуре и не лишила убежденных консерваторов их постов и влияния; парламентская реформа не вернула Законодательному корпусу право законотворчества. Прессе и собраниям была дарована свобода в издании и распространении, но не отменялась суровость административных наказаний для журналистов и ораторов. Единственная реально действовавшая среди народа свобода — всеобщее избирательное право и плебисцит — показала, что

Франция все же сделала выбор не столько в пользу самих реформ, сколько в поддержку авторитета императора, провозгласившего реформы, и ассоциировавшейся с ним социальной стабильности и мира. Авторитарная власть вновь вышла победительницей в итоге плебисцита. Либералы были дискредитированы неполноценностью этих реформ и союзом с императором, лишились социальной опоры и остались в политической изоляции: «республиканцы обвинили их правительство в предательстве свобод, консерваторы — в угрозе порядку и безопасности»². Наполеон III в целях сохранения собственной власти «узурпировал» либеральную программу и сделал ее новой государственной идеологией. Таким образом, реформы обернулись против своих творцов.

Однако едва ли можно делать однозначные выводы о последствиях реформ: война с Пруссией и поражение в ней Франции прервали дальнейшие преобразования и всколыхнули революцию, свергнувшую бонапартистский режим. Незавершенность и противоречия реформ, которые, как мыслил Оливье, должны были сгладиться временем, естественным развитием общества и постепенным расширением его свобод, вскрылись войной, дискредитировавшей власть, осуществившую эти реформы. Даже популярность республиканцев и социалистов среди масс, как мы уже упоминали выше, была не столь значительной в масштабах всей страны и касалась довольно узких социальных групп; быть может, если бы не тяжелая и постыдная война, им бы понадобилось еще немало времени для прихода к руководству страной. Однако шальная

2. L'Opinion nationale. 21 Mai 1869.

пуля войны с Пруссией выбила из-под ног Франции столь, казалось, прочный и блистательный пьедестал; сложившиеся обстоятельства сами толкнули республиканцев к победе.

Политика правительства Наполеона III позволяет задуматься над рядом вопросов. Первый из них: можно ли на основе изучения истории либеральных преобразований переосмыслить сущность бонапартистского режима, а также его генезис и развитие? С одной стороны, мы полностью поддерживаем тезис Маркса о том, что Наполеон III выстроил свой режим с учетом развития экономических и производительных сил, появления нового класса — пролетариата — и выхода его на политическую арену, самореализации его как провозвестника новых социальных отношений и конфликтов; повышенное внимание императора к экономическому развитию страны и рабочему вопросу — ярчайшее тому свидетельство. Однако утверждение Маркса о бонапартизме как о социальной демагогии может быть истолковано более широко на основе изучения процесса реформ 1860-х гг. Перемены, произошедшее в то десятилетие, позволяют предположить, что бонапартизм — это не просто авторитарный режим, чья легитимность построена на плебисцитарной демократии. Такой режим может быть вполне совместим с инновациями в политических институтах и с развитием гражданского общества. Он способен адаптировать различные общественно-политические концепции, например, как мы уже видели, социализм и либерализм. Его появление именно во Франции можно объяснить сосуществованием демократических традиций в политической жизни и монархических институтов, авторитет которых в обществе все еще был высоким. С конца XVIII в. ни демократия, ни монархия во Франции не смогли

полностью утвердиться в обществе, торжество одной из них рано или поздно заканчивалось новыми репрессиями или революцией. Поэтому две формы власти вынуждены были искать компромисс.

Второй вопрос: явилась ли «либеральная империя» как комплекс идеологии беспрецедентным на тот момент экспериментом для Франции? Если углубиться в историю, то подобные попытки предпринимались в стране и прежде — стоит вспомнить начало революции 1789 г., эру эйфории относительно возможности конституционной монархии, еще не омраченную силуэтом гильотины и террора во имя свободы: идеи маркиза де Лафайета, аббата Сийеса и графа де Мирабо о возможности сосуществования конституционной монархии со свободами гражданина; Хартию 1814 г., где соединялся монарх божьей милостью и принципы Декларации прав человека и гражданина; или же либералов у власти в период Июльской монархии, идеи Ф. Гизо о свободах ради защиты авторитета монарха и поддержания стабильности в обществе. В сущности, как отмечалось в предыдущих главах, идеи Оливье о компромиссе свободы и порядка не новы — он принял их от «отцов-основателей» французского либерализма. В эпоху Второй империи этот шаг стал более «революционным» — власть и либералы признали неизбежность водворения в обществе именно демократических свобод в связи с изменившимся социально-политическим климатом; кроме того, в истории Франции на то время это было первое обращение монарха к демократическим и отчасти социалистическим принципам, первое серьезное внимание к социальным вопросам, к проблемам рабочего класса. Но и этот компромисс, как и предыдущие, оказался неустойчивым. На наш взгляд, причинами таких провалов каждый раз оказыва-

лась запоздалая реакция властей на требования общества, что, в свою очередь, порождало непредвиденную радикализацию настроений определенных общественных и политических групп. Власть просто не успевала измениться вместе с обществом. Социально-экономические перемены той эпохи проходили столь стремительно, что после всего лишь нескольких лет режим считался устаревшим и требовал реформирования. Власть, в основе идеологии которой все еще были заложены остатки «старого порядка» (будь то порядок Бурбонов или Бонапартов), с трудом отказывалась от иллюзий своей незыблемости и тем самым становилась неадекватной своему времени. Буржуазная монархия, которая могла бы спасти страну от смуты и террора в 1789 г., стала проклятием Франции в 1848 г. Бонапартистский режим, самое действенное лекарство для усталой и неопытной нации 1799 г., в 1860-х начал мыслиться как попытка вновь обмануть общество, которое к тому времени обрело немалый опыт политической борьбы и диалога с властью. Действовать авторитарными методами в демократическом обществе стало ошибкой Наполеона III; оправдание таких действий стало ошибкой и позором реформаторов. Иными словами, больному каждый раз давали просроченное лекарство.

Поэтому неудивительно, что в каждом случае за режимом либеральной монархии следовала революция и провозглашение республики. Реформы 1860-х гг. проходили на более сложном идеологическом и социальном фоне, чем предшествующие эпохи: манифест коммунистической партии и Первый интернационал ознаменовали новую эпоху в отношениях классов, республиканские и социалистические идеи уже прочно укоренились в общественном сознании, и либеральные идеи, сколь ни пытались

они адаптироваться к реальности, оказались в значительной степени устаревшими. Но в любом случае эти реформы были смелой, пусть и на грани отчаяния, попыткой вернуть обществу его фундаментальные свободы; они стали решительным шагом и попыткой модернизации социальных институтов, развития гражданского общества со всеми присущими ему принципами. Реформы, приняв наследие французских гражданских свобод и институтов с 1789 г., заложили фундамент для развития либерального и демократического государства для последующей эпохи — Третьей республики, которая, между прочим, просуществовала во Франции на сегодняшний момент дольше всех прочих республик (почти 70 лет) и упрочила политическую конструкцию французской республиканской системы.

Последний вопрос, который мы считаем необходимым прояснить в данной книге, — это бросающиеся в глаза параллели между бонапартистскими реформами и социально-политической динамикой европейских государств того периода. Речь идет о проблеме так называемого социального либерализма. В принципе, сущность его как раз и проявилась в программе реформ, идеях императора и идеях Оливье: соединение либеральной традиции (верховенство свобод индивида, конституционализм, парламентская монархия, соблюдение прав собственности, ценностей семьи и христианства, невмешательство государства в экономику и частную жизнь индивида) и социальной демократии образца середины XIX в. (всеобщее избирательное право, социальная благотворительность, забота о положении рабочего класса, жилищное строительство, пенсии, пособия — зачаточные элементы современной системы *welfare*). Другое дело, что такая политика гораздо больше известна за предела-

ми Франции и связана с именами и деятельностью английского либерального мыслителя и политика Джона Стюарта Милля и его не менее прославленных соотечественников, премьер-министров Англии Уильяма Гладстона и Бенджамина Дизраэли. Милль в своих сочинениях, как и Оливье, соединил либеральную традицию конституционализма и гражданских свобод с острыми социальными вопросами³; как и Оливье, он был членом Парламента от новой либеральной партии и выступал как раз за решение таких вопросов. Гладстон и Дизраэли (с либеральной и консервативной сторон соответственно) заложили каркас системы, подразумевавшей авторитет власти монарха-«отца», покоящийся на национальном благосостоянии и политических свободах. Не это ли было мечтой Наполеона III, ненадолго воплощенной им в империи? Не на этом ли была основана программа «либеральной империи»? Бесспорно, такие совпадения могут объясняться тем, что и сам император, и его либеральные соратники во многом учились у старших английских коллег — стоит вспомнить хотя бы увлечение молодого Луи Бонапарта идеями Смита и Оуэна, а Оливье, как мы уже указывали, был поклонником британской государственной и социальной системы. Сравнительный анализ идей двух коллег и современников, Оливье и Милля, бесспорно, необходим, но выходит за пределы проблематики данной работы. так что вернемся к уже заданному нами в этом разделе вопросу: можно ли считать Оливье не только бонапартистом, но и либеральным демократом? Пожалуй, именно он и явился «французским Миллем» — теоре-

3. См.: *Милль Дж. С. О свободе* // Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995.

тиком и политиком, соединившим в своих идеях и деятельности принципы классического либерализма и демократии. В принципе, в этом отношении Оливье незаслуженно забыт и осужден историками и современниками. В отличие от Милля, который выстроил четкую и последовательную концепцию парламентской демократии, представительного правления (что отражено в его одноименном известнейшем труде⁴), Оливье несколько сбился с намеченного пути: он споткнулся о бонапартистский принцип отрицания парламентаризма⁵. Именно этот принцип он пытался приспособить к либерализму и демократии и приспособил неудачно. Но, пусть и с оговоркой, Оливье достоин быть названным одним из пионеров либеральной демократии во Франции, и уж точно — либерального социализма. Либерально-демократические принципы восторжествовали и надолго закрепились в стране уже при Третьей республике, хотя корни их восходят к революции 1848 г. (воспитавшей, кстати, и Оливье), но в то время они были еще слабы в масштабах страны и были быстро сметены бонапартистским переворотом; однако реформы 1860-х гг. подготовили для главенства этих принципов гораздо более прочный фундамент, чем все

4. См.: *Милль Дж. С. Представительное правление.* СПб., 1897.

5. Бросается в глаза противоположная Оливье идея Милля, утверждающая именно полезность представительства: «Но когда надо обсуждать какой-либо вопрос, собрание сделает это успешнее отдельного лица. Равным образом, когда положение дел требует, чтобы выслушались и принимались во внимание многие противоречивые мнения, то совещательное собрание необходимо» (*Милль Дж. С. Представительное правление.* СПб., 1897). То, что Оливье считал источником хаоса политической жизни, для Милля было ее основой и упорядочиванием.

предыдущие формы конституционно-монархических режимов.

Однако помимо интеллектуальных связей той эпохи своеобразная межконтинентальная миграция «социального либерализма» могла бы получить еще одно объяснение. Связано оно с общим для быстро развивающихся стран Европы того времени социально-политическим климатом. Промышленная революция, постепенно перекинувшаяся с Англии на континент, развитие технологических инноваций, победа буржуазно-монархических парламентских режимов, рост пролетариата, неизбежно вытекавший из промышленного прогресса, распространение и развитие периодических изданий, на страницах которых излагались все новейшие идеи того времени, и, самое главное, все большее распространение и влияние идей свободы, от классических либеральных до социалистических, — все это определило картину эпохи и стало общим для Европы того времени, поколебав устои самодержавия даже в Российской империи. То был действительно век тотальной революции: политической, промышленной, интеллектуальной и культурной. По стремительности развития и появления новых идей и изобретений XIX в. сравним разве что с эпохой Ренессанса и Реформации. И если Ренессанс и Реформация XVI в. заключались в секуляризации сознания человека и возрождении самоощущения свободы личности, то Ренессанс XIX в. был торжеством гражданского самосознания человека. Пусть и со значительными региональными особенностями, но эти идеи и ощущения объединили всю Европу.

Именно поэтому либеральный бонапартизм, «либеральная империя» во Франции как региональный вариант «социального либерализма» стала от-

ражением политических настроений эпохи. Для самой Франции, как мы уже отметили, бонапартизм стал на данный момент (после революционного кризиса 1848 г.) наиболее разумным компромиссом и балансом между монархией и социализмом. Это было неизбежно, поскольку традиционные монархические институты были серьезно дискредитированы, но при этом попытка создать социалистическую республику провалилась, и кризис показал, что общество не готово к такой автономии и все еще страшится новой революции, связанной с социальными потрясениями. В масштабах Европы «социальный либерализм», или «монархический социализм», отразил аналогичный компромисс: либеральные и социалистические идеи достигли пика своего развития в этот период, они прочно укоренились в общественном сознании и уже воспринимались как норма политической жизни; поэтому монархи для поддержания хотя бы своего символического авторитета неминуемо должны были пойти навстречу требованиям общества и решать не только политические, но и острые социальные вопросы. По этой причине с данной точки зрения Наполеон III, его режим и его реформы явились воплощением духа своего времени. «Век — это вы», — однажды сказал императору пианист Ференц Лист во время одной из их частных бесед.

Век Наполеона III, как мы уже отмечали в начале этой книги, — это настоящий исследовательский клад. Сколько сторон той эпохи еще предстоит глубоко и масштабно рассмотреть, сколько споров разрешить: политические воззрения самого императора, феномен бонапартизма в истории Франции, проблемы историографии этого периода, экономическая мысль (преданный забвению Мишель Шевалье), история промышленного пе-

реворота во Франции, трудные пути либерального течения, биографии виднейших архитекторов и строителей Второй империи... Всего не перечислишь. И рассмотренный нами период — это лишь «винтик» в мощном и сложном механизме, созданном этим отчаянным одиночкой-изобретателем, последним монархом Франции. Но «винтик» этот, при своих малых размерах, оказался роковым для гигантской машины.

У младшего Бонапарта, как и у его дяди, был свой Тулон, свой Аустерлиц; было и свое взятие Москвы — победа, не принесящая славы: «либеральная империя». Злополучное стечение обстоятельств не позволило многим современникам, потомкам и историкам адекватно воспринять этот краткий период. Мы также не берем на себя смелость в полной мере сделать это; единственное, к чему мы можем призвать и исследователя, и рядового читателя — это задуматься над тем, как несправедливо была забыта (а в чем-то и вовсе потеряна) эта эпоха, какие огромные возможности для грядущих исследований она представляет и какие уроки из нее можно извлечь. В конце концов, что, как не сама история, естественное развитие общества, мысли и цивилизации в целом, сможет вынести наиболее справедливый приговор? Наша задача в данном случае — просто обеспечить судей и адвокатов наиболее полноценными материалами дела.

Источники и библиография

Источники

Архивные материалы

Archives Nationales de France. Fonds Rouher; Fonds Bonaparte; Fonds Persigny; Fonds Simon; Fonds Guizot; Fonds Favre; Fonds Cremieux; Fonds Barrot; Fonds Rochefort; Fonds Descluzes.

Официальные публикации государственных актов, речей и программных документов

Journal officiel. 1869–1870.

Rapports du gouvernement avec Le Moniteur. 1867–1870.

Периодические издания (1867–1870)

L'Opinion nationale.

L'Avenir national.

Le Siècle.

Le Temps.

Le Gaulois.

Le Pays.

Le Constitutionnel.

Le Peuple Français.

Le Progrès.

La Lanterne.

Revue des deux mondes.

L'Illustration.

Мемуары

- Шатобриан Ф. Р.* Замогильные записки. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1995.
- Allain-Targé H.* La République sous l'Empire. Paris, 1939.
- Claveau A.* Souvenirs politiques et parlementaires d'un témoin (1865–1870). Paris, 1913.
- Comte de Maugny.* Souvenirs du Second Empire. Paris, 1889.
- Darimon A.* Histoire d'un parti. Paris, 1887.
- Darimon A.* Les irréconciliables sous l'Empire. Paris, 1888.
- Duc de Persigny.* Mémoires. Paris, 1896.
- Du Camp M.* Souvenirs d'un demi-siècle. Paris, 1949.
- Gambetta L.* Discours et plaidoyers politiques. Paris, 1881. Vol. 1
- Gambetta L.* Lettres. Paris, 1938.
- Granier de Cassagnac A.* Souvenirs du Second Empire. Paris, 1881. Vol. 2.
- Ollivier E.* L'Empire libéral. Paris, 1899–1912. Vol. 1–12.
- Ollivier E.* Démocratie et liberté. Paris, 1867.
- Quentin-Bauchart.* Etudes et souvenirs sur la Deuxième République et le Second Empire. Vol. 2. Paris, 1902.
- Thiers A.* Discours sur la politique intérieure. Paris, 1864.
- Thiers A.* Discours sur les libertés politiques. Paris, 1865.

Библиография

- Грегуар Л.* История Франции в XIX в. М., 1894. Т. 3.
- Дразнинас Я. И.* Современные буржуазные историки о Наполеоне III и Второй империи // Новая и новейшая история. 1964. № 2.
- Европейский либерализм в новое время: Теория и практика. М., 1995.
- Желубовская Э. Л.* Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М.: АН СССР, 1956.
- История Франции / Под ред. А. З. Манфреда. М.: АН СССР, 1972. Т. 2.
- Кареев Н. И.* История Западной Европы в новое время. СПб., 1903. Т. 5.
- Либерализм Запада. XVII–XIX вв.. М., 1995.
- Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 8.
- Смирнов А. Ю.* Империя Наполеона III. М.: Эксмо, 2003.

- Тюлар Ж.* Наполеон. М.: Молодая гвардия, 2012.
- Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001.
- Черкасов П. П.* Наполеон III — император французов // Новая и новейшая история. 2012. Июнь.
- Anceau E.* La France de 1848 à 1870. Entre l'ordre et le mouvement. Paris, 2002.
- Anceau E.* Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Tallandier, 2008.
- Bluche F.* Le Bonapartisme. Aux origines de la droite autoritaire. 1800–1850. Paris, 1980.
- Boia L.* Napoléon III, le mal-aimé. Editions Les Belles Lettres, 2007.
- Boilet G.* La doctrine sociale de Napoléon III. Paris, 1969.
- Boon H.* Rêve et réalité dans l'oeuvre économique et sociale de Napoléon III. Paris, 1936.
- Campbell S. L.* The Second Empire Revisited: a Study in French Historiography. New Brunswick: Rutgers University Press, 1978.
- Corley Th.* Democratic Despot: a Life of Napoleon III. London: Barrie & Rockcliff, 1961.
- Dansette A.* Naissance de la France moderne. Le Second Empire. Paris, 1976.
- Dargent R.* Napoléon III, l'empereur du peuple. Collection Témoignages de l'Histoire / Ed. Jacques Grancher, 2009.
- Delord T.* Histoire du Second Empire. Paris, 1869–1875. Vol. 3–7.
- De Chambrier J.* Second Empire. Entre l'apogée et le déclin. Paris, 1908.
- De la Gorce P.* Histoire du Second Empire. Paris, 1904–1908. Vol. 5, 6. Dictionnaire du Second Empire. Sous la direction de J. Tulard. Paris, 1995.
- Du Bousquet B.* Un grand méconnu. Napoléon III. Paris, 1905.
- Duclos J.* De Napoléon III à de Gaulle. Paris, 1964.
- Dufreigne J.-P.* Napoléon III: Un empereur qui rêvait... Paris, 2007.
- Dunham A. L.* The Anglo-French Treaty of Commerce of 1860 and the Progress of the Industrial Revolution in France. Detroit: University of Michigan Press, 1930.
- Furet F.* La Revolution 1814–1880. Paris, 1988.
- Girard L.* Les élections de 1869. Paris, 1960.
- Girard L.* Les libéraux Français. 1814–1875. Paris, 1985.
- Girard L.* Napoléon III. Paris, 1986.
- Gooch G. P.* The Second Empire. London: Longmans, 1960.
- Historical Dictionary of the French Second Empire / Ed. W. E. Echard. London: Aldwych Press, 1985.
- Horvath-Peterson S.* Victor Duruy and French Education: Liberal Reform in the Second Empire. London; Baton Rouge: Louisiana University Press, 1984.
- Jardin A.* Histoire du libéralisme politique. Paris, 1987.

- Kulstein D.* Napoléon III and the working class. The California State College, 1969.
- McMillan J. F.* Napoleon III. London; New York: Longman, 1991.
- Milza P.* Napoléon III. Paris, 2004.
- Minc A.* Louis-Napoléon revisité. Paris: Gallimard, 1996.
- Nord Ph.* The Republican Moment: Struggles for Democracy in Nineteenth-Century France. Cambridge: Harvard University Press, 1995.
- Plessis A.* De la fête impériale au mur des fédérés. 1852–1871. Paris, 1979.
- Prevost-Paradol L.* La France nouvelle. Paris, 1868.
- Rosanvallon P.* L'Etat en France de 1789 à nos jours. Le Seuil, 1990.
- Rosanvallon P.* Le Sacre du citoyen. Histoire du suffrage universel en France: Gallimard, 1992.
- Sagnes J.* Les racines du socialisme de Louis-Napoléon Bonaparte. Toulouse, Privat, 2006.
- Sagnes J.* Napoléon III, le parcours d'un saint-simonien. Paris, 2008.
- Seignobos Ch.* Histoire de la France contemporaine. Paris, 1921.
- Smith W.* Napoleon III. Paris: Hachette, 1982.
- Thody Ph.* French caesarism from Napoléon III to de Gaulle. London, 1989.
- Tudesq A.* La démocratie en France depuis 1815. Paris, 1971.
- Tulard J.* Napoleon ou le mythe du sauveur. Paris, Fayard, 1977.
- Tulard J.* Pourquoi réhabiliter le Second Empire? Paris, 1997.
- Zeldin T. E.* The political system of Napoleon III. London: Macmillan, 1958.
- Zeldin T. E.* Ollivier and the liberal empire of Napoléon III. Oxford, 1963.

МАРИЯ УВАРОВА
КОРОНОВАННАЯ ДЕМОКРАТИЯ
Франция и реформы Наполеона III
в 1860-е гг.

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор издательства АРТЕМ СМИРНОВ
Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА
Редактор ЗЛАТА ХУДЕНКО
Художник серии ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Переплет, верстка СЕРГЕЯ ЗИНОВЬЕВА

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

Подписано в печать 23.06.14.
Тираж 1000 экз. Формат 84×108/32
Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 1259

Относительно Наполеона III историки предпочитали, как правило, роль биографов, выводили на передний план мысль и направляющую руку правителя. Нас же интересуют мысли и дела тех, кем он правил. Потому мы и решаемся наблюдать то, каким образом воля личности и воля обстоятельств встретились, вступили сперва в борьбу, затем в диалог и, наконец, дали жизнь одной недолгой, но невероятной форме общественной жизни.

